

ПРАВОВОЙ КЛАССИЦИЗМ И ПОСТМОДЕРН В ПРАВЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
г. Иркутск, 26 октября 2024 г.

ISBN 978-5-9624-2351-7

УДК 34[(470)+(571)](063)
ББК Х(2Р)л0
П68

Ответственный редактор
канд. экон. наук *О. В. Горбач*

Правовой классицизм и постмодерн в праве: традиции и новации : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 26 октября 2024 г. / отв. ред. О. В. Горбач. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2351-7.2024.1-248>

ISBN 978-5-9624-2351-7

Публикуемые материалы посвящены развитию разных отраслей российского права, они отражают проблемные вопросы и перспективное понимание правовых процессов и явлений.

Предназначены для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, практических работников, а также всех интересующихся российским и зарубежным законодательством.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 521-900

Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 17.12.2024. Тираж 13 экз. Объем 3,8 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2024

ПРАВОВОЙ КЛАССИЦИЗМ И ПОСТМОДЕРН В ПРАВЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

г. Иркутск, 26 октября 2024 г.

ISBN 978-5-9624-2351-7

ПРАВОВОЙ КЛАССИЦИЗМ И ПОСТМОДЕРН В ПРАВЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
г. Иркутск, 26 октября 2024 г.

ISBN 978-5-9624-2351-7

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРАВОВОЙ КЛАССИЦИЗМ И ПОСТМОДЕРН В ПРАВЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ
Всероссийской научно-практической конференции
Иркутск, 26 октября 2024 г.

УДК 34[(470)+(571)](063)
ББК Х(2Р)л0
П68

Публикуется по решению учебно-методической комиссии
Юридического института ИГУ

Ответственный редактор
О. В. Горбач, канд. экон. наук

Редколлегия:
И. В. Ганусенко, канд. юрид. наук
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц.
Р. А. Забавко, канд. юрид. наук, доц.
Т. А. Курас, канд. юрид. наук, доц.
Н. В. Безик, канд. юрид. наук, доц.
О. В. Горбач, канд. юрид. наук, доц.
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц.

П68 **Правовой** классицизм и постмодерн в праве: традиции и новации : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 26 октября 2024 г. / отв. ред. О. В. Горбач. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2351-7.2024.1-248>

ISBN 978-5-9624-2351-7

Публикуемые материалы посвящены развитию разных отраслей российского права, они отражают проблемные вопросы и перспективное понимание правовых процессов и явлений.

Предназначены для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, практических работников, а также всех интересующихся российским и зарубежным законодательством.

УДК 34[(470)+(571)](063)
ББК Х(2Р)л0

ISBN 978-5-9624-2351-7

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ»

Баторова Т. П. Правовое регулирование деятельности государственных органов по борьбе с детской беспризорности в Бурятии.....	8
Ганусенко И. В. Формирование правовых традиций по налогообложению сферы государственно-частного партнерства в Российской империи во второй половине XIX века	14
Кужлев К. И. Вопросы соотношения права и этики	20
Смирнов А. Е. О субъекте права в постмодерне	23
Степанова Е. Е. Постмодерн и его влияние на понимание права	27
Юрковский А. В. Эстолологический подход к естественным правам: реалии и перспективы	32

СЕКЦИЯ «ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ»

Завьялов А. Н. Парадигма обеспечения безопасности выборов в России и за рубежом	37
Земляков А. В. Трансформация государственной правовой политики Российской Федерации в условиях глобальных изменений в современном мире	40
Иванова Е. Л. Конституционные права и обязанности иностранных граждан: актуальные тенденции правового регулирования	45
Котельников А. Д. Органы публичной власти как юридические лица: отдельные вопросы правового статуса	49
Хертуев Р. Ю. Цифровизация избирательных процедур: движение и регистрация кандидатов	53
Шишкин С. И., Шишкина Н. Э. Суды в механизме защиты права на местное самоуправление	57
Шорников Д. В. Международное право окружающей среды: точка для сборки?	62

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ»

Васильева Н. В. Новеллы российского налогового законодательства: от традиций к новациям	67
Медведева Н. В. Финансово-правовое регулирование предоставления бюджетных инвестиций хозяйственным товариществам и обществам	71
Серебrenников И. Н. Оценка доказательств по делам об административных правонарушениях	74

Слепнёв А. А. Правовой режим информации ограниченного доступа: проблемы правового регулирования	78
Чагин И. Б. К вопросу о применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в контексте государственной политики по снижению административной нагрузки на бизнес	83
Шевченко А. В. К вопросу о правовой природе оценочных категорий	88

СЕКЦИЯ «ПОСТМОДЕРНИЗМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.»

Аверинская С. А., Загайнов В. В. Отдельные вопросы квалификации деяний, предусмотренных главой 18 Уголовного кодекса Российской Федерации	94
Анисимов А. Г. Общественная опасность деяния в условиях постмодерна	98
Босхолов С. С. Полемические заметки о криминологии постмодерна	102
Гармышев Я. В. Значение общественно опасных последствий в преступлениях против общественной безопасности	108
Георгиевский Э. В. Общий обзор положений о посредственном причинении в трудах русских криминалистов до 1917 г.	111
Гилинский Я. И. Немного о криминологии постмодерна	115
Забавко Р. А. Уголовная ответственность за экологические преступления в обществе постмодерна	119
Орешкин М. И. «Пакетные» законы и дробление составов преступлений как тенденции современной уголовной политики России	124
Петрякова Л. А. Утечка персональных данных клиентов банка как один из факторов, детерминирующих совершение мошенничеств в банковской сфере	129
Родивилин И. П. Общесоциальное предупреждение интернет-преступности	134
Рыбакова А. С. Уголовно-правовое противодействие распространению деструктивного контента в виде треш-стримов	138
Середа И. М. Некоторые вопросы внедрения института probation в России	141
Филиппова О. В. Криминологическое изучение рецидивной преступности в первой четверти XXI века	144

СЕКЦИЯ «СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ, АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ»

Белоусова Н. Н. Проблемы формирования и перспективы развития судебного права в Российской Федерации	148
--	-----

Гавриленко А. А. Отказ в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: актуальные тенденции в практике арбитражных судов	152
Джура В. В. Новое в упрощенном и приказном производстве	157
Кравцов А. Ю. К вопросу о злоупотреблении процессуальным правом в гражданском судопроизводстве	162
Нестолый В. Г. Промежуточные решения суда и решения, выполняющие функции промежуточных	167

СЕКЦИЯ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВА И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ»

Ефимов Е. В. Особенности результатов налогового контроля как средств доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях	173
Ильина В. А. Общественная опасность личности через призму диалектики	177
Митюкова М. А. Особенности доказывания при расследовании преступлений в сокращенной форме дознания	182
Мухутдинов С. С. К вопросу о разграничении конфискации, применяемой судом в рамках рассмотрения уголовных дел, и последствий недействительности сделок, применяемых в гражданском процессе: подмена понятий или пробел правового регулирования?	185
Федорович Ю. С. Особенности прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности	190

СЕКЦИЯ «ЧАСТНОЕ ПРАВО»

Баженов А. Ю. Исторические этапы и предпосылки правового регулирования государственно-частного партнерства в России и за рубежом	194
Безик Н. В. Виды безнадзорных животных в законодательстве России	198
Батурина А. А. Соглашение о порядке ведения переговоров как регулятор преддоговорных правоотношений	203
Ведерников А. В. Либеральные основы гражданского права: базис роста, или крах концепции?	207
Виниченко Ю. В. Варианты правовых последствий «заступа» при возведении самовольной постройки	212
Ганева Е. О. К вопросу об определении понятия сделки, подлежащей оспариванию в рамках дела о несостоятельности (банкротстве)	217
Горбач О. В. Необходимость применения проектного подхода к деятельности в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	221

Климович А. В. Право следования как субъективное интеллектуальное право	225
Комков С. А. Правовые последствия необоснованного отказа при заключении трудового договора	229
Максимов В. А. Предпосылки формирования искусственного интеллекта как субъекта права	234
Ровный В. В. О юридических фактах, необходимых для возникновения и осуществления перевозки в прямом смешанном сообщении, в новом Законе о прямых смешанных перевозках	239
Рябова А. Ю. Нетекстовые сообщения в договорном праве: социальная обусловленность и перспективы развития	244

СЕКЦИЯ
«ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ»

Правовое регулирование деятельности государственных органов по борьбе с детской беспризорности в Бурятии

© Т. П. Баторова, 2024

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности государственных органов в период 1920–1930-х гг. по борьбе с беспризорностью в советской России, а также на отдельных ее территориях. Анализируются законодательные акты, направленные на улучшение жизни беспризорников, исследуются формы работы государственных органов по искоренению беспризорности. Выявлено, что деятельность по борьбе с беспризорностью была организованной и разнонаправленной, принимались различные формы работы с беспризорностью (например, воспитание беспризорников в рамках трудовой деятельности).

Ключевые слова: дети-сироты, беспризорность, советская Россия, государственная политика, комиссия по улучшению жизни и быта детей, борьба с беспризорностью, ликвидация беспризорности, социальная защита.

Беспризорность была злободневной проблемой советской власти в начале XX в., и стала следствием событий 1917 г., Гражданской войны 1914–1918 гг., в результате сложилась тяжелая ситуация в социально-экономической сфере, требующей от государства принятия серьезных решений и действий. Забота о беспризорных детях в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР) стала первостепенной, кроме того, ситуация усугублялась ростом преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) М. И. Калинин говорил, что «беспризорность детей – это угроза не только настоящему России, но и ее будущему» [4, с. 2]. Данная неблагоприятная обстановка, связанная с положением беспризорных, требовала от государства решительных и эффективных мер. Действительно, детская беспризорность показывала на наличие большого противоречия между растущей и развивающейся индустриализацией государства и бедственным положением подрастающего поколения, которое в дальнейшем должны стать строителями будущего Российского государства. Первым шагом в борьбе с беспризорностью было создание комиссий для несовершеннолетних, которые были созданы согласно Декрету Совета народных комиссаров от 14 января 1918 г. Детские комиссии (Деткомиссии) при ВЦИК и регионах страны являлись основным государственным органом по борьбе с детской беспризорностью. Этот был межведомственный орган, который осуществлял координирование деятельности по борьбе с беспризорностью с другими государственными ведомствами. Одной из основных задач комиссии заключался в поиске материальных средств для оказания помощи детям, комиссии организовывали работу в сфере защиты детства, выделяли государственные субсидии и т. д.

Состояние с беспризорностью была сложной не только в центральных городах, но и регионах нашего государства. В Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике (Бурят-Монгольская ВССР) согласно первой переписи 1924 г. насчитывалось 472 человека. Вторая перепись беспризорников (июль 1926 г.) показала, что ситуация с беспризорностью в Бурятии практически не изменилась. Так, всего было зарегистрировано 479 детей-беспризорников, из них: Верхнеудинский уезд – 62, Троицкосавский аймак – 70, Баргузинский аймак – 24, Агинский аймак – 15, Аларский аймак – 20, г. Верхнеудинск – 93, Эхирит-Булагатский аймак – 135, Тункинский аймак – 30 и Хоринский аймак – 30. Стоит отметить, что учет прошел всего лишь в 8 аймаках, что составляет меньше половины всей территории, поэтому можно говорить о том, что количество беспризорников гораздо больше, около 1000 детей, из них 98 % это были дети местного населения. В 1924 г. в связи со сложной обстановкой с беспризорностью в некоторых регионах (например, Поволжье) государство приняло решение о эвакуации детей-беспризорников в более благоприятные регионы. Так, в Бурят-Монгольской АССР было зарегистрировано более 100 детей-сирот и детей, которые возможно имели родителей, но потеряли связь с ними. Позднее, в 1925–1926 гг., было предписание возврате этих детей на родину, и три четверти были реэвакуированы обратно домой, а те, которые прибыли совсем маленькими и не помнили ни имени, ни места, откуда приехали, остались в Бурятии. В отчете Верхнеудинской уездной комиссии за 1925–1926 гг. было отмечено, что из 20 детей, вызванных к отправке на родину, явился лишь один. И как отмечено в отчете «часть таких детей проживала у бурят, они забыли свой язык и полностью обурятились» [4, с. 18].

При проведении переписи в 1926 г. также выяснилось, что круглыми сиротами были 48 %, имели одну мать – 42 %, одного отца – 8 %, обоих родителей – 2 %. Большая часть детей занималась нищенством (60 %), 15 % детей жили случайной поденщиной, т. е. оплата труда была за проработанный день, а не за объем выполненной работы, и 25 % детей не имели никакого занятия, к ним в основном относились дети в возрасте до 10 лет [4, с. 6]. Повседневная жизнь детей-беспризорников заключалась в поисках пропитания, выпрашивания милостыни. Дети постоянно находились на базарных площадях среди лиц, которые занимались мошенничеством, совершение карманных краж было достаточно распространенным способом выживания. Чтобы выжить беспризорники организовывались в группы со своими правилами и законами [7, с. 191].

Борьба с ликвидацией беспризорности требовала больших организационных и финансовых средств. Так, в 1924–1925 гг. расходы на борьбу с беспризорностью составляли 24,8 % всех расходов из местного бюджета по всей РСФСР, в 1925–1926 гг. – 16,5 % из местного бюджета [4, с. 1]. Этих денег, конечно же, не хватало, первой задачей было накормить и одеть детей. Поэтому для помощи детским домам устанавливали шефство других организаций (заводы, фабрики, воинские части и т. д.), стоит сказать, что их помощь была также невелика. К решению вопросов питания привлекали заграничные организации, врачебно-питательные отряды, профессиональные союзы, Красную армию и т. д. Так, в июле 1922 г. заграничные организации кормили 622 132 ребенка, врачебно-питательные отряды – 30 тыс., на общественном питании находилось 1 070 750 детей. Также была организована работа по распределению детей по рабочим и крестьянским семьям: профессиональные союзы взяли 175 тыс. детей, Красная армия – 39 тыс., крестьянский комитет взаимопомощи – 50 678 детей, и, наконец, крестьянскими семьями было принято 16 500 детей [4, с. 4]. Организовывали питательные пункты, столовые детские дома, посылались «маршруты с хлебом», устраивали детские дома. Многие дети самостоятельно уезжали в благополучные губернии. Именно для таких детей устраивали детские дома при предприятиях, учреждениях, при частях Красной армии. Для оснащения детских домов проводились субботники, лотереи, концерты, полученные деньги отправлялись на борьбу с детской беспризорностью. Все указанные мероприятия проводились с целью изыскания средств на борьбу с беспризорностью и содержали основную задачу Деткомиссии [8, с. 82]. Согласно отчету за 5 лет Центральная детская комиссия в Бурят-Монгольской АССР проделала огромную работу по изысканию средств для борьбы с беспризорностью. Они изготавливали и распространяли государственные флаги и знамена, продавали телефонные книжки, устраивали гуляния, прогулки на пароходе, распространяли благотворительные марки и т. д. Результаты их деятельности (доходы от различных источников) были следующие: 1923–1924 гг. 3758 руб. 56 коп., 1924–1925 – 31 979 руб. 47 коп., 1925–1926 – 69 351 руб. 86 коп., 1926–1927 – 31 412 руб. 11 коп., 1927–1928 – 74 605 руб. 06 коп. Одним из главных источников доходов в Бурят-Монгольской АССР были созданные предприятия, такие как миллиардные и предприятие «механический диск», проводились лотереи.

Одним из значимых направлений деятельности детской комиссии было определение детей на обучение профессии и получение образования. Именно это направление давало возможность беспризорникам приобрести профессию, стать самостоятельным гражданином Совет-

ского государства. Центральные детские комиссии определяли детей в ремесленные мастерские, школы и семьи, на содержание которых выделялись постоянные пособия, назначаемые Наркомпросом из средств детской комиссии. Так, по данным на апрель 1928 г. в Бурят-Монгольской АССР всего был определен 91 беспризорник, из них: в учебно-показательных мастерских обучалось и трудилось 46 мальчиков, в школах кройки и шитья обучалось 10 девочек, в частных мастерских – 2 человека, в механических мастерских – 15 человек [4, с. 9]. Тем самым решались такие важные задачи, как забрать детей с улицы, дать образование, дать беспризорникам ремесло.

Еще важной формой борьбы с беспризорностью был труд, а детский труд в социально-экономических условиях развивающегося государства был необходим, ион являлся важнейшей частью воспитания молодежи [5, с. 445]. Труд рассматривался в первую очередь как воспитательный процесс, дети получали образование и во вторую очередь осваивали профессии, обучаясь в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) [6, с. 103]. В целях правового регулирования детского труда в первые годы советской власти были изданы законодательные акты. В июле 1919 г. вышло Постановление Народного комиссариата труда «О применении детского труда», в котором устанавливались правила о труде малолетних (до 16 лет). Согласно Постановлению прием на работу до 16 лет не допускался, однако в исключительных случаях с 14 лет можно было допускать до работы, когда имела крайняя материальная нужда, и органы социального обеспечения и Народного Комиссариата Просвещения не имели возможность обеспечить этих детей. Как только появлялась возможность разместить малолетних до 14 лет в общие и профессиональные школы, то они снимались с работ с назначением пособия в размере получаемой ранее заработной платы либо суммы, необходимой для доведения доходов семьи до прожиточного минимума [3]. При необходимости малолетние могли продолжить работать, но уже только с разрешения инспектора труда. Также Постановлением устанавливалась продолжительность рабочего дня малолетних, которая составляла 4 часа, а работа подростков должна оплачиваться как за полный рабочий день [2].

Следующий законодательный акт, принятый ВЦИК, был Декрет от 2 мая 1922 г., который установил предельный минимум количества подростков на предприятии.

Уже тогда государство задумалось о будущей квалифицированной рабочей силе, которая должна прийти на смену ныне работающей. В связи с этим данным Декретом был установлен обязательный процент работающих малолетних (15, 16, 17 лет) в определенных отраслях по

отношению ко всему количеству работающих на данном предприятии. Например, металлургия и обработка металла – 8 %, бумажная промышленность – 6 %, полиграфическая промышленность – 13 %, фарфоровая и фаянсовая – 5 %, самый маленький процент 2 % установлен в чайной промышленности. В целом процент работающих малолетних варьировался от 2 до 13 %. Это соотношение касалось не только государственных, но и частных предприятий. Предприятия, в которых процент работающих подростков был ниже установленных Декретом, должны до 1 сентября 1922 г. повысить до установленной нормы, разрешается занимать большее количество подростков. Данный Декрет преследовал не только цель создания кадрового резерва, но и использование труда как средства социализации подростков [1].

В Бурят-Монгольской АССР значительную роль в подготовке беспризорников сыграли Верхнеудинские учебно-показательные мастерские им. П. П. Постышева, которые весной 1927 г. спустя 4 года выпустили 10 учащихся (5 из которых были из числа беспризорников), прошедших курс обучения сапожному, слесарному и столярному делам. Всего за период с 1923 по 1928 г. в учебно-показательных мастерских обучилось 141 беспризорник по следующим отделениям: столярное, сапожное, слесарное и переплетное.

Таким образом, деятельность государственных органов по ликвидации беспризорности была системной, использовались различные формы работы по борьбе с беспризорностью. Анализ законодательства периода 1920–1930 гг. позволяет установить сложившуюся ситуацию беспризорности в Бурят-Монгольской АССР, а также выделить основные направления деятельности государства с беспризорностью, например трудовое обучение и воспитание.

Литература

1. Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях : декрет ВЦИК от 2 мая 1922 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система
2. О применении труда малолетних : постановление Народного Комиссариата Труда РСФСР от 3 июля 1919 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. О социальном обеспечении малолетних, подлежащих снятию с работы (Циркуляр № 1) : постановление Народного комиссариата соц. обеспечения // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Гилев П. С. Детская беспризорность и борьба с ней в Бурятии за последние 5 лет. Верхнеудинск : Изд. Детской комиссии при БурЦИКе, 1928. 27 с.
5. Нечаева К. М. Образовательная политика в первые годы советской власти // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 61. С. 444–447.
6. Перова М. А. Детский труд в Советской России 1920–1930-х гг. на примере Курганского и Шадринского округов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XIV Зырянские чтения». Курган : Курган. гос. ун-т, 2016. С. 103–105.
7. Соловьев А. П. Повседневная жизнь беспризорных детей в Советской России в 1920-е гг. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность.

менность : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 т. / отв. ред. В. А. Веремченко. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. Т. 2. С. 190–194.

8. Чебаковская А. А. Система государственного управления сферой охраны детства в 1920–1935 гг. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 80–96.

Legal Regulation of the Activities of Government Agencies to Combat Child Homelessness in Buryatia (1920–1930)

© Т. П. Batorova, 2024

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of state bodies in the 1920s-1930s to combat homelessness in Soviet Russia, as well as in its individual territories. Legislative acts aimed at improving the lives of street children are analyzed, and the forms of work of state bodies to eliminate homelessness are investigated. It was revealed that the activities to combat homelessness were organized and multidirectional, various forms of work with homelessness were adopted, namely, the upbringing of street children within the framework of work.

Keywords: orphans, homelessness, Soviet Russia, state policy, commission for the improvement of children's lives and everyday life, struggle against homelessness, elimination of homelessness, social protection.

Баторова Татьяна Прокопьевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Публично-правовые дисциплины», Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: tpbatorova@mail.ru

Batorova Tatyana Prokopyevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Law Disciplines, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: tpbatorova@mail.ru

Формирование правовых традиций по налогообложению сферы государственно-частного партнерства в Российской империи во второй половине XIX века

© И. В. Ганусенко, 2024

Аннотация. На основе анализа юридических документов нормотворческой и правореализационной практики в Российском государстве в период второй половины XIX в. рассмотрены вопросы об особенностях формирования национальных правовых институтов в системе правового регулирования налогообложения предпринимательской деятельности в сфере государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: Российская империя, государственно-частное партнерство, концессия, частный предприниматель, предпринимательская деятельность, промысловый налог.

Правовой механизм налогообложения в сфере реализации государством проектов по созданию или реконструкции необходимых объектов различной инфраструктуры или оказания качественных услуг для общества на условиях привлечения частных инвесторов-предпринимателей в рамках государственно-частного партнерства, относится к наиболее сложному и пока наименее разработанному правовому механизму в современном российском законодательстве.

Думается, что данная проблематика связана с недостаточностью привлечения внимания российскими учеными к исследованию вопросов о правовой природе, сущности, особенностей и эффективности применения налоговых режимов в области публично-частных правоотношений, при которых необходимо учитывать публичные и частные интересы [1, с. 77] каждого партнера в реализации таких проектов. Так, на отсутствие системных научных исследований указанной проблематики среди российских ученых-юристов обращала внимание Е. В. Боровикова еще более 10 лет назад [2, с. 8].

Государственно-частное партнерство по своей сущности представляет собой разновидность предпринимательской деятельности, когда государство, располагаясь принадлежащей ему собственностью, может быть самостоятельным участником имущественных правоотношений, стремясь к наиболее эффективному управлению своей собственностью и получения возможности дополнительных доходов в государственный бюджет от ее наиболее рационального использования. Принятие в Российской Федерации базовых федеральных законов № 115 «О концессионных соглашениях» (2005 г.) [3] и № 224 «О государственно-частном и муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» (2015 г.) [4] позволило государству привлекать к этому процессу частных предпринимателей на условиях взаимовыгодного сотрудничества.

Такое сотрудничество для государства представляет собой особый публичный интерес, направленный на обеспечение выполнения им различных своих функций с помощью частных лиц как представителей от бизнеса и потенциальных инвесторов для российской экономики с целью увеличения темпов ее развития.

Безусловно, как любой вид предпринимательской деятельности, сфера государственно-частного партнерства тоже подлежит системе налогообложения. Поэтому в самой начальной стадии разработки проекта о государственно-частном партнерстве законодатель требует от участников проекта описание его финансовой модели с указанием расчетов по всем налоговым платежам. В частности, необходимо указывать в подготовительной документации проекта на параметры расчетов по налоговым платежам: «...налога на прибыли (НПО), налога на имущество (НПО), налога на добавленную стоимость (НДС) и иных применимых налогов и сборов (включая налоговую ставку, налоговую базу и налоговый период), а также информацию о налоговых льготах» (п. 12.2–12.3 [5]).

В части механизма налогообложения при реализации проектов на условиях государственно-частного партнерства, российским налоговым законодательством предусмотрен отдельный налоговый режим по взиманию таких основных видов налогов, как на прибыль организаций (НПО), на имущество организаций (НПО) и на добавленную стоимость (НДС) (ст. 162, 174.1, 251, 256, 257, 264, 271, 378.1 [6]).

Однако на установление правил налогообложения участников по реализации проектов в сфере государственно-частного партнерства по современному российскому законодательству оказывают влияние различные факторы и критерии. Во-первых, они определяются в зависимости, от организационно-правовой формы партнеров участников проекта. Во-вторых, имеет значение вид заключенного между ними соглашения, предусмотренного в рамках действующего российского законодательства: концессионное соглашение или соглашение о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве. В-третьих, от стадий реализации проекта в сфере государственно-частного партнерства.

Так, для участников партнерства, осуществляющих свою деятельность на базе концессионного соглашения, предусмотрен особый порядок налогообложения, в отличие от общего механизма налогообложения организаций при действии соглашения о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве.

Вместе с тем, как отмечает М. Н. Батрукова, налоговые льготы и преференции при реализации проектов на базе соглашений и о концессиях и о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве, не достигают эффективности по стимулированию деятельности таких партнеров на стадии своей подготовки проекта (инвестиционная) для последующей его реализации (эксплуатационная) [7, с. 349].

Использование же такой формы взаимодействия между государством и бизнесом призвано способствовать достижению каждым из участников таких общественных отношений своих непосредственных целей и задач с учетом их интересов как публично-общественных, так и частных.

При этом следует отметить, что правовой механизм налогообложения в сфере реализации проектов государственно-частного партнерства в России в современный период, не является нововведением в российской правовой системе. Формирование такого механизма имеет глубокие корни в истории Российского государства, когда поэтапно были сформированы отечественные правовые традиции по системе налогообложения предпринимательской деятельности.

Так, еще с древних времен, с самого начала зарождения Российского государства в период X–XII вв., государство привлекало частных лиц для выполнения определенных государственных функций по сбору отдельных видов налогов и пошлин. Такая форма взаимодействия государства и частных лиц именовалась системой «кормлений» [8, с. 178–179], при этом частные лица как сборщики налогов имели право получения определенных процентов от всей суммы сбора таких налогов в качестве вознаграждения за выполнение функций от имени государства.

В период Средневековья XIV–XVI вв. в России стала зарождаться системой «откупов», представляющая собой уплату предпринимателем определенного налогового сбора за право владения и пользования государственной собственностью и получения с нее своих частных доходов.

С XVII в. такая форма откупов приобрела форму первых договорных соглашений в виде концессий как официального способа юридического оформления взаимоотношений между государством и частными предпринимателями, привлекаемых государством, разрешая им пользоваться своим исключительным правом по добыче полезных ископаемых: руды, нефти, соли и т. п. [9, с. 23–24] Либо также по производству из них продукции и отдельных видов товаров, преимущественно, первой жизненной необходимости для населения: соль, сахар, спички. Либо по производству частными лицами монопольной продукции для государства: табачные изделия, алкогольные напитки и т. п.

После принятия в 1836 г. в Российской империи основного законодательного акта [10], на основании которого разрешалось создание коллективных субъектов для осуществления предпринимательской деятельности – это частных акционерных компаний, которым могли быть предоставлены особые привилегии и преимущества в пользовании государственным имуществом на условиях, закрепленных в «частных» нормативных актах, называемых как «*сепаратные законы*» [11, с. 8], утверждаемых самим Императором. Частные нормативные акты,

принимаемые на уровне высшего законодательного органа Российской империи, в большей степени по своей юридической природе относились к формам либо утвержденных уставов акционерных компаний, либо своеобразных договорных соглашений – концессий, в которых указывались существенные условия их действия и регламентировали механизм взаимодействия (партнерства) государства с частными предпринимателями.

Заключение первых концессионных соглашений в рамках государственно-частного партнерства в России было связано с добычей железной руды и строительству заводов для ее обработки, когда государство разрешало заниматься такой деятельностью частным предпринимателям. В дальнейшем такое взаимодействие государства и частных предпринимателей способствовало строительству всей транспортной инфраструктуры железных дорог в общероссийском масштабе, которое бурными темпами стало развиваться в России с середины XIX в. [12, с. 76–77], тем самым увеличивая заключение железнодорожных концессий.

Со второй половине XIX века, концессия как форма сотрудничества государства и частных предпринимателей стали наиболее широко использоваться в отношении иного вида государственного имущества, создаваться совместные предприятия, объединяя государственные и частные средства, в том числе и иностранцев, в их уставных капиталах, создавая тем самым крупные компании-синдикаты [13, с. 309].

Примечателен пример заключенного в 1865 г. концессионного соглашения между Российским правительством в лице Российского телеграфного управления и Американской компанией западных соединенных телеграфов «Гирамом Сиблей» для строительства телеграфной инфраструктуры сообщением между Россией и Америкой [14].

В соответствии с условиями такого соглашения американской компании предоставлялось исключительное право пользования землями и беспопыльной вырубке леса для добычи строительного материала по всей протяженности телеграфного сообщения «...в Азиатской части России от города Николаевска в устье реки Амура в направлении Беренгового пролива до соединения с Американским телеграфом...» (§ 1 [14]). Строительство этой телекоммуникационной инфраструктуры должно было осуществляться за счет собственных средств компании, с закрепленным правом получения ею 40 % от прибыли в ежегодной доходности эксплуатации телеграфа по передаче депеш по установленным тарифам в Российской империи сроком на 33 года (§ 7, 11, 17, 18 [14]). Однако через три года американская компания прекратила выполнение условий данного соглашения, и оно было отменено в 1868 г. [15], тем самым для этой частной компании была отменена дарованная от

Российского государства привилегия безвозмездного пользования земельным и лесным фондом без уплаты соответствующих налогов.

При этом система налогообложения частных предпринимателей, принимавших участие по концессионным соглашениям в партнерском сотрудничестве с государством, регламентировалась общими нормами для всех предпринимателей, установленных в России во второй половине XIX в. Так, для занятия предпринимательской деятельностью и содержания торговых и фабрично-заводских заведений, предприниматели выплачивали своеобразный налог в виде уплаты пошлины за выкуп соответствующих свидетельств и билетов, а также дополнительные раскладочные и процентные сборы с получаемой прибыли от своей деятельности [16; 17]. Для производства и продажи частными предпринимателями монопольных товаров, которыми могло заниматься только государство, были установлены специальные сборы: питейный, табачный, соляной, а также за производство сахара, спичек, нефтяных масел. Таким образом, данные налоговые сборы уже явились прообразом современных налогов с организаций на прибыль, имущество и добавленную стоимость с товаров.

Вследствие чего, думается, что для совершенствования современной системы налогообложения в сфере реализации проектов на условиях государственно-частного партнерства, прежде всего необходимо обращаться к анализу накопленного многолетнего опыта в истории Российского государства в нормотворческой и правореализационной практике правового регулирования налогообложения совместного государственно-частного предпринимательства, уделяя особое внимание вопросам по способам стимулирования частных предпринимателей к такому взаимовыгодному сотрудничеству через предоставление льготного налогового режима по взиманию с них отдельных видов налогов, что может способствовать устранению выявленных пробелов в современном российском законодательстве и более эффективному взаимовыгодному сотрудничеству в рамках государственно-частного партнерства.

Литература

1. Агапеев П. А. Частный и публичный интересы как факторы эффективности государственно-частного партнерства // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 4. С. 77–87. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-4-77-87
2. Боровикова Е. В. Применение специальных налоговых режимов в договорах государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Финансы и кредит. 2012. № 38 (518). С. 8–16.
3. О концессионных соглашениях : федер. закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. О государственно-частном и муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (в ред. от 04.08.2023). // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

5. Об утверждении методики оценки эффективности проекта государственно-частного партнёрства, муниципально-частного партнёрства и определения их сравнительного преимущества : приказ Минэкономразвития России от 30.11.2015 № 894 : зарег. в Минюсте России 30.12.2015 № 40375 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1990 г. № 146-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. Батрукова М. Н. Налогообложение при реализации проектов государственно-частного партнёрства // Экономика и управление. 2023. Т. 29, № 3. С. 345–351.
8. Тесля П. Н. Государственно-частное партнерство в свете исторической ретроспективы // ЭКО. 2019. № 2(536). С. 174–191.
9. Белицкая А. В. Государственно-частное партнёрство: историко-правовой аспект // История государства и права. 2010. № 21. С. 21–25.
10. Высочайше утверждённое Положение о компаниях на акциях от 6 декабря 1836 г. // ПСЗ РИ. Изд. 2-е. Т. 11, ч. 2, № 9763. СПб., 1837.
11. Асташкина А. С. Сепаратное законодательство в практике бухгалтерского учета дореволюционной России // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2016. № 2. С. 8–14.
12. Дроздова Н. П. Государственно-частное партнерство в России при строительстве и эксплуатации железных дорог в XIX – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2015. № 2. С. 74–123.
13. Уразова Е. А., Пен М. В. Концептуальные основы и исторический опыт реализации государственно-частного партнерства // Учёные заметки Тихоокеанского государственного университета. 2019. Т. 10, № 1. С. 305–310. С. 309.
14. Именной указ, объявленный Сенату Главнначальствующим над Почтовым Департаментом 14 июня «Об условиях Российской Телеграфного Управления с уполномоченным Американской Компании западных телеграфов для учреждения телеграфного сообщения между Россией и Аляскою» от 2 февраля и 28 мая 1865 года // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. Т. 40, ч. 2, № 41757. СПб., 1867.
15. Высочайше утверждённое Положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром внутренних дел 14 мая «Об отмене привилегии, выданной Американской Компании Западных Соединяемых Телеграфов на устройство телеграфного сообщения между Россией и Америкой» от 5 мая 1868 года // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. Т. 43, ч. 1. № 45797. СПб., 1873.
16. Именной указ, данный Правительствующему Сенату о Высочайшем утверждении «Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов» от 9 февраля 1865 года // ПСЗ РИ. Изд. 2-е. Т. 40, ч. 1, № 41779. СПб., 1865.
17. Высочайше утверждённые «Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и раскладочным)» от 15 января 1885 года (далее Правила 1885 года) // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. Т. 5, № 2664. СПб., 1885.

The Formation of Legal Traditions on the Taxation of Public-private Partnership in the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century

© I. V. Ganusenko, 2024

Abstract. On the basis of an analysis of legal documents of norm-making and right-to-response practice in the Russian Empire during the period of the 19th centuries, issues were considered about the features of the origin of national legal institutions in the system of legal regulation of entrepreneurial activity in the field of public-private partnerships.

Keywords: Russian Empire, public-private partnership, concession, tax, self employed, entrepreneurial activity, commerce tax.

Ганусенко Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, ORCID: 0000-0001-9961-3509, e-mail: constkaf@lawinstitut.ru

Ganusenko Irina Vladimirovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of the Constitutional Law and Theory Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, ORCID: 0000-0001-9961-3509 e-mail: constkaf@lawinstitut.ru

Вопросы соотношения права и этики

© К. И. Кужлев, 2024

Аннотация. Исследуются вопросы соотношения права и этики. Изучается проблема постановки вопросов, составляющих сущность проблемы соотношения права и этики. Дается анализ различных вопросов, разворачивается проблема их формулирования. Отмечается различие и связь вопросов и подходов к поиску ответов на них.

Ключевые слова: этика, право, вопросы, конкуренция, взаимосвязь, синтез.

Не корректно говорить о существовании конкретной и строго определенной проблемы «соотношения этики и права». Любые попытки постановки проблемы подобным образом без дальнейшего отделения частных вопросов, означают не понимание сущности феноменов права и этики как таковых. Соотношение и соприкосновение права и этики происходит в нескольких плоскостях и выражается в вопросах общеправового и специального институционального характера. При исследовании данной темы следует разделить все вопросы, лежащие в смежных областях, для проведения наиболее корректных с точки зрения научной методологии изысканий. Пытаясь выделить точки соприкосновения области правового и нравственного, представляется возможным создание целой классификации вопросов о связи, отношениях и взаимном влиянии правового и этического.

Первым этапом в попытке формулирования всей совокупности вопросов о связях этического и правового, должно стать пояснение о предметах исследования. Право в дальнейшем понимается как совокупность социальных норм и институтов, регулирующих жизнь общества и поддерживаемое силой государства. Область этики, в широком смысле, как совокупность социальных норм и институтов, регулирующих жизнь общества. При этом можно определять и право и этику ни как социальные феномены, а как научные дисциплины и говорить, например, о взаимосвязях наук о праве и философских дисциплин, исследующих этику и мораль. Этика и мораль далее используются как синонимы. Определив терминологию, используемую при постановке «проблемы отношения этики и права», мы выделяем и первую составную проблему, это проблема отношения двух нормативных систем.

Сегодня, учитывая исторический синтез закона и характер ныне доминирующего этического консенсуса, противоречия закона и нравственности встречаются не так часто и в большинстве своем, этика и право являются однозначным подспорьем и дополнением друг к другу. Но проблема отношений этики и права, в форме конкуренции, тем не менее сохраняется. Этика имеет в основе своей два направления: этику

описательную или дескриптивную и предписательную – прескриптивную. Дескриптивная описывает имеющееся положение дел и отлично подходит, например, для исторического анализа формировавшихся этических парадигм, прескриптивная говорит о должном, задает вопрос о поведении агента в той или иной ситуации, выступает руководящим положением, принципом. Право, в свою очередь, тоже является регулирующей системой и учитывая ее содержание, может использовать дескриптивные рассуждения при анализе законности решений, а также выступать в прескриптивной предписывающей и даже обязывающей форме. Это означает, что в обществе одновременно существуют два прескриптивных нормативных измерения, что и порождает их взаимные противоречия. Исходя из этого можно сделать и несколько предположений о их соотношении. Первое, в случае конкуренции двух нормативных систем – закон будет предпочтительнее этики. Второй вариант – это превалирование закона внутреннего над законом юридическим. Но этим не исчерпывается их соотношение.

Помимо их конкуренции и противоречия право и нравственность могут соотноситься как феномены взаимозависимые и глубоко связанные. Это может отображаться, например, в природе этических норм, в руководящей роли этических убеждений при отправлении правосудия и правотворчестве. Нормы морали могут выступать как средство обеспечения деятельности закона и залога существования правопорядка. Формулируя данную проблему в виде вопроса, она будет звучать таким образом, каким в своем эссе о морали права поставил израильский философ Йозеф Раз: «Существует ли моральная обязанность подчиниться закону?» [1, с. 40]. Схожий вопрос можно задать и относительно связи противоправного и аморального. «Может ли моральное оправдание быть юридическим?» и «Всякое противоправное действие аморально?» и наоборот.

Объектом отношений внутри системы может быть и мораль по отношению к праву. Герберт Харт в своей книге «Мораль права» ставит вопрос о том может ли быть закон средством защиты моральных ценностей, из чего выводится и еще один вопрос о их соотношении [2, с. 136]. Вопрос о том могут ли быть инструменты закона и права способами защиты моральных ценностей общества – это продолжительная дискуссия, существующая в области философии права. У каждого из вариантов разрешения этой проблемы существуют сторонники и противники. Упомянутый Герберт Харт или Ганс Кельзен как сторонники самодостаточности и обособленности внутренних ценностей права, выступают обычно как противники моральных ценностей внутри права [3, с. 10], в противоположность значительной части сторонников есте-

ственного права, в лице, например, русского философа В. С. Соловьева [4]. Если же при этом ценности морали являются необходимым условием наполнения права, является ли данное правило универсальным? Можно придумать значительное количество возражений и контраргументов. Например, можно говорить о моральном наполнении некоторых процессуальных норм или о морально нейтральном статусе норм материального права.

Приведенные здесь вопросы, являются лишь ограниченной совокупностью вопросов, составляющих крупный раздел правовой и философской науки. Постановка новых вопросов и разделение смежных дисциплин, позволяет конструировать сам дискурс теории государства и права. Ведь сложно спорить с тем, что в значительной мере не ответы, а постановка вопросов о природе и сущности явлений формирует существующий облик научных дисциплин.

Литература

1. Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой ; под науч. ред. Д. Раскова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 547. с
2. Харт, Г. Л. А. Право, свобода и мораль / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 129 с.
3. Дидикин А. Б. Философия права Ганса Кельзена : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021. 208 с.
4. Соловьев В. С. Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. 2-е изд. СПб., 1899. 378 с.

Questions of Relation Law and Ethic

© K. I. Kuzhlev, 2024

Abstract. The article researches the issues of the relation between law and ethics. The problem of formulation questions that constitute the essence of the problem of the relations between law and ethics is investigated. An analysis of various questions is given, the problem of their formulation is developed. The difference and connection of questions and approaches to finding answers to them are noted.

Keywords: Ethics, law, issues, competition, rivalry, synthesis of concept.

Кузлев Кирилл Иванович – аспирант, кафедра конституционного права и теории права, Юридический институт; Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: k.kuzhlev@mail.ru

Kuzhlev Kirill Ivanoovich – Postgraduate, Department of Constitution Law and Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: k.kuzhlev@mail.ru

О субъекте права в постмодернизме

© А. Е. Смирнов, 2024

Аннотация. Констатируется важность проблемы субъекта права в современной юриспруденции. Демонстрируется специфика представления субъекта в классической и постмодернистской философии. Субъект, с одной стороны, перестает мыслиться в качестве целостного, автономного и универсального; с другой стороны, знание условий «расщепления» и «децентрации» субъекта позволяет выйти на новый уровень объективности в описании правовой реальности.

Ключевые слова: субъект, субъект права, постмодернизм, правовая действительность.

Проблема субъекта права – одна из важнейших в современной юриспруденции. В философии постмодернизма понятие субъекта претерпела самые значительные трансформации за последние триста лет. Однако сам статус постмодернизма многим представляется проблематичным. Сплошь и рядом можно слышать: постмодерн закончился – он не актуален. Постмодернизм – это разочарование: он утверждает инфляцию истины и релятивизм знания. Постмодернизм провозглашает «смерть субъекта» и выступает за парадигму теоретического антигуманизма, констатирует ситуацию «невозможности общества» и «смерти философии». Само слово «постмодернизм» приобрело устойчивые негативные коннотации.

Вместе с тем необходимо признать, что философы, которых принято хрестоматийно называть постмодернистскими, внесли серьезный теоретический вклад в философию. Это, безусловно, очень большой разговор. Но сегодня я хотел бы остановиться на одном теоретическом завоевании постмодернизма – а именно: на переосмыслении понятия субъекта. Понятие субъекта – фундаментальное для философии. Вся философия – начиная с VI в. до н. э. и по середину XIX в. может быть с полным основанием названа философией субъекта (или философией тождества). Какое отношение это имеет к праву? – Прямое: право, его производство, воспроизводство и функционирование по определению подразумевает фигуру субъекта. Мне бы хотелось коротко рассказать, что же было сделано в отношении классического понятия субъекта такими философами, как Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делез и почему сегодня это важно для права в режиме его производства и функционирования.

Сначала я остановлюсь на том, как понимается субъект в классической традиции – не только философской. Затем покажу, какое новшество в отношении субъекта (и новшество ли!) привнес в философию постмодерн и какое отношение произошедшее имело к праву.

То, что будет позже называться субъектом, в философии античности и Средних веков получает имя субстанции. Прямой перевод латинского слова субстанция – «то, что лежит в основе». Вопрос об основе в философии задает онтология. Глубокий и серьезный поворот в онтологии совершается в XVII в. Он связан с именем Р. Декарта. Его формула всем известна: «Я мыслю, следовательно, существую». Это классическое понимание субъекта, остающееся актуальным по сей день. Отныне то, что является действительным, удостоверяется через человека как субъекта и для него. С этого начинается современная (новоевропейская) наука. Как же, собственно, понимается здесь субъект? Как понимается мыслящее «Я»? Прежде всего – как целостное (замкнутое и автономное). Как универсальное (в качестве принадлежащего всем). Как самопрозрачное, т. е. понимающее себя. Субъект, одним словом, это разум. Субъект права – субъект разума: от начала и до конца целостный, универсальный, самопрозрачный, разумный субъект.

Есть два важных предшественника «кризиса субъекта», которым все постмодернистские авторы неизменно хранят верность, – это К. Маркс и З. Фрейд. Маркс показал: содержание сознания зависит от обстоятельств материального характера. Вывод: как минимум, субъект не является абсолютным. Он не может быть положен в основу, не может фигурировать в качестве субстанции. Фрейд, в свою очередь, показал, что совокупность психических функций, состояний и действий, безотчетных и не поддающихся, по крайней мере в данный момент контролю со стороны сознания (т. е. бессознательное) – онтологически первична по отношению к сознанию. Вывод: целостность сознания нарушена.

Общая новость такова: субъект больше не является автономным, целостным, универсальным и самопрозрачным. Как это выглядит фактически? Ограничимся в качестве примера лишь двумя референтными фигурами – Р. Бартом и М. Фуко. В 1968 г. Р. Барт в литературоведческой статье провозглашает «смерть автора». Вопрос Барта таков: кто именно тот, кто пишет? Написанный кем-либо текст всегда предстает в качестве многомерного пространства. Текст соткан из влияний, цитат, скрытых желаний или комплексов автора. Оказывается, единство авторской субъективности может быть поставлено под вопрос. Нет больше автора как того, кто от начала до конца владеет текстом как своим абсолютным достоянием. Сам субъект, следовательно, не абсолютен. Еще один автор, с именем которого связывают пересмотр классического понятия «субъект», это М. Фуко, объявившего в 1966 г. о «смерти человека», а в 1969 г. – об исчезновении автора. Субъект у Фуко в Европе XVIII в. показывается как функция, одной стороны, дисциплинарных практик, а с другой – юридических законов. Позднее французский теоретик увидит субъекта как зависящего от микрофизи-

ческих воздействий власти и, наконец, как возможность человека создать себя в качестве этического субъекта посредством «практик себя». Однако ограничиться констатацией факта не-абсолютности субъекта, его зависимости от различных факторов было бы недостаточно для характеристики субъекта права в постмодерне.

Констатируя вышеперечисленные вещи, постмодернизм выступает за то, чтобы «вернуть» субъекта действия, субъекта этической и юридической ответственности. Постмодернизм в виде социального конструктивизма напоминает, что социальная и правовая реальность есть результат действий конкретного субъекта. Философы-постмодернисты, следовательно, выступают за то, чтобы с позиций обновленного понимания субъекта выйти на новый уровень объективности в понимании социальной и, уже, юридической реальности [1, с. 61–62].

Юристы имеют дело с правовой действительностью. Правовая действительность рациональна. Право – воплощение рациональности. Право от начала и до конца соответствует разуму. Олицетворяет разум. Это убеждение в классическом юридическом дискурсе не подлежит сомнению. И еще реже подвергается проверке. В сфере права можно выделить две стадии: предложение некоторого инновационного проекта (нового обычая, законодательного акта и т. д.) и его легитимацию. Правило распространяется, получает поддержку населения. Первая стадия явно рациональна и сознательна. Вторая стадия более проблематична. Закон должен стать «живым». Он основывается на его признании населением. Но поведение человека и общества не является рациональным. Вывод: право не является рациональным феноменом. О нерациональности человеческого поведения в один голос говорят в один голос психология масс, социальная философия; история идей, психоанализ; гештальт-психология.

Проблематичность и даже своего рода невозможность использования классических методологических субъектно-ориентированных стратегий показана в нежавно вышедшей монографии В. Н. Шиханова издал монографию, которую мне выпала честь рецензировать. «Методологические проблемы уголовного права и криминологии» [2]. В центре обсуждаемого автором сюжета – взаимоотношения двух наук криминального цикла – криминологии и уголовного права. Обе науки призваны служить общей цели, обогащать и поддерживать друг друга. При этом по ряду фундаментальных вопросов, имеющих выраженное практическое значение, обе дисциплины проявляют взаимную глухоту, что зачастую приводит к разладу теоретической декларации и реальной правоприменительной практики. Вопросы, о которых идет речь, касаются специфики понимания криминологией и уголовным правом преступления, преступника, меры общественной опасности, проблемы

соразмерности наказания и его эффективности, и также прогнозирования результатов уголовно-правового воздействия.

Разумеется, теория всегда в той или иной мере расходится с практикой. Причин расхождения юридической теории и практики может быть много; часть из них обусловлена ситуативными, историческими и социокультурными особенностями. Как правило, эти причины в большей или меньшей степени осознаются как теоретиками, так и правоприменителями. В гораздо меньшей степени осознанию поддаются причины, связанные с образованием и функционированием самого знания, и в частности – понятия субъекта, на основании которого и реализуется некоторая практика. Именно с этой точки зрения к проблеме взаимоотношения уголовного права и криминологии подходит автор обсуждаемой монографии. В центре внимания, таким образом, оказывается эпистемологическая проблематика. Исходя из эпистемологической перспективы, автор ставит ряд взаимосвязанных задач, имеющих важное теоретическое и практическое значение. Их решение сводится к открытию новой перспективы взаимодействия уголовного права и криминологии.

Итак, кризис классического понятия субъекта обусловлен следующими обстоятельствами, открытыми постмодернизмом (и которые необходимо принимать в расчет в юридической теории и практике): сознание не является абсолютно прозрачным для самого себя; субъект не абсолютен. Возможности объективации, следовательно, ограничены. Язык, которым пользуется субъект, также не является нейтральным, обусловлен социальными практиками и может оказывать специфическое влияние на описываемый им объект.

Литература

1. Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
2. Шиханов В. Н. Методологические проблемы уголовного права и криминологии: эпистемологический ракурс : монография. М. : ИНФРА-М, 20023. 163 с.

About the Subject of Law in Postmodernism

© А. Е. Smirnov, 2024

Abstract. The importance of the problem of the subject of law in modern jurisprudence is stated. The specificity of the subject's representation in classical and postmodern philosophy is demonstrated. The subject, on the one hand, ceases to be thought of as holistic, autonomous and universal; on the other hand, knowledge of the conditions of "scattering and decentralization" of the subject allows one to reach a new level of objectivity in describing legal reality.

Keywords: subject, subject of law, postmodernism, legal validity.

Смирнов Алексей Евгеньевич – профессор, кафедра общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск

Smirnov Alexey Evgenievich – Professor, Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk

Постмодерн и его влияние на понимание права

© Е. Е. Степанова, 2024

Аннотация. Делается акцент на то, что одним из значимых факторов в формировании права выступает виртуальность современного мира, которая связана и с принятием «плюрализма истин». При этом право по-прежнему продолжает выполнять свои функции, распростираясь и на новые общественные отношения.

Ключевые слова: постмодерн, модерн, толкование права, функции права, общественные отношения, виртуальность.

Смена одной эпохи на другую определяется самими людьми, которые объективно и субъективно определяют накопившиеся изменения в обществе, приводящие к необходимости переосмысления реальности и принятия ее новых реалий. Вопрос о том, когда модерн трансформировался в постмодерн и что вкладывается в данные понятия, является дискуссионным. Как известно, формирование нового часто осуществляется по причине накопления некоторых кризисных явлений, разрешение которых старыми методами недоступно.

Средние века характеризуются как период застоя, который достаточно резко сменился научно-техническим прогрессом. Появление новых отношений естественным образом привело к необходимости их обслуживания, в том числе и в правовом поле. В период модерна отмечается вера в структурированность и упорядоченность мира, который один субъект в состоянии понять и описать. Наличие знаний делает человека менее религиозным, и если в Средние века право и закон могли быть тесно переплетены, то в период модерна «знание» разделило их глубокой пропастью. В начале XX в. прогресс привел к пониманию того, что мир устроен гораздо сложнее, и в глазах людей он перестал быть постижимым, стал опять бесконечным, как в Средние века, но без веры в Бога. Что касается права, то оно меняется несколько медленнее, чем научно-технический прогресс, ему присуща большая устойчивость и необходима преемственность.

Толкование права может восприниматься как акт познания, а может – как акт волеизъявления [1, с. 191, 193]. Формирование классической школы право тесно было связано с вопросами соблюдения закона, в эпоху же постмодернизма право стало носить некоторый вероятностный характер, мир стал восприниматься как «исторически изменяющаяся теоретическая модель мира» [2, с. 25].

Для лучшего понимания того, какое влияние оказала эпоха постмодернизма на право и его толкование, отметим, что для классики характерно обращение к закону при толковании права; для модернизма

присуще толкование права вне рамок закона. Эпоха модернизма связана с пониманием того, что отдельный субъект не особо значителен и его появление в этом мире, возможно, просто случайность. В контексте толкования права это означает, что закон не имеет особого значения во вселенских масштабах, это установка, которая работает здесь и сейчас, в данных условиях, и с некоторой вероятностью может быть изменена.

Полагаем, что на отношение к праву и закону существенное влияние оказывает стиль мышления. То, что раньше было понятно и структурировано, в процессе развития получило усложнение, которое привело к трактовке права вне религиозных мировоззрений и науки. Постмодернистский стиль мышления, с одной стороны, признает многогранность мира, а с другой, уже не так настойчиво, как в эпоху классики и модерна, ищет твердые и понятные взаимосвязи между его элементами. Постмодернистский стиль мышления подразумевает наличие нескольких истин, в том числе и в праве. Можно говорить о том, что для современности (постмодернизма) характерен «плюрализм истин» [3, с. 375]. При этом необходимо остерегаться вывода, согласно которому закон не должен соблюдаться. Данный вывод является ошибочным и опасным для устойчивости политических и общественных процессов. Возможность существования иной истины не подразумевает, что здесь и сейчас человек волен не подчиняться установленным законам.

В эпоху постмодернизма понятие «иная реальность» стало более осязаемым, появление виртуального мира и киберпространства ведет к формированию новой отрасли, регулирующей «интернет-отношения». Следует отметить некоторую обезличенность данных отношений, большую, чем ранее мир мог себе представить. Перед правом встает вопрос защиты неосязаемых вещей и категорий, например, авторских и интеллектуальных прав. Интересно в этом плане «право быть забытым». Память как свойство индивидуального сознания частично стало обусловлено социальными нормами. Если ранее так же было представление о памяти как о некотором коллективном феномене, например, «память предков» или нечто похожее на «коллективное бессознательное», то теперь такой подход имеет под собой более прочную основу: хранение информации в бесконечном виртуальном пространстве делает ее «менее стираемой». Появляется необходимость в правовой защите индивидуальных данных человека, его интеллектуальных прав и т. п. Этот феномен начинает формироваться в первые десятилетия XX столетия, когда «происходит постепенный отказ от представления о памяти как свойстве индивидуального сознания» [4, с. 81]. Естественная структура коммуникации между людьми с появлением интернет-технологий претерпела существенные изменения, что должно в итоге

отразиться на праве, призванном устанавливать рамки на значимые общественные отношения.

Невозможность достижения целостной картины мира стало основой для понимания права как некоторого атрибута общественной жизни, который так же не имеет завершенного образа. Полагаем, что человечество начинает осознанно формировать право с пониманием необходимости его трансформации вместе с самим обществом. Такому подходу способствует и опыт: на данный момент история права насчитывает не одно столетие, и мы можем проводить ретроспективный анализ философской и правовой мысли и примерять его к современным реалиям. Так же следует обратить внимание на подход к пониманию «абстрактности права». Если ранее, в классический период, абстрактность была связана с существованием бога или некоторых сущностей, которые могут познать истину или ей являются, то сейчас абстрактность права воспринимается как его «виртуальность», способность регулировать нематериальные и не товарно-денежные отношения. Кроме того, можно говорить о том, что современное право целенаправленно обслуживает и «политику безопасности стран». Данная категория так же может быть отнесена к «абстрактным», но ее значимость велика и требует правового регулирования как на уровне отдельных стран, так и на международном. Для России отличительной чертой системы правовой поддержки в области национальной безопасности выступает отсутствие требуемых законов: действуют только нормативные правовые акты второго порядка, например Концепция национальной безопасности Российской Федерации [5, с. 43].

Высказывается мнение, согласно которому модерн «базировался на разрушении законности, а постмодерн уходит от реалий вообще» [2, с. 15]. Полагаем, что правильнее будет говорить о качественных изменениях в структуре общественных отношений, которые приводят к необходимости формирования нового права, но при этом говорить о разрушении законности неприемлемо, так как формирование новых правовых систем изначально строится на идее регуляции и ограничения человеческого бытия в целях установления некоторого порядка в обществе, поддерживающего его стабильность.

Несмотря на то что эпоха модернизма сменилась отрицающим ее по многим параметрам постмодернизмом, закон по-прежнему остается одним из мощнейших регуляторов общественной жизни. Ярко проявляются изменения в стиле осмысления права, но функции права остаются теми же, которые были присущи и классическому праву, и праву модернизма. Право по-прежнему воздействует на определенные сферы жизни, т. е. выполняет социальные функции. Основными для права по-

прежнему являются регулятивная и охранительная функция. Первая непосредственно связана с установлением определенных правил поведения, а вторая направлена на охрану общезначимых отношений на основе приоритетности прав человека и применения юридических санкций к виновным в совершении правонарушений [6, с. 18].

Таким образом, можно говорить о том, что всегда была ясность понимания сущности толкования права, чего нельзя сказать относительно понимания сущности права [7, с. 79]. Толкование права представляет собой мыслительный процесс, основой которого становится правопонимание того, кто это толкование осуществляет. В XX–XXI вв. на смену школе естественного права приходят новые теории права (либертарно-юридическая, коммуникативная, интегральная и др.) [8, с. 23]. Полагаем, что появление новых теорий явилось закономерным в свете расширения коммуникативных основ общества и процессов глобализации. Изменения в толковании права связаны с углублением и изменением общественных отношений, и этот процесс является предсказуемым, а не исключительным. При классическом подходе толкование права осуществляется через анализ законов, в эпоху модерна толкование стало более «произвольным», предвосхищая постмодерн, который пришел к многообразию мира и реальности и пытается отобразить право «во множественности». Данный подход хорошо вписывается в обсуждении проблемы, связанной с конкуренцией международной и национальной юрисдикции [9, с. 85]. Регулирование определенных вопросов на уровне одного государства не всегда корректно переносится на регулирование современных международных отношений. Данный факт так же ведет к трансформации толкования права, но не к изменению его функций в обществе. На повестке стоит вопрос, можно ли международное право сделать универсальным или оно будет фрагментировано в зависимости от субъектов правоприменения и иных факторов. В этом мы опять приходим к признанию «плюрализма истин» в эпоху постмодерна, который фактически допускает большую гибкость в толковании права, нежели это было ранее.

При анализе права и его толкования в тот или иной и период необходимо учитывать и длительность этого периода. Эпохи модерна и постмодерна были достаточно короткими, а право не может изменяться «стремительно». Как правило, меняется отношение к отдельным его концепциям и идеям, а также способы толкования. Есть мнение, что сейчас опять происходит смена «культурных и научных парадигм» [10, с. 63], в связи с чем мы можем предположить, какие изменения в праве или его толковании это может повлечь.

Литература

1. Тропер М. Свобода толкования у конституционного судьи // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 184–195.
2. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8(236). С. 15–28.
3. Гревцева А. А. Парадигмы постмодернистского стиля мышления // Вестник ТГУ. 2008. № 5. С. 374–379.
4. Войниканис Е. А. Право быть забытым: правовое регулирование и его теоретическое осмысление // Правоведение. 2016. № 3(326). С. 70–89.
5. Шихнабиев Р. А., Афонина И. А., Волкова О. А. Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы безопасности. 2023. № 3. С. 37–47.
6. Чертова Н. А., Ершова И. В. Теория государства и права: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 – Юриспруденция (бакалавриат). Архангельск : САФУ, 2021. 151 с.
7. Залоило М. В., Ибрагимова Ю. Э. Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 78–95.
8. Право в сфере Интернета: Сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018. 528 с.
9. Капустин А. Я. Международное судебное толкование международного договора: современные тренды // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 104–117.
10. Ирицян Г. Э. Конец постмодерна или его кризис? // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 4. С. 63–66.

Postmodern and its Influence on the Understanding of Law

© Е. Е. Stepanova, 2024

Abstract. The article emphasizes that one of the significant factors in the formation of law is the virtuality of the modern world, which is also associated with the acceptance of “pluralism of truths”. At the same time, the law continues to perform its functions, extending to new social relations.

Keywords: postmodern, modern, interpretation of law, functions of law, public relations, virtuality.

Степанова Елена Евгеньевна – заведующий отделом научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, e-mail: kanuzelelena@inbox.ru

Stepanova Elena Evgenievna – Head of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support; Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, e-mail: kanuzelelena@inbox.ru

Эстонологический подход к естественным правам: реалии и перспективы

© А. В. Юрковский, 2024

Аннотация. Рассматриваются элементы системного подхода к пониманию концепций естественного права и концепций юридической регламентации естественного права в процессе позитивно-правового регулирования общественных отношений (правового регулирования в позитивном смысле), формирования национальных механизмов правового регулирования и механизмов государственной власти. В исследовании фигурируют научные данные, сформированные в результате проработки научных фактов, закономерностей и научных гипотез с использованием частного научного инструментария эстологии. Эстологическое исследование рассматривается как раздел юридической аксиологии. Осуществлялся сбор аутентичных эмпирических материалов, применялся выборочный подход к поиску и подтверждению признаков естественного права находящих отражения в нормах позитивного права, выражающегося преимущественно в виде субъективных прав и свобод, через призму интересов (личных, политических и интересов правового регулирования).

Ключевые слова: позитивное право, естественное право, субъективное право, эстологический подход, интерес, эстология, правовое регулирование.

В научном дискурсе очевидно неоспоримым является факт плюрализма и разнообразия точек зрения, разнородность конструкции естественного права в силу разных эпох его осмысления и интерпретации, различия правовых систем отличающихся государств, различных доминант, порождающих неуверенность в установлении границ права и правил иной природы, функционирующих в социуме.

Несмотря на то что попытки научного осмысления естественного права имеют место быть с древнейших времен и предпринимались выдающимися мыслителями, в числе которых Конфуций, Платон, Сократ, Аристотель, Ф. Аквинский, Г. Гроций, Дж. Локк, Вольтер, Шарль Луи де Монтескьё, Жан-Жак Руссо, И. Кант, И. Г. Фихте, А. Н. Радищев, Б. Н. Чичерин, Н. М. Коркунов, С. С. Алексеев, В. Е. Чиркин, В. П. Сальников, Р. А. Ромашов и др.

Эстонологический подход к естественным правам предполагает переосмысление научных подходов к пониманию естественных прав, через призму интересов в их аксиологической интерпретации [1, с. 34–41].

Поэтому на первом этапе исследования необходимо разделить подходы к определению естественного права на исторические (складывающиеся в определенную эпоху) и географические (складывающиеся в определенных социумах по месту их обитания).

Историография вопроса представлена различными научными трудами, среди которых можно отметить публикации, в которых нашли выражение различные аспекты проблематики осмысления естественного права и которые анализировались через призму новых подходов к

периодизации всемирно-исторического процесса, в том числе монографиями, статьями, систематизациями эмпирического материала заметками, критическими замечаниями, и иными научными трудами В. Грина, Л. Е. Гринина, В. Я. Гросула, И. М. Дьяконова, Б. Д. Козенко и Г. М. Садовой, Н. С. Розова, А. А. Тишкина, А. Г. Франка, В. Макни-ла, Г. В. Мишечкина [2, с. 18].

Тем не менее для расширения горизонтов общенаучного поиска, а также для увеличения масштабов систематизации, разрозненных по национальным юридическим наукам знаний, представляется необходимым использовать мультидисциплинарный, комплексный подход к формированию представлений о юридической географии и составлению юридической карты мира и его отдельных регионов [3, с. 4].

В. С. Нерсисянц, изучая эллинистические (греко-римские) концепции естественного права, утверждал, что «для античных представлений в целом ... характерно рассмотрение политико-правовой проблематики и вообще всех земных, человеческих дел и отношений в неразрывной связи и единстве с глобальными, космическими процессами» [4, с. 88].

Очевидно, что в «восточных» концепциях представление естества мироздания отличается от «западных» подходов к его пониманию и интерпретации.

В Древнем Китае, напротив, было сильно влияние моральных норм, сформулированных в философско-этических учениях. Например, в конфуцианстве – учении, разработанном Конфуцием, утверждалось, что, следуя таким ценностям, как «взаимность» (взаимная забота друг о друге), «золотая середина» (т. е. умеренность во всем, сдержанность), «человеколюбие» («кто искренне стремится любить людей, тот не совершит зла»), человек найдет правильный путь («дао») и будет жить в согласии с собой и людьми. Суть нравственного учения Конфуция, которое оказало существенное влияние не только на право древнего, но и современного Китая [5, с. 78].

Следующим контекстом исследования должно стать рассмотрение научных доктрин через аксиологическую призму в ее эсологическом формате. Где интересы участников общественных отношений через политические процессы имплементируются в позитивное право, и закономерности интересов позитивно-правового регулирования также влияют на регламентацию и интерпретацию естественных прав.

Например, если рассматривать слова Сократа, который возражал Калликлу и отказывался признать, что «лучший» равен по значению «сильному» [6], то очевидно что Сократ имел в виду интересы и «лучшего» и «сильного», а католический богослов Фома в своем труде «Сумма теологии» отмечает, что естественное право имеет приоритет

над позитивным, и говорит, что человеческая воля не может установить что-то противное естественному праву, например узаконить воровство или прелюбодеяния [7] и в данном контексте можно усмотреть интересы правового регулирования.

Полагаем возможным согласиться с Е. А. Фроловой в том, что основные постулаты естественной концепции прав человека выглядят следующим образом: права и свободы человека ему никем не дарованы: ни богом, ни государством. За свои права человек не обязан никакой высшей сакральной или светской власти. Ему не нужно восхвалять кого бы то ни было или чувствовать себя в неоплатном долгу за права и свободы. Эти права принадлежат ему только потому, что он человек – они его по праву рождения. Они – отражение его натуры и естества, поэтому и получили название – естественных [8, с. 71–77], а также мнением Б. А. Куприна, согласно которому естественные права человека не нужно каким-либо образом юридически оформлять, они объективно существуют и не зависят от каждого конкретного человека – носителя этих прав [9, с. 48–53].

Следует констатировать факт, что изученные концепции естественного права тесно переплетаются как с интересами самих исследователей, так и с интересами субъектов права и интересами правового регулирования.

Общепризнанные естественные права, довольно широко употребляются в нормативных актах и других источниках права Российской Федерации, но дефиниции естественного права в позитивном праве России нет. Отсутствуют и пояснения в официальных актах толкования.

Таким образом, довольно развернутое применение конструкции естественных прав не имеет его легального дефинитивного определения.

Отдельно взятые естественные права обладает собственными сущностными характерными признаками, отличающими их от других схожих феноменов объективной реальности.

Тем не менее категория естественного права, по нашему мнению, должна обрести свое консолидированное юридико-техническое описание и занять надлежащее место в позитивном праве.

Литература

1. Юрковский А. В. Конституционно-правовая эстология: исследование интересов в конституционном праве и интересов конституционно-правового регулирования методами конституционно-правовой аксиологии // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1 (80). С. 43–51.
2. О разработке и преподавании новой периодизации всемирной истории на кафедре всеобщей и региональной истории АГПУ / В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, С. В. Назаров, В. В. Назарова // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. С. 33–40.
3. Юрковский, А. В. Конституционно-правовая карта Северо-Восточной Азии: эстолого-аксиологический анализ : монография. Иркутск : Иркут. Юрид. ин-т (филиал) Ун-та Иркутской Рф, 2018. 171 с.

4. Нерсисянц, В. С. Право и закон. Из истории правовых учений. М. : Наука, 1983. 366 с.
5. Малявин, В. В. Китай в XVI–XVII веках. Традиция и культура М. : Искусство, 2017. 288. с. 23.
6. Платон. Горгий. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1 / общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.]. М. : Мысль, 1990. С. 523.
7. Аквинский Ф. Сумма теологии. Т. 8. Вопрос 57. О праве. Раздел 2. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-8/11> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Фролова Е. А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета. Серия: Право. 2013. № 2. С. 71–77.
9. Куприн Б. А. Доктрина естественного права как основание российской концепции прав человека //Право и государство: теория и практика. 2014. № 8(116). С. 48–53.

Estological Approach to Natural Rights: Realities and Prospects

© A. V. Yurkovsky, 2024

Abstract. Despite the fact that attempts at scientific understanding of natural law have been taking place since ancient times and were undertaken by outstanding thinkers, including Confucius, Plato, Socrates, Aristotle, F. Aquinas, G. Grotius, J. Locke, Voltaire, Charles Louis de Montesquieu, Jean-Jacques Rousseau, I. Kant, I. G. Fichte, A. N. Radishchev, B. N. Chicherin, N. M. Korkunov, S. S. Alekseev, V. E. Chirkin, V. P. Salnikov, R. A. Romashov, etc. In scientific discourse, the fact of pluralism and diversity of points of view is obviously indisputable, the heterogeneity of the construction of natural law due to different epochs of its understanding and interpretation, the differences in the legal systems of different states, various dominants that generate uncertainty in establishing the boundaries of law and rules of a different nature functioning in society.

Keywords: natural rights, estological approach.

Юрковский Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, e-mail: avyurkovsky@mail.ru

Yurkovsky Alexey Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, e-mail: avyurkovsky@mail.ru

СЕКЦИЯ
«ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ»

Парадигма обеспечения безопасности выборов в России и за рубежом

© А. Н. Завьялов, 2024

Аннотация. Отмечается, что проблемы и угрозы безопасности выборов уже более детерминированы совокупностью проблем как внутригосударственного, так и международного характера. В этой связи полагается целесообразным и своевременным подвергнуть критическому переосмыслению концепции формирования представительных органов публичной власти не только федерального уровня, уровня субъектов Федерации, но и муниципального уровня с учетом изменения парадигмы глобальной безопасности, парадигмы региональной безопасности и парадигмы трансрегиональной и территориальной безопасности.

Ключевые слова: выборы, международное право, безопасность.

Новые территории Российской Федерации, на которых создаются или должны быть созданы органы государственной власти в соответствии с Конституцией Российской Федерации и российскими законами об организации и проведении выборов оказываются под влиянием мировой политики агрессивного недружественного воздействия на Россию. Ряд недружественных государств осуществляет сознательную, планомерную и целенаправленную политику предполагающую либо прямое разделение сложившейся геополитической структуры, фиксированной российским механизмом правового регулирования системы государственных территориальных образований, формируя или пытаясь формировать новую (отличающуюся от официальной российской доктрины) парадигму территориальности суверенитета Российской Федерации.

Учитывая вызовы, направленные на Россию, ее механизмы правового регулирования [1, с. 50–62] и государственной власти [2, с. 30–40] вынуждены претерпевать модернизацию с учетом интересов российских участников политических отношений [3, с. 43–51], интересов российской политической системы [4, с. 34–41], интересов российского правового регулирования и российской государственной власти [5, с. 34–41] их взаимодействия [6, с. 180].

В сфере обеспечения безопасности выборов существует совокупность объектов правового регулирования повышенного значения:

- 1) безопасность общества и государства от попыток иностранного влияния на российские механизмы организации и проведения выборов.
- 2) безопасность общества и государства от попыток проникновения криминально деформированных элементов российской политической системы в представительные органы публичной власти через установление ограничений политических прав граждан, привлекавшихся к ответственности за уголовные преступления и запретов на участие в выборах иностранных граждан.

Новые политические условия предполагают проникновение в российскую политическую систему вместе с новыми территориями новых участников политических отношений, не все из которых демонстрируют эмпатию к внутренней и внешней государственно правовой политике Российской Федерации. Поэтому повышенного внимания потребуют вопросы обеспечения безопасности общества и государства в контексте ограничения деятельности экстремистских политических партий и общественных организаций.

Полагаем особым образом отметить неизбежность фактов распространения экстремистских элементов политической системы по всему территориальному пространству Российской Федерации.

Деятельность отдельных экстремистов и экстремистских организаций, отдельных лиц и организаций, лоббирующих интересы недружественных государств, требует финансирования [7, с. 206] и в связи с этим целесообразно пересмотреть, и модернизировать отношение к обеспечению безопасности российского общества и государства в виде установления особых требований финансирования избирательных кампаний, обеспечить детальное регулирование особого порядка финансирования выборов иностранными государствами, организациями, юридическими лицами и гражданами.

Риски новых экстремистских и террористических проявлений обуславливают потребность в критической оценке вопросов обеспечения физической безопасности избирателей, кандидатов, избирательных участков, избирательных комиссий [8, с. 94–105].

Формирование состава избирательных комиссий, по нашему мнению, также требует отдельного внимания в процессе модернизации процесса проведения выборов, учитывая коррупционные риски в деятельности как членов избирательных комиссий, так и соответствующие риски в деятельности контролирующих, надзорных ведомств, в деятельности сотрудников правоохранительных органов [9, с. 137–141], привлекаемых к обеспечению избирательного процесса.

Совокупная деятельность отдельных деструктивных элементов на всех стадиях организации и проведения выборов предполагает непрерывно модернизировать и совершенствовать систему безопасности информационного обеспечения выборов [10, с. 101].

Отдельного изучения заслуживает проработка вопроса безопасности избирательных участков [11].

Предполагаемые изменения политической системы, инновации в механизме и процессе правового регулирования, изменение методик функционирования отдельных элементов механизма государственной власти автоматически предполагают модернизацию вопросов юриди-

ческой ответственности и наказания в уголовном и административном законодательстве, пересмотр соответствующих составов правонарушений и преступлений, связанных с выборами.

Литература

1. Юрковский А. В. Конституционно-правовое регулирование в позитивно-правовом смысле: понятие и признаки // Сибирский юридический вестник. 2017. № 1 (76). С. 50–62.
2. Юрковский А. В. К вопросу об эмпирической и научной основе отечественных научных исследований правовой конструкции механизма государственной власти // Академический юридический журнал. 2020. № 3 (81). С. 30–40.
3. Юрковский А. В. Конституционно-правовая эстология: исследование интересов в конституционном праве и интересов конституционно-правового регулирования методами конституционно-правовой аксиологии // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1 (80). С. 43–51.
4. Юрковский А. В. Конституционно-правовые основы развития политических систем стран Северо-Восточного Азиатского региона : монография. Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2008. 443 с.
5. Юрковский А. В. Аналогии в естественных и гуманитарных науках при осмыслении понятия власти (государственной власти) и ее механизма: генезис конституционно-правовой гносеологии // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 34–41.
6. Иванова Е. Л. Некоторые вопросы развития международной защиты избирательных прав: возможности и перспективы // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 1. С. 180–182.
7. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму : учебное пособие / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2024. 306 с.
8. Завьялов А. Н., Юрковский А. В. Роль и значение служб собственной (внутренней) безопасности в профилактике экстремизма в правоохранительных органах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 94–105.
9. Юрковский А. В. Противодействие коррупции в контексте построения правового государства // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества : сб. ст. по материалам II Всерос. науч.-практ. конф. Владивосток, 2024. С. 137–141.
10. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о выборах: учебное пособие / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, Е. Л. Иванова. Иркутск: Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2023. 141 с.
11. Иванова Е. Л., Евдокимов К. Н. Антитеррористическая защищенность избирательных участков как важнейший элемент системы обеспечения конституционных прав граждан // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 81–93.

Paradigm for Ensuring Election Security in Russia and Abroad

© A. N. Zavyalov, 2024

Abstract. The problems and threats to election security are already more determined by a combination of problems of both domestic and international nature. In this regard, we consider it expedient and timely to critically rethink the concept of forming representative bodies of public authority not only at the federal level, the level of subjects of the federation, but also at the municipal level, taking into account the changing paradigm of global security, the paradigm of regional security and the paradigm of transregional and territorial security.

Keywords: elections, international law, security.

Завьялов Александр Николаевич – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск

Zavyalov Alexander Nikolaevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk

Трансформация государственной правовой политики Российской Федерации в условиях глобальных изменений в современном мире

© А. В. Земляков, 2024

Аннотация. Статья посвящена изменениям в правовой политике Российской Федерации, обусловленными недружественными действиями западных государств, в том числе США. Делается вывод, что определение будущих направлений правовой политики Российской Федерации должно происходить с учетом научной обоснованности принципов правовой политики. В этих целях рассматривается соотношение терминов «политика», «правовая политика», «политика права».

Ключевые слова: правовая политика, недружественные страны, противодействие, недружественные действия, правовое регулирование, модернизация, трансформация.

Мировой порядок – относительная иллюзия, которая сформировавшись во второй половине двадцатого века, к двадцатым годам двадцать первого века, утратила привычные очертания. Очевидно, что мировая потребность к установлению мирового правового порядка существует, но трансформируется соразмерно меняющимся условиям ситуации в современном мире. Представление о мировом порядке развивается динамично, в противовес возникновению тенденций непрогнозируемой неопределенности.

Национальные правовые системы современных государств, развиваются неразрывно с национальными потребностями и интересами.

Неоспоримым фактом, на сегодняшний день, стало противостояние России и многих стран современного мира, которые неуклонно ведут экономическое, идеологическое и психологическое воздействие на российское государство и граждан Российской Федерации.

Недружественные государства, воздействуя на Россию недружественными способами пытаются насаждать чуждую для российского народа систему идей и ценностей [1, с. 108–113, 3, с. 13–28].

Правовое регулирование как механизм и как процесс в Российской Федерации реагирует на складывающуюся в мире обстановку, привносит в традиционный уклад правового сознания россиян новые доминанты, формирует новые ценностные ориентиры и интересы [3, с. 38–55] в их жизни, достоинстве, в отношении к правам и свободам, новое отношение к потенциальным опасностям. Направленность модернизации процесса и механизма правового регулирования ориентирована на поддержание и укрепление традиционных правовых и социальных ценностей [4, с. 20], поддержание национальной и государственной безопасности, обеспечение развития экономики, социальной сферы и инфраструктуры в условиях действий недружественных стран.

Межгосударственные, международные отношения, безусловно, должны складываться на правовой основе. Для этого необходима авторитетная и общепризнанная концепция я мирового порядка.

В условиях трансформации международных отношений, действующее международное право демонстрирует снижение авторитета.

Ситуация в мире неизбежно детерминирует потребность для России реагировать на изменения, менять восприятие существующего, но не эффективного мирового порядка. Очевидно, что расклад политических сил в международных отношениях влечет за собой трансформацию национальных системы права, и национальная система права России исключением не является. Вместе с тем расстановка политических сил, ее конфигурация очевидна, может подвергаться научному осмыслению и предопределяет необходимость преобразования российской национальной правовой политики, необходимость предпринимать разнообразные меры и средства ответных реакций на действия недружественных стран [5, с. 324].

Недружественные действия иностранных государств многочисленны (прекращение или приостановление международного сотрудничества, запреты или ограничения на ввоз или вывоз продукции или сырья, обеспечивающего потребности Российской Федерации и ее граждан, запреты или ограничения на выполнение работ, оказание услуг в отношении российских интересов и т. п.), порой нелогичны, непредсказуемы. Именно недружественные действия в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц со стороны недружественных иностранных государств напрямую дискредитируют общепризнанные нормы и принципы международного публичного права.

Недружественные действия США и других иностранных государств подтолкнули к разрыву многих устоявшихся, взаимовыгодных, адекватно приемлемых международных связей (экономических, политических, социально-культурных), привели к сокращению поступления в Россию значимой, но не незаменимой, импортной продукции, а сокращение импорта, в свою очередь, привело к росту инфляции.

Ответные меры, в том числе в сфере правового регулирования, создали условия для формирования новых экономических, политических, социально-культурных связей, привели к изменениям поступления в Россию новой импортной продукции и в целом сокращению импорта.

В свою очередь, введение и применения мер воздействия (противодействия), направленных на обеспечение суверенитета и безопасности Российской Федерации обусловило образование новых производственных отраслей внутри государства, созданию новых валютных и финансовых инструментов.

Практически все отрасли российской промышленности продемонстрировали объективную устойчивость к новым условиям производства [6, с. 225].

Правовое регулирование в условиях противодействия недружественным странам целесообразно рассматривать в контексте государственной правовой политики правового регулирования, которая направлена на защиту интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий иностранных государств.

Следует отметить, что подобное отношение к трансформации национальной правовой политики уникальным не является. Именно таким образом происходит формирование национальных доктрин противодействия любым негативным факторам во многих странах современного мира и Россия в данном контексте, по нашему мнению, не должна являться исключением.

Формирование правовой политики – сложный и противоречивый процесс выработки и последующей реализации так называемых правовых идей стратегического характера [7, с. 225]. Данный процесс имеет политический характер, но предполагает правовые формы и интегрируется в механизм и процесс правового регулирования.

В числе проблем, заслуживающих более пристального внимания со стороны современной политико-правовой теории, – вопрос о принципах правовой политики, т. е. о тех центральных идеях (началах, требованиях), которые обеспечивают единство, легитимность и функциональную эффективность государственно-правовой стратегии в целом и ее конкретных направлений (правотворческой, правоприменительной, конституционной, уголовной и др.) [8, с. 225].

Принципы правовой политики имеют юридические характеристики и критерии оценки.

Концептуальные критерии формирования национальной правовой политики отражают уже сформированные представления и выявленные закономерности, отношение, взаимосвязь, сколько наше знание о них.

Критерии формирования национальной правовой политики, по нашему мнению, частично отражаются в правовых принципах, которые, в свою очередь, есть фиксация результатов научного познания со всеми вытекающими отсюда последствиями [9, с. 225].

Анализ направлений трансформации российской правовой политики может осуществляться с предварительным выявлением и верификацией обстоятельств, соответствующих задачам исследования.

Во-первых, научному исследованию в стиле компрехентной теории [10, с. 225] в тексте конституции Российской Федерации необходимо выявить наличие юридико-технических средств, которыми оперирует национальная конституционно-правовая доктрина, специфическим образом выстраивающая подходы к политике российского права.

Необходимо вскрыть сегмент политико-правового дискурса в конституционном праве Российской Федерации.

Во-вторых, рассмотреть контекстное использование терминов «политика», «правовая политика», «политика права», «противодействие», «борьба» и других необходимых для выявления возможных научных результатов применительно к конституции и иных источников права, охваченных предполагаемым исследованием.

В-третьих, при помощи эмпирического материала выяснить наличие либо отсутствие специфического видения концептуальных разработок теорий правовой политики.

В-четвертых, необходимо провести качественную оценку правового материала национальной системы права для корректной постановки вопроса о возможности сравнения существующих подходов к модернизации национальной правовой политики.

В-пятых, необходимо дать максимально корректную оценку правового материала, на основании которого формируется результативность и эффективность национальной правовой политики.

Литература

1. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму : учеб. пособие / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск: Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2024. 306 с.
2. Юрковский А. В. Параллельные тенденции развития российского законодательства в условиях действий недружественных стран // Вековые традиции российского права: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. В. Горбач. Иркутск, 2022. С. 108–113.
3. Юрковский А. В. Конституционно-правовая карта Северо-Восточной Азии: эстолого-аксиологический анализ: монография. Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2018. 171 с.
4. Иванова Е. Л. Предупреждение фиктивных браков с иностранными гражданами в свете обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2024. № 4 (102). С. 20–25.
5. Завьялов А. Н., Юрковский А. В. К вопросу об особенностях деятельности правоохранительных органов по выявлению, аресту, конфискации и возвращению активов, в том числе из-за рубежа, полученных в результате коррупционной деятельности // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XII Междунар. науч.-практ. Конф., посвящ. 280-летию со дня рождения Г. Р. Державина. Иркутск, 2023. С. 321–328.
6. Иванова Е. Л. К вопросу об оценке официальных взглядов на государственную экономическую политику в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации // Сборник материалов круглого стола (с международным участием) «Продовольственная безопасность: прошлое, настоящее, будущее : в 2 ч. Луганск, 2023. С. 222–228.

7. Коробова А. П. Понятие и структура правовой политики // Правовая политика России: теория и практика : монография / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2006. С. 113–114.

8. Рудковский В. А. Научность в системе принципов правовой политики современного государства // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 5 – 14.

9. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. М., 1997. 185 с.

10. Захарцев С. И., Сальников В. П. Институты права с позиций Компрехендной теории познания // Государственно-правовые институты современного общества : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Республики Башкортостан. 2018. С. 46.

Transformation of State Legal Policy Russian Federation in the Context of Global Changes in the Modern World

© A. V. Zemlyakov, 2024

Abstract. The article is devoted to the changes in the legal policy of the Russian Federation caused by the unfriendly actions of Western states, including the United States. The author of the article concludes that the future directions of the legal policy of the Russian Federation should be determined taking into account the scientific validity of the principles of legal policy. To this end, it is proposed to consider the relationship between the terms “politics”, “legal policy”, and “law policy”.

Keywords: legal policy, modernization of legal regulation.

Земляков Александр Владимирович – старший преподаватель, кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск

Zemlyakov Alexander Vladimirovich – Senior Lecturer, Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk

Конституционные права и обязанности иностранных граждан: актуальные тенденции правового регулирования

© Е. Л. Иванова, 2024

Аннотация. Анализируются тенденции развития отечественного законодательства, регулирующего правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства. Отмечая своевременность и целесообразность произведенных законодательных новаций, делается вывод о необходимости своевременной разработки комплекса подзаконных нормативных правовых актов, направленных на развитие таких изменений.

Ключевые слова: правовой режим, иностранные граждане, лица без гражданства.

Принятый в августе текущего года Федеральный закон № 260-ФЗ [1] (далее – ФЗ № 260) произвел большой общественный резонанс. Во многом это было вызвано новыми нормами, содержащимися в его ст. 31³, расширением полномочий сотрудников полиции в отношении жилых и иных помещений, где предположительно находится иностранный гражданин, включенный в реестр контролируемых лиц, а также установления наблюдения не только за контролируемыми лицами, но и за физическими и юридическими лицами, оказывающими им содействие в пребывании на территории Российской Федерации. Обозначенные нововведения могут быть предметом самостоятельного изучения.

Одновременно с этим данный Федеральный закон вносит изменения в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2] (далее – ФЗ № 115), Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан» [3], Семейный кодекс РФ [4] и ряд других федеральных законов, принципиальным образом корректирующие правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства.

Кроме того, что ФЗ № 260 предусматривается введение нового административного правового режим – режима высылки в отношении иностранных граждан, нарушивших требования российского законодательства и включенных в реестр контролируемых лиц, им также устанавливаются существенные ограничения прав и свобод тех иностранных граждан и лиц без гражданства, которые в такой реестр не включены и факт нарушения законодательства которыми не установлен.

В первую очередь обращает на себя внимание новая редакция ст. 4 ФЗ № 115. Пунктом 2 указанной статьи впервые закрепляются конкретные обязанности иностранных граждан на территории Российской Федерации:

1) бережное отношение к окружающей среде, природным ресурсам, материальным и культурным ценностям Российской Федерации;

2) уважение многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации;

3) невмешательство в осуществление прав и свобод граждан РФ, деятельности органов публичной власти Российской Федерации и их должностных лиц;

4) невмешательство во внешнюю и внутреннюю государственную политику Российской Федерации (в том числе закрепляется запрет на осуществление действий, направленных на побуждение к принятию, изменению, отмене законов и иных нормативных правовых актов). Указанный запрет, на наш взгляд, нуждается в дополнительной конкретизации. Законодателю необходимо определиться, можно ли в качестве действий, направленных на побуждение к принятию, изменению, отмене законов или иных нормативных правовых актов рассматривать участие иностранных граждан в реализуемых на местном уровне формах непосредственной демократии (собрание граждан, местный опрос и пр.). Так согласно правилу, предусмотренному п. 3 ч. 3 ст. 31 Федерального закона о местном самоуправлении [5], инициаторами местного опроса могут выступать жители муниципального образования или его части, в которых предлагается реализовать инициативный проект, достигшие шестнадцатилетнего возраста. В целях избежание такого двусмысленного истолкования необходимо, либо скорректировать положения Закона о внесении изменений, установив исключение в виде нормативных правовых актов муниципальных образований, либо привести в соответствии с рассматриваемым требованием ФЗ о местном самоуправлении;

5) уважение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе представления о браке как о союзе мужчины и женщины, семье, материнстве, об отцовстве, о детстве;

6) соблюдение требования о недопустимости искажения исторической правды о подвиге советского народа при защите Отечества и его вкладе в победу над фашизмом;

7) воздержание от финансирования и иного содействия деятельности, связанной с нарушением указанных выше обязанностей и запретов.

Принципиально значимым нововведением представляется законодательное закрепление за иностранными гражданами, являющимися законными представителями других иностранных граждан (не достигших возраста восемнадцати лет, недееспособных или ограниченных в дееспособности иностранных граждан, достигших возраста восемнадцати лет) обязанности по обеспечению законности пребывания (проживания) ими в Российской Федерации, получение основного общего образования, медицинской помощи, проживание в надлежащих жилищно-бытовых условиях (п. 3 ст. 11 ФЗ № 260).

В ситуации же нарушения иностранным гражданином российского законодательства, в том числе и истечения срока разрешительных документов, подтверждающих законность пребывания иностранного гражданина на территории России, он будет подлежать включению в реестр контролируемых лиц. В таком случае предусматривается ограничение целого комплекса прав иностранных граждан: право частной собственности в виде запрета на приобретение недвижимого имущества, транспортных средств, самоходных машин и других видов техники (подп. 2 п. 1 ст. 11 ФЗ № 260), право на занятие предпринимательской деятельностью в виде установления запрета для Федеральной налоговой службы регистрации таких лиц в качестве индивидуальных предпринимателей или руководителей юридических лиц (подп. 1 п. 1 ст. 11 ФЗ № 260), права на вступление в брак в виде запрета органам ЗАГС регистрации браков с такими гражданами (подп. 8 п. 1 ст. 11 ФЗ № 260), свободы передвижения и выбора места жительства за исключением выезда из Российской Федерации (подп. 9 и 10 п. 1 ст. 11 ФЗ № 260) и пр.

Таким образом, вступающие в начале следующего года изменения федерального законодательства, позволяют констатировать изменение традиционно признаваемого наукой отечественного конституционного права национального режима пребывания иностранных граждан в России [6, с. 131; 7, с. 30]. Такие изменения представляются нам своевременными и необходимыми. Вместе с тем их введение, по нашему мнению, должно:

- 1) осуществляться с учетом необходимости параллельной модернизации иных положений законодательства во избежание двусмысленного и даже противоречивого регулирования;
- 2) быть обеспечено своевременными разработкой и принятием актов подзаконного характера.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 260-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4956.
2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 8 авг. 2024 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30.
3. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : федер. закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 25 дек. 2023 г.) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 30, Ст. 3285
4. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 1995 г. (ред. от 31 июля 2023 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1, Ст. 16.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 08 июля 2024 г.) // Собр. законодательства РФ. 2003. № 40, Ст. 3822.

6. Побережная И. А., Нечипас Ю. В. Режим иностранных граждан // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10, № 3 (24). С. 129–136.

7. Казамиров А. И. Вопросы гражданства (статус иностранцев) в свете международного и национального права // Миграционное законодательство государств-членов СНГ: вопросы теории и практики применения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 28–32.

Constitutional Rights and Obligations of Foreign Citizens: Current Trends in Legal Regulation

© E. L. Ivanova, 2024

Abstract. The trends in the development of domestic legislation regulating the legal status of foreign citizens and stateless persons are analyzed. Noting the timeliness and expediency of the legislative innovations made, the author concludes that it is necessary to develop a set of subordinate regulatory legal acts aimed at developing such changes in a timely manner.

Keywords: legal regime, foreign citizens, stateless persons.

Иванова Елена Леонидовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, e-mail: lenai@list.ru

Ivanova Elena Leonidovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, e-mail: lenai@list.ru

Органы публичной власти как юридические лица: отдельные вопросы правового статуса

© А. Д. Котельников, 2024

Аннотация. Исследованы вопросы правового регулирования механизма наделения органов публичной власти статусом (правами) юридического лица и особенности их функционирования в указанном статусе. Выявлены отдельные проблемы правотворческого и правоприменительного характера в данной сфере отношений, предложены пути их решения.

Ключевые слова: органы публичной власти, правовой статус органов публичной власти, юридическое лицо, система государственных органов.

Вопросы, находящиеся на пересечении публичного и частного права, всегда вызывают оживленные дискуссии как в научной среде, так и среди практикующих юристов, во многом обусловленные различиями в правопонимании. Наделение органов публичной власти статусом юридического лица, без сомнения, относится к числу таких вопросов. Так, на практике возникают проблемы при определении оснований и обоснованности наделения государственных и муниципальных органов, их территориальных подразделений правами юридического лица, объемом таких прав и связанных с ними обязанностей, порождающие различия в правоприменительных подходах.

Как неоднократно отмечали высшие суды Российской Федерации, реализация прав и обязанностей юридических лиц органами публичной власти, обладающими указанным статусом, имеет выраженные особенности. Так, имеет значение, действуют ли указанные органы в собственных интересах в качестве самостоятельных хозяйствующих субъектов или реализуют публично-правовые функции соответствующего публично-правового образования и выступают от его имени в гражданских правоотношениях в порядке, предусмотренном ст. 125 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1; 2].

В п. 7.2.3, 7.2.4 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г., отмечается, что в большинстве случаев гражданско-правовой статус юридического лица (учреждения) необходим органу государственной власти только для совершения сделок, направленных на обеспечение его внутрихозяйственной деятельности. При этом категория «юридическое лицо публичного права» в российском правопорядке, в отличие от ряда европейских государств, отсутствует, в силу чего категория «юридическое лицо» в России существует исключительно в плоскости частного права. Из этого следует, что законодательство о правовом статусе юридических лиц может приме-

няться к органам власти с указанным статусом, только если это не противоречит их публично-правовому положению, задачам и функциям.

Следует отметить, что в зависимости от конституционно-правового положения в системе публичной власти правовое регулирование вопросов наделения статусом юридического лица отдельных органов существенно отличается. Так, в соответствии с регламентами палат Федерального Собрания РФ их аппараты не только обладают правами юридического лица, но и являются государственными органами [3, с. 35]. В отношении избирательных комиссий Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» однозначно определил наличие статуса юридического лица в отношении ЦИК России и избирательных комиссий субъектов РФ, оставив вопрос о наделении упомянутым статусом территориальных комиссий на откуп региональному законодателю. Вследствие этого в субъектах РФ сложилась практика предоставления прав юридического лица либо всем территориальным комиссиям без исключения, либо определения таких комиссий в соответствии с установленными законом критериями (Иркутская область), либо не наделения их таким статусом вовсе. Пожалуй, наиболее полно в российском законодательстве вопросы наделения органов публичной власти статусом юридического лица определены в отношении органов местного самоуправления ст. 41 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Особо необходимо остановиться на вопросе наделения статусом юридического лица исполнительных органов и их территориальных подразделений. На практике встречается мнение, в соответствии с которым порядок наделения статусом юридического лица федеральных органов исполнительной власти и их территориальных подразделений в достаточной мере урегулирован. Так, постановлением Совета министров – Правительства РФ от 27 мая 1993 г. № 491 одобрены предложения о порядке создания и деятельности территориальных органов министерств и ведомств Российской Федерации (далее – предложения), согласно п. 6 которых соответствующие органы наделяются статусом юридического лица. Существует подобная позиция и в научной литературе, хотя и с обоснованным указанием на наличие существенных недостатков предложений [4, с. 75]. Вместе с тем указанный акт не является нормативным, а его предписания – общеобязательными, что подтверждается анализом федерального законодательства и судебной практики [5]. Например, п. 1 предложений, согласно которому территориальные органы министерств и ведомств РФ входят в систему органов исполнительной власти РФ, прямо противоречит п. 1 Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», в соответствии с которым в си-

стему федеральных органов исполнительной власти входят федеральные министерства, службы и агентства.

Вместе с тем п. 1 ст. 125 ГК РФ установлено, что от имени субъектов РФ могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. Системное толкование данной нормы, положений ст. 123²¹, 123²² ГК РФ и Федерального закона «О некоммерческих организациях» не позволяют сделать вывод о наличии запрета на создание учреждений иными учреждениями.

Вопросы формирования и деятельности органов государственной власти субъектов РФ, регулируемые Конституцией РФ и Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 414-ФЗ), относятся к сфере публичного права. В Иркутской области в рамках ведения субъекта РФ соответствующие вопросы урегулированы в Уставе Иркутской области (далее – Устав), Законе Иркутской области от 18 ноября 2009 г. № 82/48-оз «О Правительстве Иркутской области», указе Губернатора Иркутской области от 29 декабря 2022 г. № 338-уг «О системе и структуре исполнительных органов государственной власти Иркутской области» (далее – указ № 338-уг). Вопросы правового статуса юридических лиц по общему правилу регулируются нормами гражданского права (предмет ведения Российской Федерации), т. е. относятся к сфере частного права. Федеральный закон № 414-ФЗ не содержит положений, регулирующих вопросы наделения органов исполнительной власти статусом юридического лица. Ч. 6 ст. 64 Устава определено, что Правительство Иркутской области (далее – Правительство) обладает правами юридического лица, при этом в отношении иных исполнительных органов области положениями Устава соответствующий вопрос не урегулирован. Согласно пп. «а» п. 1 ч. 1 ст. 65 Устава, пп. «б» п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона о Правительстве Правительство утверждает положения о министерствах и иных исполнительных органах области. В соответствии с пп. 5, 6 системы исполнительных органов государственной власти Иркутской области, утвержденной указом № 338-уг, исполнительные органы области формируются Правительством в соответствии с системой и структурой исполнительных органов области и могут иметь территориальные подразделения.

Следовательно, нормативные акты, утверждающие положения об исполнительных органах власти, являются основными правовыми актами, комплексно определяющими правовой статус указанных органов в соответствии с п. 1 ст. 125 ГК РФ, и могут содержать положения не-

нормативного характера, в том числе о наделении статусом юридического лица как самих исполнительных органов, так и их территориальных подразделений. Одновременно положения о соответствующих органах выступают учредительными документами юридического лица по смыслу пп. «в» ст. 12 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Представляется, что вопрос о наделении территориальных подразделений исполнительных органов власти относится к оперативно-хозяйственной деятельности указанных органов.

Таким образом, вопросы правового статуса органов публичной власти как юридических лиц регулируются недостаточно системно, что порождает многочисленные вопросы в правотворчестве и правоприменении, особенно на уровне субъектов РФ. Тем не менее толкование норм федерального законодательства в их единстве и взаимосвязи позволяет выстроить работу государственных и муниципальных органов надлежащим образом и добиться обеспечения ее эффективности.

Литература

1. О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость : постановление Пленума ВАС РФ от 30 мая 2014 года № 33 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 7.
2. О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации : постановление Пленума ВС РФ от 28 мая 2019 г. № 13 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.
3. Иванский В. П. О некоторых проблемных организационно-правовых аспектах понятия государственной службы в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 33 – 36.
4. Морозов В. Е. Территориальные органы в системе федеральной исполнительной власти: к вопросу определения организационно-правового статуса // Административное право и процесс. 2016. № 4. С. 73–76.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 августа 2016 г. № Ф08-6456/2016 по делу № А32-9415/2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Public Authorities as Legal Entities: Individual Issues of Legal Status

© А. Д. Котельников, 2024

Abstract. The article examines the issues of legal regulation of the mechanism for granting public authorities the status (rights) of a legal entity and the specifics of their functioning in this status. Individual problems of law-making and law enforcement in this area of relations are identified, and ways to solve them are proposed.

Keywords: public authorities, legal status of public authorities, legal entity, system of state bodies.

Котельников Алексей Дмитриевич – советник отдела государственного права и местного самоуправления главного правового управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, г. Иркутск, e-mail: ADK8897@yandex.ru

Kotelnikov Aleksey Dmitrievich – Adviser of the Department of State Law and Local Self-Government of the Main Legal Department of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region, Office of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region, Irkutsk, e-mail: ADK8897@yandex.ru

Цифровизация избирательных процедур: выдвижение и регистрация кандидатов

© Р. Ю. Хертуев, 2024

Аннотация. Исследуются стадии избирательного процесса, имеющие потенциал реализации в цифровом формате. Предлагается модель цифровизации процедуры выдвижения и регистрации кандидатов, позволяющая повысить уровень гарантированности пассивного избирательного права и качество деятельности избирательных комиссий.

Ключевые слова: цифровизация избирательного процесса, электронная регистрация кандидата, электронное выдвижение кандидата.

Анализ российского избирательного законодательства показывает, что процедура выдвижения и регистрации кандидатов на выборах за последние 30 лет концептуально не менялась. Отметим основные моменты существующего порядка выдвижения и регистрации кандидатов.

Во-первых, в соответствии с действующим законодательством выдвижение кандидата осуществляется путем представления в избирательную комиссию определенного перечня документов. Причем по общему правилу указанные документы должны быть представлены кандидатом лично.

Во-вторых, потенциальный кандидат должен представить в избирательную комиссию документы, формы которых определены различными нормативными правовыми актами. Указанные нормативные правовые акты различаются не только по юридической силе, но и уровнем их принятия. Так, для выдвижения и регистрации кандидата на муниципальных выборах в избирательную комиссию необходимо представить документы, формы которых определены:

1) Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1]:

– сведения о размере и об источниках доходов кандидата, а также об имуществе, принадлежащем кандидату на праве собственности, о счетах, вкладах в банках, ценных бумагах сведения о доходах;

– подписные листы;

2) Указом Президента РФ от 6 июня 2013 г. № 546 [2]:

– справка о принадлежащем кандидату, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории РФ, об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество, об их обязательствах имущественного характера за пределами территории РФ;

– справка о расходах кандидата, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, цифровых финансовых активов, цифровой валюты и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка;

3) постановлением избирательной комиссии субъекта Российской Федерации и решением территориальной избирательной комиссии:

– решение о назначении уполномоченного представителя избирательного объединения;

– согласие уполномоченного представителя избирательного объединения;

– решение о выдвижении кандидата;

– заявление кандидата о согласии баллотироваться;

– иные документы.

Многообразие форм документов и отсутствие единообразного подхода к их формированию¹ не способствуют доступности и гарантированности пассивного избирательного права.

В-третьих, многие сведения, содержащиеся в документах, которые предоставляются кандидатом для выдвижения и регистрации, находятся в распоряжении у государственных и муниципальных органов (организаций). К числу таких документов можно отнести паспортные данные кандидата (имеются в ГАС «Выборы», органах внутренних дел), сведения об официальных доходах (имеются в налоговых органах), сведения об имуществе (имеются в налоговых органах, органах Госавтоиспекции, органе, осуществляющем государственную регистрацию прав на недвижимость), сведения о судимости (имеются в органах внутренних дел) и т. д. В этой связи возникает закономерный вопрос – зачем обязывать кандидата представлять сведения, которые могут быть запрошены избирательной комиссией у государственных и муниципальных органов (организаций).

Указанные обстоятельства предопределяют необходимость совершенствования действующего порядка выдвижения и регистрации кандидатов. В этой связи предлагаем трансформировать процедуру выдвижения и регистрации кандидата в «цифровую» плоскость, реализовав принцип недопустимости требования документов, которые находятся в распоряжении у государственных и муниципальных органов (организаций).

¹ Так, форма одно и того же документа может быть одновременно определена избирательной комиссией субъекта Российской Федерации и территориальной избирательной комиссией. Или, например, форма подписного листа установлена федеральным законом, а форма протокол об итогах сбора подписей – территориальной избирательной комиссией.

Предлагается внедрить механизм, позволяющий осуществлять выдвижение и регистрацию кандидатов посредством цифровой платформы. Для выдвижения кандидат должен будет заполнить электронное заявление, исключающее возможность совершения ошибок (заполнение всех необходимых полей, подсказки при заполнении, невозможность подачи неполного заявления). Аналогичные формы подачи заявлений давно и эффективно используются на Едином портале государственных и муниципальных услуг (далее – портал Госуслуг).

Избирательная комиссия, со своей стороны, освобождается от обязанности проверки правильности заполнения заявления, но не освобождается от обязанности запросить необходимые сведения от иных органов, в распоряжении которых имеются соответствующие сведения. Кроме того, цифровая платформа подачи документов, интегрированная с порталом Госуслуг, позволила бы осуществлять сбор и проверку подписей в электронном формате, снизив тем самым число случаев отказов в регистрации кандидатов в связи с недостатками в процедуре ручного сбора подписей избирателей.

Цифровая платформа могла бы использоваться не только для выдвижения и регистрации кандидатов, но и для взаимодействия избирательной комиссии с зарегистрированными кандидатами (например, по вопросам финансирования выборов, предвыборной агитации), с кредитными организациями, нижестоящими и вышестоящими избирательными комиссиями.

Введение подобного механизма существенно облегчит жизнь избирательным комиссиям, которые нередко испытывают сложности в совершении определенных избирательных процедур. Такие сложности, например, возникают в деятельности окружных избирательных комиссий, поскольку они формируются на непрофессиональной основе, однако должны квалифицированно разбираться в тонкостях избирательного законодательства.

Таким образом, цифровизация процедуры выдвижения и регистрации кандидата позволит не только повысить уровень гарантированности пассивного избирательного права, но и улучшить качество самой избирательной системы.

Литература

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

2. О проверке достоверности сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, о расходах по каждой сделке по приобретению объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов,

цифровой валюты, представляемых кандидатами на выборах в органы государственной власти, выборах глав муниципальных районов, глав муниципальных округов и глав городских округов, а также политическими партиями в связи с внесением Президенту Российской Федерации предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации : указ Президента РФ от 6 июня 2013 г. № 546 // Собр. законодательства РФ. 2013. № 23. Ст. 2892.

Digitalization of Election Procedures: Nomination and Registration of Candidates

© R. Y. Khertuev, 2024

Abstract. The electoral process has long required a global reconfiguration, including from the point of view of digitalization of its main electoral procedures. However, most researchers reduce the digitalization of the electoral process to the institution of electronic voting in elections. At the same time, voting is only the final stage of the electoral process. Therefore, the purpose of this paper is to analyze other stages of the electoral process that have the potential for implementation in digital format. The model of digitalization of the procedure for nominating and registering candidates proposed in the article will increase the level of guarantee of passive electoral rights and the quality of the activities of election commissions.

Keywords: digitalization of the electoral process, electronic registration of candidates, electronic nomination of candidates.

Хертуев Роман Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: rommmaa@list.ru

Khertuev Roman Yurievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Constitutional Law and Theory Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: rommmaa@list.ru

Суды в механизме защиты права на местное самоуправление

© С. И. Шишкин, Н. Э. Шишкина, 2024

Аннотация. Рассматривается важность местного самоуправления как института публичной власти, определяется механизм его правовой охраны и защиты, дается общая характеристика досудебных форм охраны права на местное самоуправление. Основное внимание уделяется роли судов в механизме защиты прав местного самоуправления и существующим в этой сфере проблемам.

Ключевые слова: местное самоуправление; механизм защиты права на местное самоуправление; формы досудебной охраны; суды общей юрисдикции; арбитражные суды; конституционное правосудие по местному самоуправлению.

Местное самоуправление, как один из институтов публичной власти основ конституционного строя, продолжает находиться в центре внимания со стороны государства, свидетельством чему служат наблюдаемые в последние годы серьезные законодательные подвижки по реформированию системы местного самоуправления в Российской Федерации. В частности, ведется работа по подготовке нового федерального закона об организации местного самоуправления в РФ.

Особое внимание к институту местного самоуправления обусловлено и тем фактором, что он является одной из форм народовластия, посредством которой народ решает самостоятельно или через создаваемые им органы самые насущные вопросы местного значения, определяющие, по сути, максимально комфортную среду его жизнедеятельности.

Конституцией и нормативными правовыми актами Российской Федерации предусмотрена целая система гарантий, обеспечивающих реализацию права на местное самоуправление всеми участниками муниципальных правоотношений, а также защиту и восстановление нарушенного права. Иными словами, действует целый механизм, включающий в себя различные средства и способы социального, экономического, организационного, правового и иного характера, способствующие эффективному функционированию данного института публичного права. Отдельного внимания заслуживает механизм правовой охраны местного самоуправления.

Е. С. Шугрина считает, что следует различать такие понятия, как «защита» прав и «охрана» прав. По ее мнению, правовая охрана является более широкой категорией по сравнению с правовой защитой, поскольку направлена главным образом на предотвращение и предупреждение возможных правонарушений. Правовая охрана не ограничена каким-то определенным сроком и ее субъектный состав более широк. Правовая защита, в свою очередь, предполагает наличие уже нарушен-

ного права и необходимости принятия мер по его восстановлению. Вместе с тем правовая защита, как и правовая охрана, также направлена на предупреждение и недопущение подобных нарушений прав [1, с. 298]. Такая точка зрения представляется вполне обоснованной.

Полагаем, что при анализе механизма защиты права на местное самоуправление было бы неверным сводить все лишь к судебным формам защиты нарушенного права, проигнорировав наличие различных досудебных способов охраны и предотвращения возможного нарушения данного права. В механизме правовой охраны местного самоуправления задействованы как государственные органы, так и различного рода общественные объединения: прокуратура; общественные палаты; муниципальные и межмуниципальные ассоциации; Совет по местному самоуправлению при Президенте РФ; и др. Определенную позитивную роль в охране и защите права на местное самоуправления могло бы сыграть учреждение института Уполномоченного (омбудсмана) по защите права на местное самоуправление.

И все же важнейшей конституционной гарантией остается право на судебную защиту. В первую очередь, правом на судебную защиту обладает население муниципального образования как главный субъект муниципальных правовых отношений. При этом к населению муниципального образования следует отнести как граждан РФ, так и иностранных граждан и лиц без гражданства при наличии определенных условий (например, заключение соответствующего двустороннего договора между РФ и иностранным государством).

Поскольку население реализует свое право на местное самоуправление не только самостоятельно, но и через создаваемые им органы, то правом на судебную защиту наделяются также главы муниципальных образований, местные представительные органы и администрация. При этом практически бесспорным считается сложившееся в науке муниципального права мнение, что для муниципальных органов защита местного самоуправления является не только правом, но и обязанностью, возложенной на них населением.

Защита местного самоуправления и права на его реализацию осуществляется судами общей юрисдикции, арбитражными судами, а также в процессе конституционного судопроизводства. Подведомственность исковых обращений напрямую зависит от содержания исковой жалобы.

Так, к примеру, в порядке административного судопроизводства рассматриваются дела о законности нормативных правовых актов муниципальных образований, а также действий (или бездействия) органов местного самоуправления, должностных лиц и муниципальных служащих; о защите избирательных прав при проведении муниципаль-

ных выборов и местных референдумов; об установлении наличия или отсутствия полномочий у органа местного самоуправления на решение каких-то конкретных вопросов; и др.

В ведении арбитражных судов находятся споры, связанные с имущественными и финансовыми отношениями, в том числе по надделению муниципальных образований необходимыми средствами для осуществления переданных им государственных полномочий, а также по защите муниципальной собственности.

Важная роль отводится арбитражным судам в решении вопроса о введении на территории муниципального образования временной финансовой администрации, если в результате решений, действий (бездействия) органов местного самоуправления возникает просроченная задолженность муниципальных образований по исполнению своих долговых и (или) бюджетных обязательств [2, ст. 75]. По сути, речь идет о фактах муниципальной несостоятельности или муниципального банкротства.

Здесь уместно было бы провести некоторые аналогии с американским институтом муниципальных банкротств. Более мягкий вариант работы государства, в лице Федерального суда по банкротствам, с муниципалитетами-банкротами в форме выработки мер по реструктуризации просроченной задолженности предусмотрен в отношении лишь тех муниципалитетов, чья задолженность образовалась в результате стихийных бедствий, катастроф и чрезвычайных ситуаций. В отношении же тех муниципалитетов, которые пришли к финансовому банкротству в результате ненадлежащих действий (бездействия) органов местного самоуправления, действует более жесткая процедура, поскольку эти муниципалитеты продемонстрировали и свою управленческую несостоятельность. Помимо введения временного прямого государственного управления на данной территории и проведения работы по определению экономико-финансовых мер по реструктуризации долгов, принимаются меры по изменению устава данного муниципального образования в части, прежде всего, избрания для него другого вида муниципальной системы.

Особое место в механизме защиты права на местное самоуправление занимает конституционное судопроизводство. Роль Конституционного Суда РФ состоит не только в формально-юридической проверке конституционности любого нормативного правового акта, касающегося местного самоуправления, в охране права на осуществление местного самоуправления отдельными гражданами, коллективами, муниципальными органами, но и в толковании отдельных норм и актов, способствующем развитию данного института публичной власти.

Необходимо отметить, что в осуществлении судами деятельности по защите прав местного самоуправления существуют определенные проблемы. Некоторые из них были озвучены участниками состоявшихся несколько лет назад парламентских слушаний в Совете Федерации РФ «Проблемы законодательного регулирования судебной защиты прав местного самоуправления в Российской Федерации». Обозначенные проблемы сохранили свою актуальность и в настоящее время.

Это, в частности, отсутствие четкой правовой регламентации статуса муниципальных образований и органов местного самоуправления в отношениях, связанных с осуществлением правосудия, а также необходимость более четкого определения инициатора обращения в суд от имени муниципального образования. Остается не до конца решенной проблема с определением подведомственности судам дел, одной из сторон в которых выступают муниципальные образования, прежде всего в сфере конституционного правосудия и бюджетных правоотношений.

Отдельной проблемой является недостаточный уровень юридической грамотности должностных лиц органов местного самоуправления, которые зачастую не знают, какие права местного самоуправления нарушены и в каком порядке, в каких органах следует защищать права местного самоуправления.

Не менее остро стоит и проблема повышения уровня профессиональной подготовленности судей по особенностям рассмотрения дел по судебной защите местного самоуправления [3].

Беремся высказать предположение, что принятие нового закона о местном самоуправлении, предусматривающего переход на одноуровневую систему муниципального управления и достаточно серьезно меняющего саму концепцию муниципального управления, может вызвать волну судебных исков, прежде всего со стороны населения, по поводу нарушения права на местное самоуправление.

Литература

1. Шутрина Е. С. Основы местного самоуправления. Настольная книга депутата и муниципального служащего : учеб. пособие / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, Высш. шк. гос. упр. Калининград : Полиграфичъ, 2023. 336 с.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) № 131-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Проблемы законодательного регулирования судебной защиты прав местного самоуправления в Российской Федерации: парламентские слушания от 25 апреля 2006 г. / Российская Федерация, Совет Федерации. Парламентские слушания (2006; Москва) // Муниципальное право. 2006. № 2. С. 49–69.

Courts in the Mechanism of Protection of the Right to Local Self-government

© S. I. Shishkin, N. E. Shishkina, 2024

Abstract. The importance of local self-government as an institution of public authority is considered, the mechanism of its legal protection and protection is determined, and a general description of pre-trial forms of protection of the right to local self-government is given. The main attention is paid to the role of the courts in the mechanism of protection of the rights of local self-government and the problems existing in this area.

Keywords: local self-government; mechanism of protection of the right to local self-government; forms of pre-trial protection; courts of general jurisdiction; arbitration courts; constitutional justice for local self-government.

Шишкин Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой, конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: shishkin1957@rambler.ru

Shishkin Sergey Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: shishkin1957@rambler.ru

Шишкина Наталья Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и теории права, Юридический институт; Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: shishkina1957@rambler.ru

Shishkina Natalia Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Law Institute; Irkutsk State University, Irkutsk, shishkina1957@rambler.ru

Международное право окружающей среды: точка для сборки?

© Д. В. Шорников, 2024

Аннотация. Исследование посвящено проблеме возможного использования международного права окружающей среды как определенного центростремительного и системообразующего элемента современного международного права. Отмечается, что в данном процессе необходимо опираться на принципы международного права окружающей среды, исходя из определенных критериев к их перманентному пересозданию.

Ключевые слова: международное право; международное право окружающей среды; принципы права; правовая охрана Байкала.

Перед международным правом всегда стояли сложные вызовы, во все время его существования (а, как мы знаем, в современном состоянии не столь уж и долгого, в сравнении с так называемыми домашними, национальными отраслями права). Собственно, даже название классического труда Гуго Гроция, положившего, как принято полагать, начало современному международному праву, «Три книги о праве войны и мира», говорит нам о вечном противоречии, положенном в его основу.

Для воображаемого внешнего (и потому нейтрального) наблюдателя, кроме кратких периодов относительной международной стабильности (подчеркивая, относительной), международное право всегда жило в состоянии кризиса, под огнем критики с самых разных сторон, так что с точки зрения исторического развития оно всегда находилось и продолжает находиться в своем естественном состоянии перманентного преобразования, а не распада, как может показаться в месте и моменте сиюминутной фиксации. На самом деле, когда мы говорим о преобразовании, речь идет, конечно, и о распаде, и о создании как о едином процессе. Сразу же заметим, что такое состояние – естественно и нормально для любой живой, а, значит, развивающейся системы, ибо полная стабильность, как мы понимаем, достижима лишь в могиле.

Не забудем отметить, что, с другой стороны, для многих теоретиков международного права никакого кризиса в нем вообще не происходит, только поступательное развитие – и это тоже, в определенном смысле, нормально, система, наблюдаемая изнутри, зачастую выглядит гораздо устойчивее, чем извне (до определенного момента, впрочем), во всяком случае, воспринимается/ощущается иначе.

На каждом этапе кризиса, как мы договорились, развития любой системы в ней противодействуют центростремительные и центробежные тенденции (что, собственно, и является сутью кризиса). Задача системы – постоянно формировать/находить в настоящем островки бу-

душего своего состояния, некие точки сборки, вокруг которых система будет пересобрана на новом уровне (с тем, конечно, чтобы кризис начался снова).

Представляется, что одной из таких «точек сборки», консенсуальных опор развития международного права может стать международное право окружающей среды (отметим, кстати, что оно уже выступало в этой роли и в условные 70-е гг. прошлого века, достаточно вспомнить Стокгольмскую декларацию ООН по проблемам окружающей человека среды:

– Сохранение и улучшение качества окружающей человека среды является важной проблемой, влияющей на благосостояние народов и экономическое развитие всех стран мира; это является выражением воли народов всего мира и долгом правительств всех стран [1].

Еще более выпукло, то же свойство международного права окружающей среды проявилось в 90-е гг. прошедшего века, 25-й принцип Декларации Рио кратко и емко гласит:

– Мир, развитие и охрана окружающей среды взаимосвязаны и неразделимы [2].

Посмотрим на современные нам принципы международного права окружающей среды, среди которых обычно называются [3]: защита окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений; недопустимость трансграничного ущерба; экологически обоснованное, рациональное использование природных ресурсов; недопустимость радиоактивного заражения; защита экологических систем Мирового океана; запрет военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на окружающую среду в концентрированном виде; обеспечение экологической безопасности; контроль за соблюдением международных договоров по охране окружающей среды; международно-правовая ответственность государств за ущерб окружающей среде.

К сожалению, названные, равно как и иные оставшиеся за кадром принципы международного права окружающей среды, воспринимаются зачастую как мертвая догма, некий устоявшийся и само собой разумеющийся, самоценный постулат. Такой подход представляется глубоко ошибочным, ибо принципы права и принципы в праве должны быть живыми *per se* и вследствие того давать жизнь новым идеям и в их развитии – нормам права, будучи не просто неким сияющим градом на горе, но корнями, питающими вечноживущее древо. Однако для этого они должны постоянно перепридумываться, читай, переформулироваться, исходя из следующих возможных критериев:

– **актуальность**; которую мы понимаем, как соответствие современному состоянию и международного права и международных отно-

шений, значимость для сохранения текущего уровня развития цивилизации в целом и ее отдельных страт, зримая направленность в будущее.

– **устойчивость**; иначе говоря, соответствие пониманию целей международного права различными его субъектами, постоянный поиск консенсуальности.

– **системность**; должный уровень обобщения теоретических и практических наработок (еще раз следует повторить, что, к сожалению, для отечественной доктрины права, для правотворчества и правоприменения, да и для зарубежных/международных их уровней, системность провозглашаемых принципов зачастую замещается декларативностью, когда принципы более красивы, нежели системны); здесь же нужно сказать о наличии и осознании перспектив дальнейшего теоретического обобщения и практического применения и т. д.

Каждый из указанных критериев, в свою очередь, сам по себе требует раскрытия, как результата постоянного критического обсуждения (сегодня мы говорим лишь о некоторых приблизительных их очертаниях). Однако общая идея того, что международное право окружающей среды может и должно стать одной из точек сборки будущего международного права (в том числе, будучи постоянно обновляющейся и переосмысливаемой системой само по себе) кажется вполне разумной (и, возможно, даже аксиоматичной). Для того же, чтобы стать таким островком будущего – оно должно само быть растущим будущим, прежде всего, в своих принципиальных основах.

В заключение укажем, что одним из мест практического апробирования данных теоретических построений по очевидным причинам может и должна стать Байкальская природная территория (собственно, началу данного процесса мы уже являемся свидетелями).

Литература

1. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 01.11.24)
2. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 01.11.24)
3. Агафонов А. В. Международно-правовая охрана окружающей среды // ЕГИ. 2017. № 2 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-okhrana-okruzhayushey-sredy> (дата обращения: 24.10.2024).

International Environmental Law: A Point to Assemble?

© D. V. Shornikov, 2024

Abstract. the text is devoted to the problem of the possible use of international environmental law as a certain centripetal and backbone element of modern international law. The author considers it necessary to rely in this process on the principles of international environmental law, based on certain criteria for their permanent recreation.

Keywords: international law, international environmental law, principles of law, legal protection of Lake Baikal.

Шорников Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения, директор НИИ правовой охраны Байкала ИГУ, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: abirvalg35@mail.ru

Shornikov Dmitry Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Law and Comparative Law, Director of the Research Institute of Legal Protection of Baikal, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: abirvalg35@mail.ru

КРУГЛЫЙ СТОЛ
**«АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ»**

Новеллы российского налогового законодательства: от традиций к новациям

© Н. В. Васильева, 2024

Аннотация. Обращается внимание на новации налогово-правового регулирования, которые влекут отказ от традиционных механизмов регламентации отношений в налоговой сфере.

Ключевые слова: налоговое законодательство, налогоплательщик, единый налоговый счет, единый налоговый платеж, цифровизация.

Законодательство Российской Федерации о налогах и сборах подвергается частым изменениям, что вызвано различными как объективными, так и субъективными факторами – стремительное развитие бизнес-процессов, подлежащих налогообложению, появление новых видов предпринимательской деятельности (в частности, майнинг криптовалют), стремительно развивающаяся цифровизация [1], проникающая во все сферы человеческой деятельности, и связанные с этим переориентирование налогового администрирования и контроля на клиентоориентированный подход и т. д.

Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ) постепенно превращается в сложно понимаемую инструкцию колоссального объема. В погоне за урегулированностью каждого нюанса налогообложения той или иной операции законодатель отошел от одного из главных правил юридической техники – лаконичности правовой нормы. Скорость принимаемых изменений не всегда позволяет отследить за ними даже специалистов.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что вносимые изменения меняют устоявшийся ландшафт правовой регламентации налоговых отношений и многие казавшиеся неизблемыми традиционные институты налогового права подвергаются существенной трансформации.

Так, одна из самых шумевших новаций в налоговой сфере – внедрение единого налогового счета и единого налогового платежа. С 1 января 2023 г. все налогоплательщики без исключения находятся в новой реальности исчисления и уплаты налоговых платежей.

Казалось бы, неизблемая скрепа налоговых отношений – четкое разделение налоговых платежей по КБК – ушла в лету. Принцип самостоятельности исчисления и уплаты налогов, закрепленный ст. 45 НК РФ [2], предполагающий, в том числе, самостоятельность налогоплательщика в определении направления платежа путем указания правильных КБК и ОКТМО, трансформировался в перечисление денежных средств в качестве единого налогового платежа.

Нужно отметить, что введение ЕНС вызвано рядом причин. Одна из них – большое количество так называемых невыясненных платежей (ФНС отмечает огромные суммы, за 2021 г. 3 трлн руб., за 2022 г. 600 млрд руб. [3, с. 61]). Можно сказать, что внедрение ЕНС и ЕНП – итог многолетней реформы бюджетной деятельности, связанной с внедрением казначейского сопровождения и цифровизацией. Внедрение ЕНС призвано обеспечить более удобную форму взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов в части исчисления и уплаты налоговых платежей.

Несомненно, внедрение ЕНС имеет ряд преимуществ. Прежде всего, данная система влечет облегчение для налогоплательщика заполнения платежного поручения на перечисление налогового платежа в бюджет. Все налоги перечисляются на единый КБК. В том числе, можно оформить одно поручение на перечисление всех налогов, сборов и страховых взносов. Их распределение по соответствующим направлениям является задачей налоговых органов, которые руководствуются правилами ст. 45 НК РФ, которой определяется очередность осуществления списание средств с ЕНС.

Внедрение ЕНС привело к исчезновению проблемы одновременного наличия у налогоплательщика и задолженности по отдельным налогам, и переплаты по другим. Есть ЕНС, и в рамках его единого сальдо имеется возможность автоматического перенаправления суммы в счет погашения задолженности вне зависимости по каким платежам и каким бюджетам имеется переплата/задолженность.

Налогоплательщики могут получить детализированную информацию по произведенным операциям по ЕНС как через личный кабинет налогоплательщика, так и запросив у налоговых органов информацию.

И, положительным следствием внедрения ЕНС следует признать упрощение платежного календаря и унификацию сроков налоговых платежей.

Вместе с тем есть и проблемы при реализации ЕНС и ЕНП.

Обращает на себя внимание неопределенность правового режима денежных средств, находящихся на ЕНС. Средства, внесенные в виде ЕНП на ЕНС автоматически не становятся бюджетными средствами. Налог становится бюджетным доходом в момент исполнения Федеральным казначейством поручения налогового органа на перечисление необходимой суммы в бюджетную систему [4, с. 25].

Получается, что средства, внесенные на ЕНС, до наступления срока платежа остаются средствами налогоплательщика, использование которых ограничено требованиями НК РФ, включая их целевой

характер. Также добавляет трудностей отсутствие переходного периода и имеющиеся технические проблемы.

Кроме того, для ряда плательщиков произошло усложнение порядка исчисления и уплаты налоговых платежей. Прежде всего обращает на себя внимание появление дополнительных документов налоговой отчетности, необходимых к направлению в налоговые органы для правильного учета внесенного налогоплательщиком ЕНП. В случае его внесения до представления налоговой декларации, либо если представление налоговой декларации не предусмотрено, в налоговые органы необходимо подать в электронном виде уведомление об исчисленных суммах налогов, авансовых платежей по налогам, сборов, страховых взносов, требования к которым закреплены приказом ФНС[5].

Например, налоговые агенты по НДФЛ подавали декларацию по форме 6-НДФЛ один раз в квартал. После внедрения ЕНС и ЕНП необходимо два раза в месяц (а именно так перечисляются в бюджет суммы исчисленного налоговым агентом НДФЛ), заполнять и направлять в налоговые органы уведомления. Такое же усложнение произошло и для налогоплательщиков, перешедших на УСН.

Еще одной проблемой внедрения системы ЕНС является отсутствие у налогоплательщика права выбора очередности внесения налоговых платежей. Как уже было отмечено, по общему правилу есть единые сроки уплаты (28 число каждого месяца), а последовательность отнесения суммы денежных средств, находящихся на ЕНС, определяется налоговыми органами в соответствии с п. 8 ст. 45 НК РФ.

Имеющаяся ранее у налогоплательщиков возможность уплатить по одному налогу больше и чуть придержать уплату по-другому канула в лету. При отрицательном сальдо на ЕНС недоимка возникнет сразу по всем налогам, сборам и страховым взносам, а не по одному из них. Согласно п. 10 ст. 45 НК РФ в случае, если на момент определения налоговыми органами принадлежности сумм денежных средств, перечисленных и (или) признаваемых в качестве ЕНП, недостаточно для исполнения обязанностей по уплате налогов, авансовых платежей по налогам, сборов, страховых взносов с совпадающими сроками их уплаты, принадлежность определяется в соответствии с последовательностью, установленной п. 8 ст. 45 НК РФ, пропорционально суммам таких обязанностей.

Еще раз подчеркнем, что в рамках системы расчетов с бюджетом путем внесения ЕНП налогоплательщики уплачивают большинство установленных налоговым законодательством платежей. Исходя из действующей редакции НК РФ, все налоговые платежи условно разделены на три группы:

1. Налоги, уплачиваемые ЕНП.

2. Налоги, которые можно уплатить ЕНП или на конкретный КБК (например, налог на профессиональный доход, сборы за пользование объектами животного мира и водных биологических ресурсов).

3. Платежи, которые можно уплатить только на конкретный КБК (в частности, НДС/Л с выплат иностранцам с патентом, различные виды пошлин, административные штрафы).

Как видно из представленного деления, изъятий из режима ЕНС при ликвидации и банкротстве организаций нет. Получается, что все платежи налогового характера должны осуществляться также через ЕНС. Да, НК РФ предусмотрено определение принадлежности денежных средств лиц, в отношении которых возбуждено производство по делу о банкротстве, в соответствии с Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Но для учета соответствующего платежа в необходимом направлении арбитражным управляющим должно быть надлежаще оформлено уведомление об исчисленных суммах налогов, авансовых платежей по налогам, сборов, страховых взносов.

Итак, традиционный институт исполнения обязанности по уплате налогов претерпел значительные новации. Введение ЕНС и ЕНП существенно изменило порядок исчисления и уплаты налоговых платежей, что требует научного осмысления и дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования.

Литература

1. Лютова О. И. Страховые взносы и искусственный интеллект: контуры будущего регулирования // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4 (103). С. 23–28. DOI 10.26516/2071-8136. 2023.4.23
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. Антонова А. М. Единый налоговый счет: итоги переходного периода // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 3. С. 60–71.
4. Сбежнев В. А. Перспективы развития системы уплаты налогов посредством единого налогового счета и единого фискального счета в России // Налоги. 2024. № 2. С. 25–27.
5. Об утверждении формы, порядка заполнения и формата представления уведомления об исчисленных суммах налогов, авансовых платежей по налогам, сборов, страховым взносам в электронной форме : приказ ФНС России от 02.11.2022 № ЕД-7-8/1047@ (в ред. от 16.01.2024).

Novelties of the Russian Tax Legislation: From Traditions to Innovations

© N. V. Vasileva, 2024

Abstract. The author draws attention to the innovations in tax and legal regulation, which entail the abandonment of traditional mechanisms for regulating relations in the tax sphere.

Keywords: tax legislation, taxpayer, single tax account, single tax payment, digitalization.

Васильева Наталья Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет, e-mail: nativi@yandex.ru

Vasileva Natalya Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Business and Financial law, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: nativi@yandex.ru

Финансово-правовое регулирование предоставления бюджетных инвестиций хозяйственным товариществам и обществам

© Н. В. Медведева, 2024

Аннотация. Исследуется ряд проблем финансово-правовой регламентации одной из существующих форм расходов бюджетов, позволяющей предоставлять бюджетные инвестиции таким коммерческим юридическим лицам, у которых формируется уставный (складочный) капитал. В аспекте динамики современного законодательства проводится анализ допустимого перечня организационно-правовых форм юридических лиц, подпадающих под возможность предоставления данных бюджетных инвестиций.

Ключевые слова: бюджетные инвестиции, расходы бюджета, форма расходов бюджета, уставный капитал, складочный капитал.

Термины «инвестиции» и «бюджетные инвестиции» получили закрепление в тексте Бюджетного кодекса РФ [1] (далее – БК РФ) с изначальной его редакции. Инвестиции в уставные капиталы юридических лиц были закреплены в ст. 69 БК РФ в качестве формы расходов бюджетов. В свою очередь, ст. 80 БК РФ закрепляла порядок предоставления таких «бюджетных инвестиций». Однако ни в названии ст. 80 БК РФ, ни в ее содержании получающие их юридические лица напрямую указаны не были. Только системный анализ положений указанной статьи в контексте действовавшего гражданского законодательства, позволяет заключить, что таковыми выступали коммандитные товарищества и хозяйственные общества.

Следует заметить, что такой подход, при котором определить круг юридических лиц, которым могут предоставляться бюджетные инвестиции, непосредственно на основании положений БК РФ невозможно, сохранился и до настоящего времени. В ст. 80 БК РФ содержится лишь косвенное указание на организационно-правовые формы юридических лиц через упоминание такого их признака, как формирование уставного или складочного капитала.

Выбор изложенного варианта законодательного регулирования трудно назвать оптимальным. Например, появившиеся в российском законодательстве с 1 июля 2012 г. хозяйственные партнерства представляют собой коммерческие юридические лица, у которых формируется складочный капитал (ст. 10 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» [2]). Логична постановка вопроса о том, допускается ли предоставление бюджетных инвестиций таким юридическим лицам, если по своему изначальному замыслу ст. 80 БК РФ могла применяться только в отношении хозяйственных товариществ (коммандитных) и обществ?

Усложняет поиск ответа на данный вопрос и отсутствие каких-либо однозначных положений гражданского законодательства относительно возможности участия публично-правовых образований в хозяйственных партнерствах. В научной литературе можно встретить разные мнения. Одни авторы полагают, что такое участие на основании системного толкования правовых норм является возможным [3, с. 54], другие утверждают противоположное [4, с. 92].

Более того, в современных научных работах, посвященных комплексному рассмотрению ст. 80 БК РФ, в числе юридических лиц, которые потенциально могут получать анализируемые инвестиции, не упоминаются хозяйственные партнерства [5, с. 86].

При отсутствии однозначного правового регулирования остается только рассчитывать на выработку единой правоприменительной практики, в частности судебной. Однако даже условная перспектива формирования единообразной правоприменительной практики не исключает необходимость усовершенствования правового регулирования.

По сравнению с изложенной выше правовой неопределенностью видятся не такими критичными спорные положения ст. 80 БК РФ в части регламентации правовых последствий предоставления бюджетных инвестиций: закрепление в качестве таковых возникновения права собственности публично-правового образования на часть капиталов юридических лиц. Вместе с тем критика рассматриваемых положений бюджетного законодательства, развернувшаяся в научной литературе, является обоснованной и заслуживающей поддержки [6; 7, с. 143; 5, с. 85].

Следует заметить, что указанные выше недостатки правового регулирования предоставления бюджетных инвестиций представляют собой лишь отдельные примеры таковых и ни в коем случае не претендуют на исчерпывающий перечень.

Говоря о недостатках законодательного регулирования предоставления бюджетных инвестиций, важно акцентировать внимание на том, что в положениях ст. 80 БК РФ находит свое яркое воплощение принцип самостоятельности бюджетов: порядок принятия решений о предоставлении бюджетных инвестиций и требования к опосредующим такое предоставление договорам устанавливаются каждым публично-правовым образованием самостоятельно. Исходя из содержания ст. 80 БК РФ, правила предоставления рассматриваемых бюджетных инвестиций должны закрепляться в подзаконных нормативных правовых актах различного уровня – федерального, регионального и муниципального.

В силу указанной выше самостоятельности в правовом регулировании особое значение приобретают единые основы осуществления анализируемой формы расходов бюджетов, закрепленные на федеральном уровне. Такие основы должны однозначно определять направления и пределы допустимого подзаконного правового регулирования на различных уровнях. Однако в настоящее время проблемы в выявлении содержания данных основ возникают даже на этапе определения допустимых участников отношений, регулируемых статьей 80 БК РФ.

Таким образом, финансово-правовое регулирование предоставления бюджетных инвестиций юридическим лицам нуждается в дальнейшем усовершенствовании.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. О хозяйственных партнерствах : федер. закон от 3 дек. 2011 г. № 380-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7058.
3. Лебедев К. К., Русаков В. И. Вопросы правового обеспечения государственно-частного партнерства // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 3. С. 50–61.
4. Сахарова Ю. В. Особенности хозяйственных партнерств и их место в системе коммерческих корпоративных юридических лиц // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3(69). С. 89–97.
5. Мартышкин С. В., Рязанова В. В. Гражданско-правовой анализ отдельных нормативных положений о бюджетных инвестициях хозяйственным товариществам и обществам // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 1. С. 84–91.
6. Кондратенко З. К., Кондратенко И. Б. Участие муниципального образования в хозяйственных обществах: проблемы теории и правоприменительной практики // Марийский юридический вестник. 2019. № 4(31). С. 28–33.
7. Суханов Е. А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22, № 1. С. 136–166.

Financial Law Regulation of the Provision of Budget Investments to Business Partnerships and Companies

© N. V. Medvedeva, 2024

Abstract. The article studies a number of problems of financial law regulation of one of the existing forms of budget expenditures, allowing to provide budget investments to such commercial legal entities, which form the authorized (share) capital. The author analyzes the permissible list of organizational legal forms of legal entities, falling under the possibility of providing these budget investments, in the aspect of the dynamics of modern legislation.

Keywords: budget investments, budget expenditures, form of budget expenditures, authorized capital, share capital.

Медведева Надежда Владиславовна – старший преподаватель, кафедра предпринимательского и финансового права, Институт государственного права и национальной безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: 008022@bgu.ru

Medvedeva Nadezhda Vladislavovna – Senior Lecture, Department of Entrepreneurial and Finance Law, Institute of State Law and National Security, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: 008022@bgu.ru

Оценка доказательств по делам об административных правонарушениях

© И. Н. Серебренников, 2024

Аннотация. Рассматривается понятие и значение оценки доказательств, преюдиции. Анализируются преюдициальные факты в производстве по делам об административных правонарушениях и процессуальных отраслях российского права.

Ключевые слова: административное право; доказательства; оценка доказательств; преюдиция.

Существуют три объекта обеспечения безопасности: человек, общество, государство, которые, в свою очередь, определяют соответствующие виды безопасности: личную, общественную и государственную. Термин «общественный» означает объект, в отношении которого реализуются меры по обеспечению защиты от различного рода угроз и опасностей. В целом под общественной безопасностью следует понимать совокупность общественных отношений, реализуемых уполномоченными на то органами и должностными лицами и обеспечивающих защиту общества, его жизненно важных интересов от различного рода опасностей и угроз [1, с. 32]. Общественная безопасность – это процесс трудоемкой, повседневной, кропотливой деятельности специалистов соответствующих правоохранительных органов.

Иными словами, общественная безопасность – это относительно стабильные внутренние отношения элементов, присущих безопасности. Суть общественной безопасности заключается в ее практическом содержании, под которым понимается система элементов, характеризующихся материальным, волевым и юридическим содержанием.

Ввиду того что определенные общественные отношения находятся в упорядоченном состоянии, нет выбивающихся из общего строя общественных отношений, нет нарушенных общественных отношений, лицо, группа лиц или все общество чувствуют себя в состоянии безопасности. В случае если подобная идиллия нарушается, то общественный порядок переходит в определенное негативное состояние, общественная безопасность не может определяться на высоком уровне. Таким образом, с данной точки зрения, общественный порядок является неотъемлемой частью общественной безопасности, обуславливающей и детерминирующей ее.

Вопрос определения форм и механизмов деятельности сотрудников полиции – это важный вопрос, поскольку необходимо применять только эффективные меры. По сути, определив формы данной деятельности, выявив механизм их реализации, можно будет с уверенностью говорить о сущности самого указанного направления деятельности, его

фактическом наполнении, о том, каким, собственно говоря, образом полиция обеспечивает охрану общественного порядка и общественную безопасность, нивелирует основные для нее угрозы.

Исследованием тематики административных правонарушений занимались выдающиеся научные деятельности в области административного права: А. П. Солдатов [2, с. 29], Ю. Н. Калюжный [3, с. 12–13] и другие видные деятели науки. Представители научного общества выделяли признаки, которые отграничивают административные правонарушения от иного вида противоправных деяний. К данным признакам относятся: противоправность, виновность, наказуемость.

Иными словами, для признания противоправного деяния административным правонарушением необходимы: наличие противоправного действия или бездействия; предусмотренные нормами федерального законодательства или законодательства субъекта Российской Федерации правила поведения; наличие у субъекта права правоспособности, дееспособности и деликтоспособности.

Государство в целом и органы внутренних дел Российской Федерации (полиция) осуществляют в соответствии с законодательством Российской Федерации охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в целях нормального функционирования общества.

Помимо оказания помощи государственным органам в решении проблем безопасности, полиция имеет свои собственные полномочия в области общественной безопасности как неотъемлемая часть всей системы безопасности. Одно из таких полномочий – это производство по делам об административных правонарушениях. В целях воздействия на правонарушителя, совершившего правонарушение, сотрудники полиции имеют право применять меры административного принуждения.

Административное принуждение – это метод государственно-правового воздействия на сознание и поведение, заключающийся в установлении и применении отрицательных для субъекта последствий морального, организационного, материального или физического характера в целях обеспечения неприкосновенности охраняемых общественных отношений, предупреждения, пресечения правонарушений и перевоспитания правонарушителей.

Деятельность сотрудников полиции является многоаспектной, в связи с чем подготовка к осуществлению сотрудниками полиции своих обязанностей должна быть очень серьезной. В целях применения мер административного принуждения необходимо правильно собрать, исследовать и оценить доказательства в деле об административном правонарушении. Понятия «доказательства» и «процесс доказывания» неразрывно связаны между собой. Доказательства являются важнейшим источником и позволяют установить истину, привлечь субъекта права к юридической ответственности.

Часть 1 ст. 26.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержит перечень того, что признается доказательством по делу об административном правонарушении. Стоит отметить, что данный перечень является открытым, поскольку в законе закреплено, что также доказательствами являются «иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела» [4]. Несомненно, судьи, органы, должностные лица, которые уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях должны принять любые виды доказательств и рассмотреть их. Деятельность по рассмотрению доказательств в законе получила свое закрепление в ст. 26.11 КоАП РФ – оценка доказательств.

В вышеуказанной статье закреплено, что оценка доказательств осуществляется по внутреннему убеждению, которое основано на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Необходимо также отметить, что никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу.

Оценка доказательств – это завершающая стадия процесса доказывания, итогом которой становится вывод. Необходимо отметить, что деление процесса доказывания на составляющие части является весьма условным, поскольку в действительности данные части неразрывно связаны между собой [5, с. 7]. В связи с этим полагаем, что оценка доказательств проводится с начала осуществления процесса доказывания и до его завершения, а оценке подлежит абсолютно любое доказательство.

Как уже было указано выше, ст. 26.11 КоАП РФ закрепляет, что никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу. В связи с этим необходимо провести сравнительный анализ и выяснить, необходимо ли изменить содержание ст. 26.11 КоАП РФ. Необходимо понимать, что заранее установленную силу в процессе доказывания имеют факты, которые не оспариваются, которые принимаются именно судом как доказательство, не требующее опровержения. Иными словами, данные обстоятельства принимаются как основания освобождения от доказывания, т. е. по своему содержанию, преюдиция. Преюдиция, в самом общем виде, это обязанность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки доказательств факты, которые ранее установлены вступившим в законную силу судебным решением по другому делу, в котором участвуют те же лица [6, с. 143]. Преюдиция достаточно давно известна ученым-правоведом, а содержание данной конструкции находит свое отражение в некоторых других процессуальных отраслях права.

Таким образом, во многих процессуальных отраслях права конструкция преюдиции – основания освобождения от доказывания – нашла свое отражение, однако в КоАП РФ прямого закрепления преюдиция не получила. В рамках ст. 26.2 КоАП РФ закреплено, что доказательствами являются «иные обстоятельства». Таким образом, возмож-

но проследить две противоречащие нормы, поскольку ст. 26.2 КоАП РФ позволяет предоставлять любые данные (в том числе, те, которые ранее были установлены другим судом), однако ст. 26.11 КоАП РФ закрепляет, что преюдиция недопустима.

Таким образом, оценка доказательств позволяет, во-первых, защитить права и свободы человека и гражданина, поскольку не допускает привлечение лица к административной ответственности и т. д., во-вторых, после проведения оценки доказательств привлечь физическое или юридическое лицо к административной ответственности. Иными словами, оценка доказательств позволяет выполнить задачи производства по делам об административных правонарушениях, закрепленных в ст. 24.1 КоАП РФ. В рамках оценки доказательств как условной части процесса доказывания законодателю необходимо рассмотреть вопрос о преюдициальности фактов, поскольку положительные моменты преюдиции выявлены в процессе применения данного правового явления в процессуальных отраслях российского права. Поскольку право обладает признаком динамичности, то закон обязан реагировать на изменения в обществе и отвечать соответствующим требованиям.

Литература

1. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : учебник / В. А. Милехин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.]. М. : Акад. управления МВД России, 2023. 360 с.
2. Солдатов А. П., Горб С. В. Административная ответственность в России: история, современность, перспективы. М. : КноРус, 2019. 196 с.
3. Павлова Е. В., Калужный Ю. Н. Виды административных правонарушений. Характеристика правонарушений в области дорожного движения : учеб. пособие. Орел : ОрЮИ МВД России, 2011. 55 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.10.2024).
5. Дудаев А. Б. Завершающая стадия доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 2. С. 7–10.
6. Муслимова Д. Г. К вопросу о понятии преюдиций в гражданском судопроизводстве // Закон и право. 2023. № 9. С. 143–146.

Evaluation of Evidence in Cases of Administrative Offenses

© I. N. Serebrennikov, 2024

Abstract. The article examines the concept and meaning of evidence assessment, prejudice. An analysis of prejudice facts in proceedings on administrative offenses and procedural branches of Russian law is conducted.

Keywords: administrative law; evidence; evaluation of evidence; prejudice.

Серебренников Иван Николаевич – адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России, г. Москва, e-mail: vania.serebrennikoff@yandex.ru

Serebrennikov Ivan Nikolaevich – Adjunct of the 3rd Faculty (Training of Scientific and Scientific-pedagogical Personnel) of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, e-mail: vania.serebrennikoff@yandex.ru

Правовой режим информации ограниченного доступа: проблемы правового регулирования

© А. А. Слепнёв, 2024

Аннотация. Анализируется законодательство в сфере информационного права, касающееся регламентации понятия «информация с ограниченным доступом», а также законодательство в части установления специальных режимов в отношении информации с ограниченным доступом. Выделены проблемы регламентации в законодательстве понятия «информации с ограниченным доступом», предложены некоторые пути их решения. В исследовании применены общенаучные методы анализа, дедукции и обобщения.

Ключевые слова: правовой режим, правовое регулирование, информация ограниченного доступа, информационное законодательство, информационное право.

Правовой режим информации ограниченного доступа представляет собой одну из наиболее сложных и многоуровневых проблем современного административно-правового регулирования в российском законодательстве. Это обусловлено необходимостью обеспечить баланс между открытостью данных для общества и защитой информации, которая в случае ее необоснованного раскрытия может нанести ущерб государственным или корпоративным интересам, а также правам и свободам граждан.

В силу чрезвычайной комплексности современной отрасли информационного права, а также постоянно развивающегося научно-технического прогресса невозможно четко и окончательно установить критерии, которыми должна обладать информация, для отнесения ее к информации с ограниченным доступом, неоднократно уже в исследованиях, касающихся развития информационного права звучали предложения о необходимости принятия информационного кодекса РФ [1].

В законодательстве Российской Федерации отсутствует определение термина «информация ограниченного доступа». Однако, анализируя существующие источники, можно сделать вывод, что к информации ограниченного доступа относятся предусмотренные законом категории данных, доступ к которым ограничивается для защиты законных интересов государства, организаций или частных лиц, включающую в себя информацию, отнесенную к государственной и коммерческой тайне, персональные данные, а также другие сведения, для доступа к которым установлены законодательные ограничения. Эти меры направлены на обеспечение безопасности, защиту прав и свобод граждан, сохранение конфиденциальности и предотвращение неправомерного использования информации.

Согласно п. «и» ст. 71 Конституции РФ [2] вопросы информационного законодательства относятся к исключительному ведению РФ. Вместе с этим в п. 2 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] установлен принцип ограничения доступа к информации только федеральными законами, т. е. федеральный законодатель оставляет за собой право выбирать к какой информации ограничивать доступ, однако четких законодательных критериев и процедур в законодательстве Российской Федерации нет.

Также говоря об информации ограниченного доступа, следует отметить, что в настоящее время действует Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» [4], который устанавливает перечень информации, относимой к конфиденциальной, в отсутствие иных более унифицированных и подробных актов, полагаем, что для анализа законодательных терминов, следует руководствоваться указанным документом, тем более, что чаще всего законодательство Российской Федерации оперирует термином «конфиденциальная информация», а не «информация ограниченного доступа». Думается, что указанный подход законодателя вызван среди прочего и неурегулированностью вопроса в части информации ограниченного доступа.

Исходя из анализа российского законодательства, допустимо выделить следующие виды режимов информации ограниченного доступа в Российской Федерации:

Государственная тайна – информация, признанная государственной тайной, включает данные, защищаемые в интересах национальной безопасности страны. Ключевым критерием для отнесения информации к государственной тайне является возможность нанесения ущерба безопасности Российской Федерации в случае ее утечки или разглашения. Закон РФ «О государственной тайне» [6] содержит как список данных, относимых к государственной тайне, так и перечень информации, которую не допустимо признавать государственной тайной.

Коммерческая тайна – информация охватывающая данные, которые имеют коммерческую ценность для организаций и отвечают признаку действительной или потенциальной коммерческой ценности в силу неизвестности этих сведений третьим лицам. Это могут быть производственные секреты, внутренние исследования и разработки, клиентские базы, стратегии маркетинга и другие конфиденциальные данные организаций.

Персональные данные – информация, которая связана с идентифицированными или идентифицируемыми физическими лицами. Сюда входят такие данные, как имя, адрес, телефонный номер, адрес элек-

тронной почты, идентификационные номера (например, паспортные) и другая информация, позволяющая установить личность человека.

Сведения, связанные с профессиональной деятельностью (профессиональные тайны) – информация доступ, к которой закрыт из-за соблюдения лицом обязательств конфиденциальности профессии. К таким данным относятся: секреты адвокатуры, медицинские секреты, секреты нотариуса и прочие охраняемые сведения.

Служебная тайна – исходя из понятия, данного в Указе Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 служебную тайну составляют «служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами». В законодательстве РФ отсутствуют критерии, на основании которых допустимо отнести информацию к служебной тайне, процедуру отнесения информации к служебной тайне.

Всего на сегодняшний день исследователи насчитывают порядка 40 видов режимов информации ограниченного доступа [5].

Проблематику вопроса в части административно-правового регулирования информации ограниченного распространения в государственных органах и органах местного самоуправления в РФ можно выделить в следующих аспектах:

1. Неясность термина «информация с ограниченным доступом». В существующем законодательстве России, включая ФЗ «О государственной тайне» и другие нормативные акты, нет четкого определения данного термина. Это создает правовую неопределенность и затрудняет работу государственных органов. Например, в ст. 5 ФЗ «О государственной тайне» указаны категории информации, которые могут быть отнесены к государственной тайне, но аналогичные подходы для информации ограниченного распространения не разработаны.

2. Отсутствие единой методологии классификации информации. Разные государственные органы применяют различные критерии и процедуры для классификации информации как ограниченной. Это приводит к правовым неясностям и может стать основанием для злоупотребления полномочиями государственными органами и должностными лицами.

3. Неопределенность в вопросе отнесения информации к информации ограниченного доступа порождает трудности в осуществлении доступа к информации для граждан РФ, с учетом ст. 29 Конституции РФ граждане имеют право на информацию, и это право должно обеспечиваться, несмотря на наличие информации ограниченного распространения. Однако в некоторых случаях доступ к такому роду информации оборачивается сложностями.

Для решения обозначенных проблем в области административно-правового регулирования информации ограниченного доступа в государственных органах и органах местного самоуправления в РФ можно предложить следующие пути решения:

Во-первых, необходимо разработать и законодательно закрепить четкое определение термина «информация ограниченного распространения». Это позволит устранить существующие правовые неопределенности и обеспечить единообразие в интерпретации и применении норм. Для этого можно создать рабочую группу из представителей различных государственных органов, экспертов в области права и информационной безопасности, которая будет заниматься выработкой предложений для внесения изменений в законодательство.

Во-вторых, важно разработать единую методологию классификации информации, что поможет устранить разночтения и исключить возможность злоупотреблений полномочиями. Это может быть достигнуто путем введения обязательных стандартов и критериев для всей системы государственной администрации и органов местного самоуправления. Обучение и повышение квалификации сотрудников, работающих с такой информацией, также представляется необходимым шагом для обеспечения должного уровня компетентности в этом вопросе.

В-третьих, необходимо усовершенствовать механизмы обеспечения доступа граждан к информации и защиты их прав. Для этого можно рассмотреть возможность внедрения специальных процедур, упрощающих обжалование решений государственных органов об ограничении доступа к информации. Создание специализированных инстанций или служб, уполномоченных рассматривать такие жалобы, а также разработка четких регламентов для обращения граждан, помогут сделать процесс более прозрачным и доступным. Это будет способствовать укреплению доверия граждан к государственным институтам и соблюдению конституционного права на информацию.

Указанные меры помогут повысить правовую определенность, снизить число злоупотреблений полномочиями, укрепить защиту прав граждан на доступ к информации и сделать существующие процедуры более эффективными и прозрачными.

Литература

1. Чагин И. Б., Шабаетова О. А., Право на защиту от негативного информационного воздействия в сети интернет: теоретико-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2. С. 17–22.
2. Конституция Российской Федерации от 25 дек. 1993 // Рос. газ. 1993. № 237.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Рос. газ. 2006. № 165.

4. Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера : Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 // Рос. газ. 1997. № 10.
5. Лопатин В. Н. Защита права на тайну в России : учеб. пособие. СПб., 2000. 139 с.
6. О государственной тайне : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Рос. газ. 1993. № 189.

Legal Regime of Restricted Access Information: Problems of Legal Regulation

© А. А. Слепнев, 2024

Abstract. The article analyzes the legislation in the field of information law, concerning the regulation of the concept of “information with limited access”. The legislation is briefly analyzed in terms of establishing special regimes in relation to information with limited access. The author highlights the problems of regulating the concept of “information with limited access” in legislation, and suggests some ways to solve this problem. General scientific methods of analysis, deduction and generalization were used in the study.

Keywords: legal regime, legal regulation, information with limited access, information legislation, information law.

Слепнёв Антон Андреевич – преподаватель, кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университета, г. Иркутск, e-mail:derk5@mail.ru

Slepnev Anton Andreevich – Lecture, Department of Administrative and Financial Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail:derk5@mail.ru

**К вопросу о применении Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях
в контексте государственной политики по снижению
административной нагрузки на бизнес**

© И. Б. Чагин, 2024

Аннотация. Отмечается, что государство принимает меры по либерализации механизмов государственного и муниципального контроля, что находит отражение в новых законах и поправках. Эти изменения направлены на уменьшение административной нагрузки на бизнес, введение возможности уплаты штрафов в половинном размере, а также установление специальных процедур для возбуждения дел об административных правонарушениях. Анализируются проблемы правоприменительной практики, возникающие вследствие изменений в подходе государства к вопросам административной ответственности субъектов предпринимательской деятельности. Основное внимание уделяется двум ключевым аспектам: неоднозначности толкования норм КоАП и влиянию этой неопределенности на развитие предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: возбуждение дела об административном правонарушении, контрольные мероприятия, толкование норм административного законодательства.

Тема привлечения к административной ответственности по результатам государственного контроля имеет широкий спектр проблем, взаимосвязанных как с правовыми, так и с социально-экономическими процессами в обществе. Государственный контроль, являясь важным элементом регулирования общественных отношений, направлен на обеспечение соблюдения законодательства, защиту прав и интересов граждан, а также обеспечение общественного порядка и безопасности. Однако в процессе применения мер административного принуждения нередко возникают определенные проблемы, требующие внимательного анализа.

Одним из центральных вопросов является вопрос соблюдения баланса между правами субъектов контроля и ценностями, на защиту которых направлен государственный контроль. Избыточная строгость в применении административных мер может привести не только к несправедливым санкциям, но и к развитию негативного отношения общества к институту государственного контроля в целом. Особенно актуальным становится этот вопрос в условиях усиления административного давления на субъектов предпринимательской деятельности, что как следствие может негативно сказываться на развитии экономики.

Кроме того, актуальной проблемой остается и однородность применения административных мер воздействия. Нередко хозяйствующие субъекты сталкиваются с практикой, когда одно и то же деяние может караться различными мерами. Такое разнообразие подходов снижает доверие к системе государственного контроля и вызывает необходимость в разработке более четких стандартов и критериев.

Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» ввел новые правила правового регулирования и разделил контрольные мероприятия на два типа: мероприятия с взаимодействием с контролируемыми лицами и мероприятия без такого взаимодействия (например, наблюдение и выездное обследование) [1]. В целях защиты прав контролируемых лиц в Кодексе РФ об административных правонарушениях дополнительно были установлены нормы, регулирующие особый порядок возбуждения дел в отношении контролируемых лиц (ч. 3.13.6. ст. 28. 1 КоАП РФ) [2].

Согласно ч. 3.1 и ч. 3.2 ст. 28.1 КоАП РФ, дело об административном правонарушении, касающееся несоблюдения обязательных требований, нельзя возбуждать без проведения проверки и составления акта с участием контролируемого лица, за исключением отдельных случаев.

В настоящее время в правоприменительной практике существуют две противоположные точки зрения на интерпретацию данной нормы. Арбитражные суды некоторых округов, такие как Волго-Вятский, Дальневосточный и Уральский, опираясь на правовую позицию Конституционного Суда РФ, высказанную в постановлении от 30 марта 2021 г. № 9-П [3], считают, что проведение контрольных мероприятий не влияет на процесс рассмотрения обращений, предусмотренный КоАП РФ [4–6]. Соответственно, должностное лицо обязано вынести решение о возбуждении либо отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, а ограничения на возбуждение таких дел не исключают использование процессуальных механизмов сбора доказательств, включая административное расследование.

Суды других округов, среди них Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский, занимают противоположную точку зрения [7]. По их мнению, дело об административном правонарушении за нарушение обязательных требований, проверка которых требует контроля, не может быть возбуждено до проведения соответствующего контрольного мероприятия и составления акта с участием проверяемого лица. Статья 28.1 КоАП РФ и иные положения Кодекса не позволяют игнорировать ч. 3.1 этой статьи при рассмотрении вопроса о возбуждении дел об административных правонарушениях, включая обращения граждан. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России также поддерживает эту позицию в своем письме от 17 июня 2024 г. № МШ/52068/24 [8].

При этом суды этих округов определяют иные пределы применения ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ:

1. Часть 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ неприменима, если нет объективной необходимости проводить контрольно-надзорные мероприятия. Некоторые нормы КоАП предусматривают возбуждение дела об адми-

нистративном правонарушении на основании обращения в соответствующий орган государственной власти, уполномоченный рассматривать такие дела, и это не требует проведения контрольных (надзорных) мероприятий, предусмотренных законом № 248-ФЗ. К таким нормам, например, относится ст. 14.61 КоАП.

2. На лиц, не осуществляющих государственный или муниципальный контроль, но обладающих полномочиями по возбуждению дел об административных правонарушениях, не распространяются положения ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП.

Необходимо рассмотреть и возможность использования аналогичной практики при возбуждении дел об административных правонарушениях прокурором. Пункт 7 ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» устанавливает, что деятельность органов прокуратуры по прокурорскому надзору не охватывается понятием государственного или муниципального контроля, которое определяется данным законом. Между тем в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 39-П содержится мнение, согласно которому ограничительное толкование ч. 1.3–3 ст. 32.2 КоАП РФ в судебных делах, связанных с нарушениями, выявленными в ходе прокурорского надзора, приводит к неравному положению субъектов предпринимательской деятельности, привлекаемых к административной ответственности за однотипные правонарушения, если они обнаружены в рамках выполнения различных форм государственного контроля [9]. Однако такое ограничительное истолкование явно противоречит изначальной цели законодательного введения возможности уплаты административного штрафа в половинном размере, обозначенной в пояснительной записке к законопроекту, который позже был принят в виде Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 290-ФЗ. Эта цель заключалась в смягчении административной ответственности для бизнеса и снижении общей административной нагрузки на него.

Анализируя позицию Конституционного Суда РФ и практику отдельных окружных арбитражных судов, можно сделать вывод, что независимо от того, попадает ли конкретный вид государственного или муниципального контроля под действие Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» или Федерального закона «Об обязательных требованиях», субъект предпринимательской деятельности при решении вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении не должен оказываться в дискриминационном положении. В свете этого подходы окружных судов,

устанавливающих границы применения КоАП РФ в зависимости от того, регулируется ли определенный вид контроля Федеральным законом № 248, противоречат позиции Конституционного Суда РФ.

Проблемы интерпретации норм административного законодательства, проиллюстрированные примерами из КоАП РФ и федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле», усугубляются рядом объективных факторов:

- неоднозначность и неточность формулировок норм административного законодательства;
- частые изменения административного законодательства, вызывающие сложности у правоприменителей и вынуждающие их постоянно адаптироваться к новым правилам;
- отсутствие достаточной подзаконной нормативной базы, оставляющее пробелы в регулировании конкретных ситуаций и позволяющее различным толкованиям норм административного права;
- коллизии между нормами административного права;
- социально-экономические изменения, влияющие на восприятие норм административного кодекса и усложняющие их адаптацию к современным условиям.

Эти факторы в совокупности создают сложные условия для правоприменения, делая проблему толкования норм административного права особенно острой и важной, особенно в контексте снижения административной нагрузки на бизнес.

Литература

1. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле : федер. закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
3. По делу о проверке конституционности части 5 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. С. Яковенко : постановление Конституционного Суда РФ от 30 марта 2021 г. № 9-П // Гарант : справочная правовая система.
4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23 июля 2024 года по делу № А43-37235/2023 // Гарант : справочная правовая система.
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 июля 2024 года по делу № А73-20273/2023 // Гарант : справочная правовая система.
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 августа 2024 года по делу № А07-301131/2023 // Гарант : справочная правовая система.
7. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24 января 2024 г. по делу № А78-8297/2023 // Гарант : справочная правовая система.
8. О направлении разъяснений по вопросу применения отдельных положений КоАП : письмо ФАС России от 17.06.2024 № МШ/52068/24 // Гарант : справочная правовая система.
9. По делу о проверке конституционности положения части 1.3–3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «НТСИ Телеком» : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2024 года № 39-П // Гарант : справочная правовая система.

**On the Issue of Application of the Code of the Russian Federation
on Administrative Offenses in the Context of State Policy to Reduce
the Administrative Burden on Business**

© I. B. Chagin, 2024

Abstract. It is noted that the state is taking measures to liberalize the mechanisms of state and municipal control, which is reflected in new laws and amendments. These changes are aimed at reducing the administrative burden on businesses, introducing the possibility of paying fines at half the amount, and establishing special procedures for initiating cases of administrative offenses. The problems of law enforcement practice arising from changes in the state's approach to issues of administrative liability of business entities are analyzed. The main attention is paid to two key aspects: the ambiguity of the interpretation of the norms of the Code of Administrative Offenses and the impact of this uncertainty on the development of entrepreneurial activity.

Keywords: initiation of administrative offense proceedings, control measures, interpretation of administrative law norms.

Чагин Иван Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, ORCID: 0000-0002-9055-9654, RSCI AuthorID: 916844, e-mail: vanyachagin@yandex.ru

Chagin Ivan Borisovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, ORCID: 0000-0002-9055-9654, RSCI AuthorID: 916844, e-mail: vanyachagin@yandex.ru

К вопросу о правовой природе оценочных категорий

© А. В. Шевченко, 2024

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы оценочных категорий и проблеме их отграничения от иных, схожих по значению, дефиниций. На основе проведенного анализа сделаны выводы о том, что именно формулировка «оценочная категория» наиболее точно отражает саму сущность не конкретизированных в достаточной степени понятий. Кроме того, представлено авторское определение оценочных категорий.

Ключевые слова: оценочные категории, правовая природа, оценочные понятия, оценочный термин, оценочный признак.

Оценочные категории в праве на протяжении всего своего существования представляли огромный интерес для юридической науки, поскольку они являются объективно значимым инструментом регулирования всего многообразия вновь возникающих общественных отношений в условиях постоянно изменяющейся общественно-политической и экономической конъюнктуры.

Отправной точкой исследования всех форм и явлений, возникающих в праве, считается изучение их правовой природы. Что же представляют собой оценочные категории?

Для начала обратимся к прародительнице всех наук – философии, которая позволит раскрыть смысл категории в принципе. По мнению советского философа Л. Ф. Ильичева, категория – это «предельно общее, фундаментальное понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [1, с. 732].

Определения категории в сфере права были даны учеными-правоведами А. А. Рудаковым и А. М. Васильевым. Как подчеркивает А. А. Рудаков, категория – это «развитая форма абстрактного мышления человека, предельно отражающая и обобщающая существенные свойства и связи явлений и процессов объективно существующей государственно-правовой организации общества в виде содержательных образов» [2, с. 113].

А. М. Васильев определяет категорию как «предельное по уровню обобщения фундаментальное абстрактное понятие теории правоведения» [3, с. 96].

Таким образом, определения, которые даны учеными-правоведами, в целом характеризуют категорию таким же образом, как и философия, лишь уточняя, что эти категории регулируют сферу права.

Рассмотрим представления ученых об оценочных категориях в сфере права. Как указывает ученый С. П. Богданович, «Дефиниция рассматриваемого понятия вызывает определенные споры, прежде все-

го, посвященные обозначению оценочных выражений в праве и его различных отраслях. В российской юридической науке, как близкие по значению, используются следующие словосочетания: «оценочный признак», «оценочный термин», «оценочная категория», «оценочное понятие», «ситуационное понятие», «оценочное предписание» [4, с. 68].

Такое обилие определений порождает правовую неопределенность. Обоснованно возникает вопрос, можно ли рассматривать оценочные категории в качестве терминов, оценочных понятий или признаков?

Оценочный признак – понятие, которое используется в доктрине уголовного права в разъяснениях Верховного Суда РФ при анализе состава преступления того или иного деяния. К примеру, оценочный признак «особая жестокость» достаточно подробно раскрыт в Постановлении Пленума Верховного Суда от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [5, с. 4]. Таким образом, использование указанного словосочетания ограничивается отраслью уголовного права и используется исключительно в формулировке «оценочный признак состава преступления». На это в том числе обращал внимание ученый-юрист Р. М. Нигматдинов [6, с. 145]. Таким образом, оценочный признак можно определить как частный вид оценочной категории, которая используется и в других отраслях права.

Ученый С. С. Безруков полагает возможным рассматривать оценочные категории как «оценочный термин» [7, с. 182]. Он отмечает: «Юридический термин может быть многозначным, следовательно, оценочные предписания права могут устанавливаться как при помощи понятий, так и при помощи терминов. При конструировании нормативных правовых актов законодатель в большинстве случаев использует именно термины (в том числе и оценочные), что позволяет достигать краткости изложения».

Диаметрально противоположную позицию занимает Т. В. Кашанина, которая под термином понимает «точное обозначение, исключаящее двусмысленное понимание, которое по своей природе противоречит самой сущности оценочной категории» [8, с. 34].

Оценочные термины используются как синонимы оценочных категорий, однако точка зрения Т. В. Кашаниной кажется нам более верной, поскольку термин наделен определенным значением, в оценочных же категориях все относительно и зависит от правоприменителя, который осуществляет толкование оценочной категории в том или ином случае.

Определений ситуационного понятия и оценочного предписания в доктрине не представлено. С. П. Богданович не раскрывает, что понимается под данными словосочетаниями. Можно лишь предполагать, что они из себя представляют. Предписание в праве, как правило, требует выполнить определенные действия. Вместе с тем оценочные кате-

гории могут их содержать. Таким образом, это также частный случай оценочных категорий.

Стоит отметить, что в доктрине присутствуют разные мнения на предмет тождественности определений оценочного понятия и оценочной категории.

Так, дефиницию «оценочная категория» некоторые ученые, в частности В. В. Питецкий, считают тождественной дефиниции «оценочное понятие» [9, с. 69]. Однако, по мнению А. А. Рудакова, оценочное понятие является формой оценочной категории. Ученая К. А. Белоусова утверждает, что оценочная категория – это частный случай научного понятия [10, с. 61].

В доктрине существует немалое количество трактовок оценочного понятия.

Ученый В. В. Питецкий рассматривает оценочные понятия как «понятия, содержание которых непосредственно раскрывается в процессе применения правовых норм в пределах зафиксированной законом общности путем оценки обстоятельств конкретного случая на основе правосознания субъекта, применяющего закон».

Ученый О. Е. Фетисов относит оценочные понятия к правовому институту и предлагает следующее определение: «санкционированное нормой права либо возникающее в процессе правоотношений между субъектами общественное (всегда социально-значимое) явление, имеющее целью наиболее общим способом характеризовать наиболее общие свойства разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, умышленно не конкретизированное законодателем» [11, с. 102].

Как мы видим, оценочное понятие рассматривается как предписание и правовой институт. Проанализировав указанные трактовки, можно выделить основные признаки оценочных понятий, которые прямо или косвенно отражены в определениях: абстрактность; открытое не конкретизированное содержание, позволяющее осуществлять их применение в тех или иных случаях индивидуально; зависимость содержания от уровня правосознания субъекта правоприменения.

Такие же признаки выделяют и у оценочных категорий: относительная определенность, отсутствие детализации, зависимость конкретизации от правосознания правоприменителя, отсутствие самостоятельного характера.

Как можно заметить, признаки оценочных категорий коррелируются с признаками оценочных понятий, что, по идее, должно подтверждать позицию ученого Питецкого.

Ученый А. А. Рудаков полагает, что оценочная категория – понятие более широкое, чем оценочное понятие. Его позиция строится на

основании принципа формальной логики. Понятие – это обозначение объекта или субъекта, характеризующее только его, принадлежащие только ему свойства, отличающие его от подобных ему понятий. Категория – это форма, объединяющая понятия по какому-либо собирательному признаку.

Коллектив авторов в лице ученых К. А. Белоусовой, Г. С. Беляевой, М. А. Умаровой подчеркивает, что оценочная категория – это форма оценочного понятия. В обоснование этого положен философский подход. Категория – это предельное по уровню обобщения, фундаментальное, абстрактное понятие в правоведении. Понятие – логически оформленная мысль о событии, явлении, предмете. В противовес понятию, в категории нет какой-либо логической связи между конкретными обстоятельствами дела и самой нормой права. В рамках оценочной категории законодатель устанавливает определенные возможные пределы, для того чтобы правоприменитель использовал ее в рамках собственного усмотрения, в соответствии с нормами действующего законодательства.

Стоит отметить, что на практике разграничить оценочные категории и оценочные понятия крайне затруднительно. В доктрине об этом ничего не сказано. Логический и философский подход не позволяют отдельно обозначить примеры оценочных понятий и оценочных категорий. Однако, по нашему мнению, использование формулировки оценочная категория является более верным, чем использование формулировки оценочное понятие, что объясняется следующим.

Как было отмечено, понятие – логически оформленная мысль о событии, явлении, предмете. Категория – предельное абстрактное определение, в которой такая мысль и логические связи сами по себе отсутствуют.

Стоит заметить, что правоприменитель сам определяет конкретные обстоятельства дела и находит связь с подлежащей применению правовой нормой. Это происходит благодаря мышлению самого правоприменителя. Идея оценочных категорий заключается в том, что логически оформленная мысль будет сформулирована самим правоприменителем в установленных пределах правоприменения с целью охватить любые возможные возникающие кейсы.

Таким образом, именно формулировка «оценочная категория» наиболее точно отражает саму сущность не конкретизированных в достаточной степени понятий. Как мы видим, она охватывает все схожие определения.

В доктрине используется множество схожих с оценочными категориями понятий. Но, как мы выяснили, наиболее предпочтительным является использование конкретно этого словосочетания. В связи с тем, что определенность определений является важным признаком и со-

ставляющей правового регулирования, нами была предпринята попытка сформулировать собственное определение оценочных категорий.

Оценочные категории в сфере права мы представим как относительно-определенное, предельно общее юридическое понятие, намеренно детально не конкретизированное в правовых нормах, позволяющее оценить индивидуальные особенности неограниченного количества правоотношений, с учетом усмотрения правоприменителя в пределах, допускаемых правом.

Литература

1. Ильичев Л. Ф. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.
2. Рудаков А. А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. М., 2015. 215 с.
3. Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
4. Богданович С. П. Оценочные понятия в вещном и обязательственном праве : дис. ... канд. юрид. Краснодар, 2012. 222 с.
5. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) от 27 января 1999 г. № 1 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Нигматдинов Р. М. Проблемы правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве : дис. ... канд. юрид. Саратов, 2004. 176 с.
7. Безруков С. С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве : дис. ... канд. юрид. Омск, 2001. 220 с.
8. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 185 с.
9. Питецкий В. В. Применение оценочных признаков уголовного закона (сущность, функции, использование в законодательстве). Красноярск, 1996. 146 с.
10. Белоусова К. А. Понятие и сущность оценочных категорий в праве // Право и государство : теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 59–62.
11. Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 230 с.

On the Issue of the Legal Nature of Evaluation Categories

© A. V. Shevchenko, 2024

Abstract. The article is devoted to the study of the legal nature of evaluative categories and the problem of their delimitation from other definitions of similar meaning. Based on the analysis, it was concluded that it is the wording “evaluation category” that most accurately reflects the very essence of concepts that are not sufficiently specified. In addition, the article presents the author's definition of evaluation categories.

Keywords: evaluative categories, legal nature, evaluative concepts, evaluative term, evaluative sign.

Шевченко Андрей Владимирович – аспирант, кафедра предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: shevchenko.andrey.ang@mail.ru

Shevchenko Andrey Vladimirovich – graduate student, Department of Business and Financial Law, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: shevchenko.andrey.ang@mail.ru

СЕКЦИЯ
«ПОСТМОДЕРНИЗМ В УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.»

Отдельные вопросы квалификации деяний, предусмотренных главой 18 Уголовного кодекса Российской Федерации

© С. А. Аверинская, В. В. Загайнов, 2024

Аннотация. Рассматриваются вопросы квалификации деяний, предусмотренных гл. 18 УК РФ. Анализируются доктринальные и правоприменительные положения, вызывающие сложность и неоднозначность применения действующего закона. Обращается внимание на «пробелы» толкования высшим судебным органом отдельных положений пленума по делам о половой неприкосновенности и половой свободы личности. Исследуется состояние динамики преступлений по теме исследования за последние пять лет на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: анализ статистических показателей, половая неприкосновенность и половая свобода, вопросы квалификации.

В течение практически трех десятилетий действия Уголовного кодекса РФ можно отметить тенденцию системного изменения и усовершенствования норм и санкций деяний, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Так, на основании Федерального закона от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в новой редакции были изложены нормы ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ. В пояснительной записке к указанному законопроекту указано, что необходимость разработки и принятия законопроекта вызвана острой потребностью в повышении уровня безопасности детей в Российской Федерации, расширении уголовно-правовых гарантий их защиты от преступлений, связанных с нравственным растлением, сексуальным совращением и сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних [1].

Далее последовало принятие Федерального закона от 29 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, которым большинство санкций основных и квалифицированных деяний главы 18 УК РФ расширены таким видом уголовного наказания как ограничение свободы, дающего суду права назначения его как в качестве основного вида наказания, так и в качестве дополнительного. Также частично изменены санкции ст. 133, 134 УК РФ на основании ФЗ от 07.12.2011 № 420–ФЗ, в результате чего закреплён такой вид уголовного наказания, как принудительные работы.

В феврале 2012 г. на основании ФЗ № 14 законодатель опять усиливает охрану половой неприкосновенности несовершеннолетних и указывает, что невозможно назначить исполнение наказания условно либо предоставить отсрочку исполнения наказания лицу, совершившему посягательство на половую неприкосновенность лица, которому не исполнилось 14 лет. Также для этой категории лиц увеличен срок реального отбытия наказания для предоставления условно-досрочного

освобождения. В обязательном порядке должны быть учтены результаты судебно-психиатрической экспертизы субъекта преступления. Если же виновное лицо будет признано невменяемым или нуждающимся в лечении, то суд вправе назначить комплекс ПММХ, если будет выявлено расстройство сексуального предпочтения.

Кроме того, этим законом повышены санкции для лиц, ранее посягавших на половую неприкосновенность несовершеннолетних, и повторно совершивших аналогичное деяние в отношении потерпевших младше 14 лет в случае, если судимость виновного не снята и не погашена.

Далее, спустя практически десять лет, принимается Федеральный закон от 28.01.2022 № 3-ФЗ, который повышает возраст несовершеннолетнего потерпевшего с 14 до 18 лет, при совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера лицом имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. И с конца января 2022 г. потерпевшие от преступных посягательств, предусмотренных нормами 131 и 132 УК РФ, не достигшие совершеннолетия, повышено охраняются от преступных посягательств в рамках квалификации по ч. 5 указанных статей. Кроме того, законодательно закреплён особо квалифицирующий признак совершение деяния в отношении двух и более несовершеннолетних и сопряженность ст. 131 или 132 с иным тяжким или особо тяжким преступлением.

Официально зарегистрированные статистические показатели свидетельствуют от относительной стабильности совершения преступлений, предусмотренных гл. 18 УК РФ. В 2023 г. зарегистрировано в России 3995 деяний, предусмотренных ст. 131 УК РФ (АППГ –5,1 %), ст. 132 УК РФ – 10 871 (АППГ +1,8 %), ст. 133 УК РФ – 289 (АППГ +2,8 %), ст. 134 УК РФ – 5364 (АППГ –3,6 %), ст. 135 УК РФ – 3929 (АППГ +4,9 %) [2]. Более детализировано состояние динамики преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность, представлено в таблице, в которой за пятилетний отчетный период количественно учтены преступления, уголовные дела и материалы, которые находились в производстве на начало года и зарегистрированы в отчетном периоде.

При несомненном усовершенствовании норм 18 главы УК РФ остается ряд положений, нуждающихся в регулировании законодателем. Так, до настоящего времени не урегулирован вопрос о признании естественного сна потерпевшего лица беспомощным состоянием на законодательном уровне. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» также не раскрывает данное положение.

Таблица

**Состояние динамики преступлений, посягающих
на половую неприкосновенность и половую свободу личности**

Год	Ст.131 УК РФ		Ст. 132 УК РФ		Ст. 133 УК РФ		Ст. 134 УК РФ		Ст. 135 УК РФ	
	Зареги-стрировано	Выявлено лиц	Зареги-стрировано	Выявлено лиц	Зареги-стрировано	Выявлено лиц	Зареги-стрировано	Выявлено лиц	Зареги-стрировано	Выявлено лиц
2019	4172	2465	9425	3303	329	92	5787	3805	2618	1007
2020	4506	2481	9935	3492	305	124	6058	3834	2775	1061
2021	4494	2676	10890	3803	284	119	5929	3862	3240	1297
2022	4214	2671	10673	3945	281	125	5569	3735	3744	1626
2023	3995	2528	10871	3948	289	102	5364	3645	3929	1855

Анализируя преступные деяния, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу личности и соотнеся их с иными преступлениями следует указать, что квалифицированные составы не содержат признака «совершение деяния лицом, являющимся родителем, опекуном (попечителем), либо проживающим совместно с потерпевшим, либо лицом, на которое законом возложены обязанности по его лечению, воспитанию или обучению».

Наименование нормы, закрепленной в ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера, с лицом не достигшем 16 лет» в диспозиции ч. ч. 1 и 2 не содержит указания на деяние в форме «иных действий сексуального характера». Однако ст. 131 и 132 УК РФ и позиции ППВС № 16 закрепляют эти действия, как подлежащие самостоятельной квалификации.

Подводя итоги вышесказанному, следует, что законодателем проводится комплексная систематизированная работа, направленная на совершенствование уголовного законодательства, включая преступления, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Устранение тезисно обозначенных пробелов законодательства и толкования позиций судебной практики позволят минимизировать проблемы квалификации деяний и будут способствовать назначению объективного справедливого наказания.

Литература

1. Пояснительная записка к законопроекту № 215694-5. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=77063;dst=100001#NApt4TUuYvFvCDM11>
2. Состояние преступности и результаты расследования уголовных дел. Статистические показатели. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/56672721/>

Specific Issues of Qualification of Acts Provided for Chapter 18 of the Criminal Code of Russian Federation

© S. A. Averinskaya, V. V. Zagainov, 2024

Abstract. The article examines the issues of qualification of acts provided for by Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation. The doctrinal and law enforcement provisions that cause complexity and ambiguity in the application of the current law are analyzed. Attention is drawn to the “gaps” in the interpretation by the highest judicial body of individual provisions of the plenum on cases of sexual inviolability and sexual freedom of the individual. The state of the dynamics of crimes on the topic of the study over the past five years in the territory of the Russian Federation is examined.

Keywords: Analysis of statistical indicators, sexual inviolability and sexual freedom, issues of qualification.

Аверинская Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: aver27@mail.ru

Averinskaya Svetlana Alexandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Institute of Law, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: aver27@mail.ru

Загайнов Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) Иркутский институт (филиал) ВГУЮ, г. Иркутск, e-mail: vladzagain@mail.ru

Zagainov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) Irkutsk Institute (branch) of VSUYU, Irkutsk, e-mail: vladzagain@mail.ru

Общественная опасность деяния в условиях постмодерна

© А. Г. Анисимов, 2024

Аннотация. Описываются противоречия концепции общественной опасности деяния в уголовном праве России. Через отдельные примеры обосновывается тезис о том, что существующая концепция общественной опасности деяния в современных условиях развития общества не в полной мере удовлетворяет его потребностям и потребует в скором времени кардинального пересмотра.

Ключевые слова: общество постмодерна, общественная опасность деяния, глокальность.

В последнее время, в российской уголовно-правовой науке все чаще появляются публикации, посвященные попытке ревизионизма [1–3], а в некоторых случаях редукционизма [4] понятия общественная опасность деяния.

Общественная опасность деяния является базовой и одновременно весьма спорной и дискуссионной характеристикой преступления. С одной стороны, доктрина уголовного права, во всяком случае, формально подробно проработала эту категорию, также определив, что общественная опасность определяется характером (каким именно и насколько важным общественным отношениям причиняется вред) и степенью (насколько серьезен такой вред).

На сегодняшний день общепризнано, что «общественная опасность преступления – это исторически изменчивая категория. Изменение ее объективно обусловлено социально-экономическими процессами, происходящими в обществе...» [5, с. 248].

Между тем, как нам видится, историческая изменчивость общественной опасности проявляет себя на современном этапе развития уголовного права так остро как никогда ранее. На наших глазах происходит четвертая (цифровая) промышленная революция, которая кардинально меняет уклад общества и его образ жизни.

По меткому замечанию Я. И. Гилинского, наступившая эпоха характеризуется как эпоха общества постмодерна [6], для которой характерны относительность ценностей, культурный разлом и как следствие субъективность и неоднозначность оценок различных аспектов жизни. Другой стороной становится универсализация и глобализация отдельных аспектов жизни на фоне сохранения и обострения локальных аспектов. Последнее свойство эпохи постмодерна назвали «глокальностью» [7]. В узком смысле это ситуации, когда какое-то локальное явление существенно выходит за рамки регионального и начинает влиять на глобальные процессы, оставаясь при этом строго региональным.

Например, пожары в Сибири способны негативно влиять на уровень глобального потепления, изменение климата и мировую экономику в целом, оставаясь одновременно региональной проблемой, привлекают к себе внимание мира в целом и, как следствие, пытаются быть осмыслены через призму международного права в целом и уголовного в частности.

Следствием указанных свойств является то, что общественные отношения, которые совсем недавно имели первоочередное значение для общества утрачивают свою безусловную значимость. И наоборот: возникают ранее не существовавшие общественно значимые отношения, которые на сегодняшний день не имеют четкой уголовно-правовой оценки. В качестве примера к первой категории можно отнести весьма дискуссионные случаи применения малозначительности (ст. 14 УК РФ) по преступлениям против собственности [8].

В качестве примера второй категории можно отметить тот факт, что, например, нелегальное завладение персонажами онлайн игр путем получения доступа к соответствующей учетной записи на сервере фактически расценивается значительной частью общества как кража, но не имеет строгой оценки в уголовном праве России. На сегодняшний день нет однозначного подхода к определению как объекта такого деяния, так и его общественной опасности. В то время как персональные учетные записи в компьютерных системах могут быть рассмотрены и как персональные данные, и как самостоятельный предмет преступления.

В то же время попытки пересмотра общественной опасности часто оказываются несостоятельными также вследствие объективной сложности оценки качественной стороны деяния. Другими словами, какие именно значимые и важные общественные отношения следует криминализировать в первую очередь, а какие нет? Как ранжировать такие объекты уголовно-правовой охраны по степени значимости в современных условиях?

Где следует проводить грань между преступлением и административным правонарушением? Опора только лишь на волю и усмотрение законодателя (на то, как это структурировано в уголовном кодексе, например, по порядку и размеру санкции в главах особенной части) фактически создает ситуацию определения явления через само себя, что, очевидно, неубедительно и необъективно.

Другой весьма странный, но назревающий вызов позитивистской (в своей основе) доктрине уголовного права России – это решение вопроса оценки долгосрочности и глобальности (транснациональности) наступивших последствий. Возможно ли в принципе адекватно оценить вред, нанесенный в планетарном масштабе только лишь в рамках национального уголовного законодательства?

Также вполне актуален вопрос возможности признания в качестве потерпевших окружающей среды или популяции вымирающих видов животных. Возможно ли в том же качестве признать общину малочисленных коренных народов, традиционному образу жизни которой нелегальными действиями нанесен существенный вред? Подобные вопросы могут показаться странными, но тем не менее, рассматриваются современными криминологами как вполне уместные на сегодняшний день, что формирует осмысление наступившей реальности категориями действующего уголовного права зарубежных стран [9, с. 197].

Да, подобные вопросы могут казаться несущественными и не важными, если не вспомнить, что уже длительное время всерьез обсуждается уголовная ответственность юридических лиц в рамках российского уголовного права и, это ни у кого из правоведов не вызывает ни серьезных вопросов, ни отторжения.

Так или иначе, описанные ситуации – свидетельство назревающего в уголовном праве кризиса криминализации деяния, который неизбежно приведет к необходимости существенного пересмотра существующей доктрины уголовного права России.

Что в итоге должно стать ключевым критерием криминализации? Воля законодателя, общественный запрос или сложный компромисс первого и второго?

Сохранит ли эта доктрина свою изначальную природу или будет устроена в рамках какой-то принципиально иной парадигмы сказать сложно.

Одно можно сказать наверняка: фактически наступившая эпоха постмодерна не в полной мере осмысливается, описывается и регулируется действующим уголовным правом России.

Литература

1. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов // Правоприменение. 2020. № 4(4). С. 124–140.
2. Нешатаев В. Н. Общественная опасность как общий признак преступления и ее роль в квалификации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1(38). С. 27–32.
3. Забавко Р. А. Общественная опасность экологических преступлений в динамике социальных отношений // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1(92). С. 57–62.
4. Хиллота В. В. Состав преступления как онтологическая реальность непознанного бытия // Lex Russica. 2020. № 12(169). С. 131–144.
5. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 834 с.
6. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология) / Санкт-Петербургский центр девиантологии. СПб.: Алетей, 2021. 137 с.
7. Khondker H. H. Globalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept // Bangladesh e-Journal of Sociology. 2004. Vol. 1, N 2. P. 12–20.

8. Малозначительность деяния по УК РФ: критерии и особенности // Судебный адвокат URL: <https://www.advo24.ru/publication/maloznachitelnost-deyaniya-po-uk-rf-kriterii-i-osobennosti.html> (дата обращения 15.10.2024).

9. Research Handbook on Environmental Crimes and Criminal Enforcement. (Research Handbooks in Environmental Law) / eds. Smith S. L., Sahramäki I. Edward Elgar, 2024.

Danger to the Public of a Deed in Postmodern Conditions

© A. G. Anisimov, 2024

Abstract. The article describes the contradictions of the concept of social danger of an act in the criminal law of Russia. Through individual examples, the thesis is substantiated that the existing concept of social danger of an act in the modern conditions of development of society does not fully satisfy its needs and will require a radical revision in the near future.

Keywords: postmodern society, social danger of an act, glocality.

Анисимов Андрей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, e-mail: 7821@mail.ru

Anisimov Andrey Genadjevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Procedure and Forensic Science, Irkutsk branch of the all-Russian State University of Justice, Irkutsk, e-mail: 7821@mail.ru

Полемические заметки о криминологии постмодерна

© С. С. Босхолов, 2024

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу и оценке основных положений криминологии постмодерна. Приводятся аргументы ошибочности и спорности некоторых взглядов и представлений российских и зарубежных постмодернистов на преступление и наказание, преступность, личность преступника, криминализацию и декриминализацию.

Ключевые слова: преступление, преступность, наказание, криминология, неокриминология, криминализация, декриминализация.

Ретроспективный анализ показывает, что в своем развитии криминология как отечественная, так зарубежная прошли следующие основные этапы: классическая школа уголовного права; позитивизм с антропологическими, психологическими и социологическими направлениями; криминология модерна (криминология индустриального общества, криминология научно-технической революции); криминология постмодерна (или криминология Четвертой промышленной революции, криминология информационного и цифрового общества). Последнюю Я. И. Гишинский, – наиболее активный сторонник криминологии постмодерна, обозначает как *неокриминологию* и рассматривает как новый этап в развитии криминологии [1].

Постмодернистскую криминологию характеризуют:

- 1) весьма критическое отношение ко всем предшествующим криминологическим теориям (преступности, причин преступности, личности преступника и др.);
- 2) остро критическое, можно даже сказать, враждебное отношение к современным общественным, политическим, властным структурам и отношениям;
- 3) радикально релятивистский подход к самим понятиям преступление, преступность, личность преступника и др., как социальным (политическим) конструктам;
- 4) радикальное предложение об отказе от всего методологического инструментария криминологии и замене его новым.

Исходя из этого, криминологию постмодерна вполне можно назвать «радикальной криминологией», так как ее адепты отвергают основные постулаты традиционной криминологии (преступление и преступность, цели наказания, личность преступника), т. е. по сути дела разрушают весь фундамент науки криминологии.

Сама же постмодернистская криминология в интерпретации профессора Я. И. Гишинского придерживается следующих основных постулатов.

1. *Не существует деяний, «преступных» по своему содержанию.*

«Преступление» – социальный конструкт. Это те деяния, которые законодатель внес в уголовный закон «здесь и сейчас». Ссылаясь на М. Робинсона, он подчеркивает, что «термин *преступление* на самом деле есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. Преступление как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей» [1, с. 78].

Исходя из этого, постмодернистами подвергается жесткой критике термин *преступность*, который, по их мнению, является искусственным социальным конструктом, создаваемым контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Более того, это продукт криминальной политики, не имеющий никакого отношения к социальной реальности.

По теории постмодернизма в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным, содержательным свойствам. Преступления и преступность – понятия релятивные (относительные) («договорные», как «договорятся» законодатели), они суть – социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые реалии: некоторые люди убивают других, некоторые люди завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. д. Отсюда ими (в частности, Н. Кристи) делается парадоксальный вывод, что и преступность не существует.

Вступив в научную дискуссию с Я. И. Гилинским, мы с В. А. Номокновым специально постарались показать наличие онтологических и метафизических основ общественной опасности, значение которой для криминализации и декриминализации, назначения наказания он не только подвергает сомнению, но пытается даже отвергнуть, в совместной статье, опубликованной во «Всероссийском криминологическом журнале» [2]. Реакция на нее со стороны Я. И. Гилинского была практически мгновенной, однако каких-либо новых аргументов в его ответной статье «В тупике ли криминология постмодерна» в том же журнале, к сожалению, не было приведено [3].

На состоявшейся дискуссии, на прошедшем круглом, столе Я. И. Гилинским по сути дела были повторены те же аргументы, которые им излагались ранее в ряде публикаций. Тем не менее представляется необходимым продолжить ее и высказать ряд критических замечаний по основным положениям криминологии постмодерна.

Так, глубокоуважаемый Я. И. Гилинский приводит пример с убийством (умышленное причинение смерти другому человеку – ст. 105 УК РФ), которое рассматривает с разных позиций и в разных ситуациях

(убийство врага на войне, работа палача при исполнении смертной казни, необходимая оборона, эвтаназия). И эти действия он ставит в один смысловой ряд. Но ведь это не так. Умышленное лишение жизни другого человека как уголовно-наказуемое деяние содержит все признаки преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, главным из которых является *противоправность*. В остальных случаях и ситуациях умышленное причинение смерти другому человеку нельзя рассматривать как убийство. Уголовно-правового запрета на лишение жизни врага на войне не существует, как и не существует запрета на необходимую оборону.

Ссылка на известное высказывание П. Сорокина о том, что «причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная», при всем уважении к нему, как выдающемуся ученому-социологу и соотечественнику, не может рассматриваться как безусловное доказательство правоты идей криминологии постмодерна. Это одно из мнений и не более того.

2. Наказание не выполняет возлагаемых на него целей.

Профессор Я. И. Гилинский, как мне представляется абсолютно убежден в том, что ни одна из целей наказания, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений) не может быть реализована. При этом, отвергая эти цели, он им взамен ничего не предлагает. Со столь категоричным выводом нельзя согласиться. Приведу свои контраргументы по порядку.

Цель № 1: достижение *социальной справедливости*. Поскольку «одной из особенностей общества постмодерна, как считает Я. И. Гилинский, является его фрагментаризация, у каждого «фрагмента» есть свои представления о дозволенном/недозволенном, допустимом/недопустимом... Не окажется ли «социальная справедливость» разных субъектов диаметрально противоположной? И как тогда должен решить суд?» – вопрошает автор [4, с. 80–81]. То есть, иными словами, у каждого есть своя справедливость, свое понятие о ней и своя интерпретация. Да, это так. Но к справедливости как цели наказания они не имеют прямого отношения.

В свое время люди дошли до осознания того, что обеспечить свою безопасность они могут только тогда, когда поступятся частью своей собственной свободы. Общая совокупность этих малых частиц свободы и образовала право наказания во имя обеспечения общей безопасности, без которой немыслима личная безопасность каждого человека. Именно в этом смысле великий Цезаре Беккариа прямо подчеркивал, что «чем более священна и неприкосновенна безопасность, чем больше свободы сохраняет суверен за поданными, тем справедливее наказание»... под справедливостью я понимаю не что иное, как связь необхо-

димую для объединения частных интересов, без которой восстановилось бы прежнее внеобщественное (животное. – С. Б.) состояние. Всякое наказание, не вызываемое необходимостью сохранить эту связь, несправедливо по своей природе» [4, с. 90]. Отсюда в тех случаях, когда суду удастся установить эту связь (а он не только должен, но обязан стремиться к этому) и восстанавливается социальная справедливость, нарушенная преступлением.

Без такого целеполагания – восстановления социальной справедливости – теряется социальная ценность самого института наказания, а значит смысл правосудия. Не могу в этой связи не возразить предложению профессора Я. И. Гилинского о сведении к минимуму лишения свободы (если, как он пишет, государства не готовы от него отказаться) и применять его, как правило, лишь за насильственные преступления и только в отношении совершеннолетних, причем сроки лишения свободы в основном не должны превышать 2–3 лет [5, с. 82]. С точки зрения социальной справедливости такого рода предложения представляются совершенно неприемлемыми. Неужели такого рода наказания должны распространяться и на террористов, серийных убийц и других категорий особо опасных преступников?

Цель № 2: *исправление*. Действительно, эта цель трудно достижима, но отнюдь не лишена смысла и своего значения. В первую очередь исправление здесь понимается в юридическом смысле и состоит в том, чтобы осужденный стал законопослушным гражданином общества, уважающим не только свои права и интересы, но и права и интересы других людей, общества и государства, в котором он проживает. Карательная сущность наказания заключается в том, что осужденный изолируется от общества, лишается свободы, выносит испытания и страдания и этот тяжкий личный опыт (и опыт других осужденных) может привести его к выводу о том, что впредь он ничего подобного не совершит. И такого рода факты не так уж редки в пенитенциарной практике.

Цель № 3: *предупреждение (превенция) новых преступлений*. И эта цель наказания, по твердому убеждению Я. И. Гилинского, не выполняет своих функций. В качестве основного аргумента он обычно приводит данные о рецидивной преступности, принижающие значимость специального предупреждения. Даже последние цифры, приведенные им о 57,7 % рецидиве в 2020 г. (что весьма сомнительно, так как, по подсчетам выступившей на данном семинаре коллеги О. В. Филипповой, он существенно ниже), вовсе не являются доказательством неэффективности наказания. Умалчивается цифра другая: ведь почти половина осужденных после отбытия наказания не совершает повторных преступлений. Считается одна часть, но не идет в зачет другая... Почему?

В заключение своей презентации профессор Я. И. Гишинский продемонстрировал нам слайды о поистине сказочной жизни осужденных в норвежской тюрьме для особо опасных преступников. Курорт, а не тюрьма! И что из этого? Неужели мы должны брать с них пример? Не думаю. Конечно, профессор совершенно прав, когда говорит о том, что условия отбывания наказания в виде лишения свободы должны носить не репрессивный характер, а направлены на ресоциализацию осужденных, заключенные должны жить в нормальных человеческих условиях. Но не до такой же степени! Гуманизация пенитенциарной системы должна иметь разумные пределы, иначе есть опасность попасть в тупик пресловутого релятивизма, что мы, впрочем, и наблюдаем сейчас в криминологии постмодерна.

Крах идеологии неолиберализма, на котором зиждется криминология постмодерна с неизбежностью приводит ее к кризису. Не сумев найти научно обоснованные альтернативы основным понятиям криминологии, постмодернисты нашли выход в простом их отрицании. А это грозит серьезными потрясениями для веками созданной науки криминологии. Неокриминология отнюдь не новая криминология, а ее отрицание, разрушение.

Нельзя не обратить внимание коллег на последний в презентации Я. И. Гишинского слайд, на котором написано следующее: «Безопасность относится к дискурсу политики безопасности и оказывается медленным ядом для правового государства, которое им разрушается» (Й. Арнольд). Оказывается, безопасность в понимании этой категории постмодернистами, к которым, безусловно, относится Й. Арнольд, сама представляет экзистенциальную угрозу правовому государству. И такую трактовку безопасности Я. И. Гишинский, видимо, разделяет, так как приводит ее в качестве заключительного аргумента своей позиции.

Такое отношение к безопасности чревато губительными последствиями для человечества. Еще со времен становления христианства, а затем в период раннего Средневековья безопасность трактовалась как *неотъемлемый атрибут божественного провидения, как функция веры*. Можно по-разному относиться к Н. Макиавелли, но прошу вдуматься в следующие слова в его книге «Государь» по поводу острейшей дискуссии того времени о свободе и безопасности о том, что «небольшая часть народа желает быть свободной, дабы властвовать; все же остальные, а их подавляющее большинство, стремятся к свободе ради своей безопасности... что же касается всех прочих, которым достаточно жить в безопасности, то удовлетворить их легко, создав порядки и законы, при которых власть государя предполагает общественную безопасность» [6, с. 149]. Сегодня мы видим, что эта дискуссия стала еще острее.

Смысл правового государства, его идеология заключаются в построении такого государства, в котором будет реально обеспечена безопасность личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, где будет установлен баланс прав и законных интересов каждого элемента этой триады, а также и баланс их обязанностей.

Литература

1. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна: о преступлении и наказании // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 77–84.
2. Босхолов С. С., Номоконов В. А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 128–136.
3. Гилинский Я. И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 227–231.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 183 с.
5. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна: о преступлении и наказании // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 77–84.
6. Макиавелли Н. Государь. Искусство войны. М. : Эксмо, 2015. 448 с.

Polemical Notes on Postmodern Criminology

© S. S. Boskholov, 2024

Abstract. The article is devoted to a critical analysis and assessment of the main provisions of postmodern criminology. The author provides arguments for the fallacy and debatability of some views and ideas of Russian and foreign postmodernists on crime and punishment, criminality, the identity of the criminal, criminalization and decriminalization.

Keywords: crime, criminality, punishment, criminology, neo-criminology, criminalization, decriminalization.

Босхолов Сергей Семенович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Института юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: boskholov@yandex.ru

Boskholov Sergey Semenovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: boskholov@yandex.ru

Значение общественно опасных последствий в преступлениях против общественной безопасности

© Я. В. Гармышев, 2024

Аннотация. Рассмотрены вопросы законодательной характеристики уголовно-наказуемых последствий на примере преступлений террористического характера. Отмечается, что законодатель с учетом развития общественных отношений необходимо комплексно определить угрозы общественной безопасности, наносящие ущерб социально-экономическим, духовным и прочим интересам общества и государства, что предопределяет содержание объекта преступления в сфере национальной безопасности. Определены критерии квалифицирующих признаков преступлений террористической направленности.

Ключевые слова: общественная безопасность, терроризм, преступное последствие, ущерб, уголовная ответственность.

Развитие элементов трансформации общественных отношений обуславливает особенности правового регулирования в соответствующих сферах современного общества при реализации стандартов национальной безопасности. Установленные уголовным законодательством общественно опасные последствия, определяющие показатели общественной опасности, образуют характеристики одного из элементов состава преступления.

В системе показателей «вредоносности» отдельных видов преступлений, что характерно для террористической их направленности необходимо отметить, что они наносят еще социальную травму обществу в целом, травматические события вызывают слом привычного образа жизни, изменяют модели поведения людей. Законодательно оформленные опасные последствия в преступлениях с материальной конструкцией состава деяния непосредственно влияют на процесс квалификации правонарушения, при этом объективные признаки могут предопределять конструкцию основного состава либо обладать квалифицирующими обстоятельствами.

Достаточно дискуссионным является вопрос о том, что уголовно-наказуемое последствие ст. 205 УК РФ в виде создание опасности следует ли рассматривать в уголовно-правовом смысле? Сторонники признания данного факта указывают, что это отражает свойства объекта преступления, тем не менее, это не содержит действительное свойство фактического ущерба общественным отношениям. Вышеуказанное обстоятельство можно рассматривать как промежуточный этап между деянием и наступившим преступным результатом, а ущерб можно представить в виде единства конкретных преступных последствий и создании опасной ситуации их наступления в зависимости от каких-либо условий для конкретного объекта преступления.

Оценивая правовую природу последствий, в юридической литературе предлагается интересное законодательное решение: «полностью отказаться от законодательной формулировки по отношению к опасности гибели людей и имущественного ущерба, как излишнее содержание уголовно-правовой нормы ст. 205 УК РФ и которые бы были включены в характеристику иных последствий» [1].

При определении законодательной категории конструкции состава деяния «опасность гибели человека» следует исходить из того, является ли данная опасность вполне реальной, что определяется, зачастую на этапе правоприменения в каждом конкретном случае на основе обстоятельств времени, места, способа совершения и иных обстоятельств дела и обозначает наличие угрозы жизни хотя бы одного лица, а не людей.

Определяя на этапе правоприменения «имущественный» вред законодательно установлен его значительный размер и его фактическим показателем может выступать уничтожение или повреждение имущества. В юридической литературе по-разному предлагается определить категорию «значительность» ущерба: предложено считать ее с учетом имущественного положения потерпевшей стороны, либо применять законодательно установленное положение примечания ст. 158 УК РФ. Кроме этого высказывается мнение, что показатель значительности должен быть определен условием, насколько ущерб способен повлиять на принятие решение соответствующим субъектом правоотношения или влияние на сознание граждан: в данном случае нужно признавать насколько способ является устрашающим [2, с. 119].

Представляется, что при решении вопроса о значительности ущерба необходимо исходить из полной стоимости уничтоженного имущества или затрат, понесенных в связи с восстановлением испорченного либо поврежденного имущества, значимости для потерпевшего данного имущества, например, в зависимости от материального положения или рода его деятельности, либо финансово-экономического положения юридического лица, которое является собственником либо иным владельцем поврежденного или уничтоженного имущества, а в иных случаях, «при невозможности установления цены стоимость имущества определяется на основании заключения экспертов» [3, с. 8].

Таким образом, от правильного анализа и оценки сложившейся правоприменительной ситуации во многом зависит эффективное разрешение задач расследования, а также разработка действенных способов и средств криминализации преступных последствий, что отражает уголовную политику современной России.

Литература

1. Беляева М. Г. Проблемные вопросы объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ «террористический акт» // Форум молодых ученых. 2019. № 3(31). С. 153–160.
2. Галачиева М. М. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки террористического акта: вопросы корректирования // Научные известия. 2016. № 5. С. 116–120.
3. Безверхов А. Г. О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности // Уголовное право. 2013. № 1. С. 4–11

The Importance of Socially Dangerous Consequences in Crimes Against Public Safety

© Y. V. Garmyshev, 2024

Abstract. The article examines the issues of legislative characteristics of criminally punishable consequences on the example of terrorist crimes. It is noted that the legislator, taking into account the development of public relations, needs to comprehensively identify threats to public security that harm the socio-economic, spiritual and other interests of society and the state, which determines the content of the object of the crime in the field of national security. The criteria of qualifying signs of terrorist crimes are defined.

Keywords: public safety, terrorism, criminal consequence; damage; criminal liability.

Гармышев Ярослав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: garmyv@mail.ru

Garmyshev Yaroslav Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: garmyv@mail.ru

Общий обзор положений о посредственном причинении в трудах русских криминалистов до 1917 г.

© Э. В. Георгиевский, 2024

Аннотация. Рассматриваются истоки формирования нормы о посредственном причинении в русском дореволюционном уголовном праве. Делается вывод о том, что на формирование данной нормы оказали влияние сначала естественно-правовые, а затем и воззрения представителей классической школы уголовного права. Отмечается, что отечественные исследователи пытались определить законодательную и теоретическую локацию данного юридического явления и определить возможные виды его проявления.

Ключевые слова: посредственное виновничество, посредственное причинение, естественное право, главный интеллектуальный виновник, главный физический виновник.

Норма о посредственном причинении, получившая свое легальное закрепление только в современном уголовном законе России, прошла достаточно длительный и непростой путь развития. Первые упоминания о ней на законодательном уровне встречаются уже в Древнем Египте. Древнеегипетское Поучение Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара (XXI в. до н. э.) отмечает единственный случай совместного совершения преступления и этот случай, получивший нормативное отражение, касается привлечения к совершению преступления иного лица. В поучении говорится о том, что царь должен убивать тех, кто сам склонен к мятежу и склоняет к нему. «Говорун – это подстрекатель; расправься с ним, убей его детей, изгладь его имя [уничтожь] его домоладцев, изгони память о нем и его сторонников, любящих его» [1, с. 17]. Однако, очевидно, что одни из первых теоретических разработок этого сложного юридического явления появляются только в Средневековье в трудах европейских представителей школы естественного права.

Естественно-правовые воззрения, излагаемые сначала в переводных произведениях, а затем и в работах отечественных ученых, содержали положения, в соответствии с которыми обосновывалось определенного рода юридическое табу на привлечение к ответственности лиц, которые действовали вне свободы воли и свободы действия. Именно эти работы, а также более поздние произведения представителей европейской классической школы уголовного права, оказали значительное влияние на разработку нормы о посредственном причинении вреда в доктрине русского дореволюционного уголовного права.

Среди русских ученых, проводивших в России идеи естественного права и упоминавших о посредственном причинении, можно отметить: Л. А. Цветаева, А. П. Куницына, П. Д. Лодия и др. Среди оснований,

которые не позволяли применять к лицу вменение, в случае привлечения его к совершению преступного деяния, выделялись: психическое принуждение и физическое насилие, психологическое принуждение и пр. К категории лиц, которые могли быть опосредованно использованы для привлечения вреда, эти исследователи относили: стариков, детей, глухонемых, слабоумных, находящихся в состоянии неведения и заблуждения [2, с. 42–44].

В классической концепции института совместного совершения преступления, выработанной основателем немецкой классической школы уголовного права П. И. А. Фейербахом, посредственный причинитель «поглощается» фигурой главного умышленного виновника. И именно подстрекатель, и посредственный причинитель, как две составляющие фигуры умышленного виновника, в равной степени должны подлежать наказанию за совершенное преступление [3, с. 42–48]. Чуть позднее А. Ф. Бернер уточнит эту позицию П. И. А. Фейербаха, четко отделив подстрекателя и посредственного причинителя. Подстрекатель, по мнению этого представителя классической немецкой школы уголовного права, обращается непосредственно к воле склоняемого к совершению преступления лица и не призван эту волю подавить, чего нельзя сказать о посредственном причинителе [4, с. 518].

Первые российские ученые-догматики в области материального уголовного права в начале XIX в. упоминали о посредственном причинении фрагментарно и, в основном, все с тех же естественно-правовых позиций. Однако уже примерно с середины девятнадцатого столетия ученые начинают теоретически обосновывать возможную законодательную и доктринальную локацию данного юридического явления. Учитывая тот факт, что русское дореволюционное законодательство, в отличие от современного, напрямую о посредственном причинении не упоминало, в доктрине наметилось несколько подходов к посредственному причинению и посредственному причинителю, в частности.

Первый подход характеризовался тем, что фигуру посредственного виновника необходимо было выделять, но считать ее вторым видом главного интеллектуального виновника, наряду с подстрекателем, но подстрекателем при этом «неудавшимся». Этому подхода придерживались П. И. А. Фейербах, А. Ф. Бернер, С. И. Баршев, А. В. Лохвицкий, П. Д. Калмыков, С. М. Будзинский. Более того, эта позиция подтверждалась действующим в то время уголовным законодательством.

Второй подход предполагал, что посредственного виновника выделять не нужно, а необходимо рассматривать его напрямую как физического виновника, а не как виновника интеллектуального. Аргументация при этом была следующей – так как средства, применяемые для

склонения, не являются приемлемыми для подстрекателя, значит и подстрекателя нет, а есть только один физический виновник. На этой позиции настаивали А. С. Жиряев, В. Д. Спасович, Л. Е. Владимиров, С. В. Познышев, Н. С. Таганцев. Подобный подход реализован сегодня в современном уголовном законодательстве России.

И, наконец, существовала третья позиция, сторонником которой являлся И. Я. Хейфец. В соответствии с его точкой зрения, фигуру посредственного причинителя выделять не нужно, так как это тот же самый подстрекатель [5, с. 33–34].

При этом совершенно очевидно, что исследователи далеко не были едины не только в вопросе о юридическом статусе посредственного виновника, но и в вопросе о видах посредственного виновничества, предполагая в своих работах разные основания для их возникновения. Тем не менее осуществляли они все это в одном ключе – через призму перечисления возможных и невозможных способов подстрекательства, где последние как раз и составляют существо посредственного виновничества.

В завершение мы хотели бы обратить внимание на то, что норма о посредственном причинении никогда не была «инородным телом» в доктрине русского дореволюционного уголовного права. Большая часть русских криминалистов, так или иначе упоминают о ней в своих работах. Многие русские ученые выделяют соучастие непосредственное, осуществляемое физическими виновниками, и соучастие посредственное, предполагающее, что все иные соучастники причиняют вред опосредованно с помощью исполнителя. Кто-то уделяет норме о посредственном причинении больше внимания, кто-то меньше, но практически все соглашались с тем, что это своеобразное исключение из сложной соучастнической фигуры подстрекателя, требующее своего теоретического осмысления и последующего законодательного закрепления.

Литература

1. История Древнего Востока. Тексты и документы: учеб. пособие / под ред. В. И. Кузищина. М., 2002. 720 с.
2. Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818. 164 с.
3. Фейербах П. И. А. Уголовное право. СПб., 1810. 329 с.
4. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Том I. Часть общая. СПб., 1865. 916 с.
5. Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. М., 1914. 128 с.

A General Overview of the Doctrine of Indirect Causation in the Works of Russian Criminalists before 1917

© E. V. Georgievskij, 2024

Abstract. The article examines the origins of the formation of the norm of mediocre infliction in the Russian pre-revolutionary criminal law. The author concludes that the formation of this norm was influenced first by natural law, and then by the views of representatives of the classical school of criminal law. Domestic researchers

have tried to determine the legislative and theoretical location of this legal phenomenon and identify possible types of its manifestation.

Keywords: mediocre culpability, mediocre infliction, natural law, the main intellectual culprit, the main physical culprit.

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Georgievskij Eduard Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Немного о криминологии постмодерна

© Я. И. Гилинский, 2024

Аннотация. Кратко излагаются основные положения современной мировой криминологии постмодерна (понятия преступления и преступности, основания криминализации, проблема наказания и др.).

Ключевые слова: преступление, преступность, наказание, постмодерн, криминология.

Предисловие

С конца XX в. мы все живем в обществе постмодерна (постсовременном, постклассическом). Особенности постмодерна (глобализация, массовая миграция, виртуализация, консьюмеризация и др.) влияют на все социальные процессы, явления, включая преступность.

Мировая криминология постмодерна существенно меняет сложившиеся в ходе развития «классической» криминологии – социологии преступности – представления о преступлении и преступности, основания криминализации деяний, наказания и др. (подробнее см. [1]).

Далее будут представлены основные положения криминологии постмодерна.

Преступления и преступность

Не существует деяний, преступных по их содержанию. Даже умышленное причинение смерти другому человеку может быть как тягчайшим преступлением – убийством (ст. 105 УК РФ), так и... подвигом (на войне), профессиональной деятельностью палача в тех странах, где, к сожалению, сохранилась смертная казнь, или же правомерным, не преступным деянием (в случае необходимой обороны).

Преступление – это то, что государство (законодатель) включил в уголовный закон. Это социальный конструкт, сконструированный законодателем. Это понимали еще в Древнем Риме: *ex senatusconsultis et plebiscitis criminal exerceantur* (преступления возникают из сенатских и народных решений). Сегодня это четко формулирует проф. М. Робинсон (США): «Термин *преступление* есть ярлык (label), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (invention) людей» [2, с. 2].

В первобытном обществе люди убивали друг друга, насиловали, тащили куски еды или шкуру для согрева у соседа (воровали), но все это не были «преступления», ибо не было ни государства, ни его законов, включая уголовный.

Основания криминализации

Но каковы же тогда основания криминализации тех или иных деяний в современном обществе? Нет объективных оснований криминализации деяний! Исследовавшие основания криминализации в разных странах за много лет отечественные авторы приходят к выводу: «Главный миф криминализации – о возможности построения ее рациональной модели» [3, с. 212].

Единственное реальное основание криминализации – воля власти, режима. «Власть, национализировав, присвоив уголовную юстицию в качестве социального капитала, пожелала, чтобы к преступлению относилось все, что она называет преступлением» [4, с. 22].

А как же «общественная опасность», прописанная в п. 1 ст. 14 УК РФ? Не является ли она объективным основанием криминализации тех или иных деяний. Но что такое «общественная опасность»? И с чьей точки зрения? И как будем измерять степень общественной опасности? Убийство, наверное, общественно опасно. А «оскорбление религиозных чувств верующих» (ст. 148 УК РФ)? Что такое «религиозные чувства»? Верующих какой религии, конфессии? А как быть с «чувствами атеистов» (постоянно «оскорбляемыми» запретами художественных выставок, театральных постановок)? Повторим: единственное реальное основание криминализации – воля власти, режима, реализуемая законодателем.

Личность преступника

Со времен Чезаре Ломброзо (1835–1909) классическая криминология ищет признаки, свойства, особенности «личности преступника». Ч. Ломброзо, тюремный врач, полагал, что он нашел такие признаки на черепках осужденных, изучив свыше 11 тысяч заключенных. Но Ломброзо не исследовал «контрольную группу населения». Этот пробел был восполнен в Великобритании исследованием, по методике Ломброзо, черепов осужденных, студентов Оксфорда, Кембриджа и офицеров гвардии Ее Величества. И оказалось, что те «дефекты» черепа, которые были обнаружены у заключенных, наблюдаются и у студентов, и у офицеров гвардии...

В действительности нет никакой «личности преступника». Во-первых, нет самих «преступлений» по содержанию деяний. Во-вторых, ни один из исследователей не назвал ни единого признака, свойства, особенностей, присущих только «преступникам». В-третьих, куда деваются «личности» декриминализованных деяний и откуда берутся «личности» вновь криминализованных. Наконец, в-четвертых, уголовный закон многих стран, включая Россию, настолько переполнен «преступлениями», что каждый взрослый гражданин государства является «преступником» (включая автора этих строк). По результатам

опроса населения в ряде штатов США, 92–99 % подтвердили, что им приходилось совершать то, что записано в уголовном законе их штатов. Аналогичный опрос в Беларуси показал, по данным В. Шиенка, что 90–95 % граждан совершали, по их признанию, деяния, включенные в уголовный закон страны. Все – «личности преступника»? И где найти личности не-преступника?

Итак: «В криминологии... нужно окончательно, категорически отказаться от учения о личности преступника» [5, с. 239].

Наказание

Уже с середины XX в. мировая криминология заговорила о «кризисе наказания». Криминология постмодерна убеждена в неэффективности (низкой эффективности) наказания. Да, некоторые люди могут воздержаться от совершения преступления, боясь наказания. Но их не так много. Большинство, совершающих умышленные преступления, не думает о возможном наказании.

Человечество перепробовало все возможные виды наказаний, включая квалифицированную смертную казнь – четвертование, колесование, заливание раскаленного свинца в горло и др. Но деяния, за которые такие наказания предусматривались, продолжали совершать.

«Наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [6, с. 56, 68].

Сегодня ни одно государство не готово отменить уголовный закон и отказаться от наказаний (как предлагал немецкий проф. Йешек еще в 1988г. [7, с. 3]). Но необходимо минимизировать наказания: безусловная отмена смертной казни; отказ от пожизненного лишения свободы; реже применять лишение свободы; чаще обращаться к мерам наказания, не связанным с лишением свободы и др.).

Заключение

В последнее время в России развернулась дискуссия между сторонниками «классической», привычной криминологии и криминологии постмодерна. Подобного рода дискуссии нормальны и необходимы в любой науке. С нашей точки зрения, криминология постмодерна в *теории* позволяет избавиться от многих предрассудков «классической» криминологии, от идеализации сложившейся законодательной и правоприменительной деятельности. На *практике* криминология постмодерна намечает основные стратегии и тактики законодательства и правоприменения в сфере противодействия деяниям, признаваемым преступными. Так, основными стратегиями представляются *минимизация криминализации* деяний и *минимизация наказаний* за криминализиро-

ванные деяния. Для разработки и реализации стратегий и тактик криминологии постмодерна необходимы совместные усилия уголовного права, криминологии, законодательных органов.

Литература

1. Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб. : Алетея, 2021. 136 с.
2. Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. N. J: Pearson. Prentice Hall, 2004.
3. Козаченко И., Сергеев Д. Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: Sapientia, 2020. 256 с.
4. Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М. : Норма, 2008. 272 с.
5. Рыбак А. З. Криминология в человеческом измерении. М. : Юрлитинформ, 2020. 296 с.
6. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М. : Проспект, 2009. 400 с.
7. Jescheck H. -H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1988.

A Little about Postmodern Criminology

© Ya. I. Gilinsky, 2024

Abstract. The article briefly outlines the main provisions of modern world postmodern criminology (the concepts of crime and criminality, the basis of criminalization, the problem of punishment, etc.).

Keywords: crime, criminality, punishment, postmodernism, criminology.

Гилинский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор профессор кафедры уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Gilinsky Yakov Ilyich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Saint Petersburg Juridical Institute of University of the General Prosecutor's Office of Russian Federation, Saint Petersburg

Уголовная ответственность за экологические преступления в обществе постмодерна

© Р. А. Забавко, 2024

Аннотация. Определено, что выделение в национальном законодательстве составов экологических преступлений связано с постмодерном и его ориентированностью на сохранение окружающей среды и природных ресурсов. Проанализировано содержание главы 26 УК РФ на предмет ее соответствия основным тенденциям и положениям постмодерна. Установлено, что не все нормы действуют в соответствии с идеями постмодерна, в связи с чем их эффективность снижена.

Ключевые слова: экологические преступления, постмодерн, уголовная ответственность, окружающая среда.

XX век характеризуется наиболее масштабными технологическими изменениями и социальными потрясениями, обусловленными значительным усложнением общества, ускорением социальных процессов: модели человеческих взаимоотношений стали меняться столь быстро, что это часто приводит к кризисам, имеющим для человека самые неблагоприятные последствия. Одной из наиболее важных проблем XX в. является усугубляющийся экологический кризис, ставший по большей части проявлением многократно возросшего потребления, доступностью разрушающих природу технологий, отсутствием действенных сдерживающих механизмов, препятствующих масштабное вмешательство человека в окружающую среду.

Реакцией на это стало появление новых концепций взаимодействия людей и природы, вылившееся в формирование философии ноосферы, предполагающей органическое соединение естественного и социального, разрешение конфликтов на основе приоритета общих интересов над частными. Пожалуй, единственным общим проявлением постмодерна – социально-философской концепции плюрализма, отсутствия единых оценок по существу большинства общественно-важных категорий – является неоспоримое мнение о необходимости сохранения окружающей природной среды для настоящего и будущих поколений в виде, пригодном для проживания. Окружающая среда представляется как основа не только для биологической жизни, но и для социальных процессов, так как она обеспечивает основные человеческие потребности, и снижение качества ее показателей до определенного уровня повлечет за собой прохождение точки бифуркации, т. е. приведение сложившейся системы в состояние полной разбалансированности, ее мгновенный (в исторических масштабах) излом и формирование новой системы, в которой все ее элементы будут находиться в со-

стоянии равновесия и относительной саморегуляции. При этом ввиду колоссальной сложности сложившейся системы, в которой существует современное общество, предсказать параметры ее перестроения невозможно, но, принимая во внимание, сложившиеся нестойкие связи в ней, она, вероятно, превратится в крайне неблагоприятную для человека.

Все это не могло не отразиться на формировании подходов к уголовно-правовой охране окружающей среды, системы ценностей, подлежащих первоочередной защите и конструкции составов экологических преступлений, тех реакций со стороны государства, которые оно определило в качестве санкций за их совершение.

Вторая половина XX в. характеризуется, по меткому замечанию Жан-Франсуа Лиотара «неуправляемым усложнением всего» [1]. Это, в свою очередь, сделало невозможным эффективно совмещать в одних правилах регулирование (а в уголовном праве – охрану) сразу нескольких социальных ценностей. В обыденной жизни это, в частности, отразилось на архитектуре [2].

Первоначально, взаимодействие человека и природы строилось на достаточно простых принципах, определяющих возможность брать из природы все необходимое для себя и общества – это объяснялось прежде всего экономической целесообразностью, а сама исчерпаемость природных ресурсов, которые виделись человеку как бесконечные, отрицалась в принципе. Природа ассоциировалась с опасностью, безграничными рамками, а ее «очеловечивание», придание границ ранее непостижимым категориям – важной социальной задачей. Природа и ее богатства воспринимались как экономические ценности, что вполне естественно повлекло за собой оформление права собственности на природные ресурсы. Потребность в уголовно-правовой охране возникла как ответ на посягательства на это права, причем даже посягательства на ресурсы, которые собственник не мог освоить сам лично, не могло остаться без уголовно-правовой реакции, так как необходимость охранять свое имущество свойственно человеку, а для государства является одним из символов власти. Постепенно эти нормы трансформировались в правила хозяйственной деятельности, а наиболее грубые их нарушения – в хозяйственные преступления и преступления против порядка управления. Между тем эти нормы, настроенные под управляемое потребление, перестали работать и возросшие технологические возможности вкупе с потребностью в бесконечном накоплении капиталов стали стимулировать неумеренное потребление, грозящие истощением ресурсов. В связи с этим возникла потребность в специальных нормах, которые бы устанавливали ответственность за браконьерство и другие посягательства на природные ресурсы. Ответом на это стала бурная

международная эколого-правовая деятельность и появление во второй половине XX в. в национальных уголовных кодексах экологических преступлений, которые стали выделять в отдельные разделы и главы [3]. В России глава 26 «Экологические преступления» впервые появилась в УК РФ 1996 г. Эти нормы должны были стать сдерживающими механизмами неумеренного потребления природных ресурсов и не-обоснованного вмешательства в окружающую среду.

Изменилась и сама сущность таких норм. Так, все большая доступность сложных технологий, которые часто становятся губительными для окружающей среды, повлекло за собой криминализацию загрязнения окружающей среды (атмосферного воздуха, вод, морской среды, почв) – в УК РФ это ст. 250–252, 254. Они призваны установить уголовную ответственность за совершение выбросов, выходящих за пределы научно-обоснованных границ. Между тем эти нормы по-настоящему не выполняют своей функции, так как они имеют сложную конструкцию, предполагающую два уровня последствий (загрязнение – конкретный вред), не позволяющую соединить прямыми причинно-следственными связями указанные в законе общественно опасные деяния и общественно опасные последствия: не существует таких экспертных методик, которые позволили бы определить, что, например, массовые онкологические заболевания связаны с выбросами в атмосферу или в источники водоснабжения загрязнений конкретными природопользователями.

Указанная логика свойственна и нарушению правил безопасности при обращении с патогенными биологическими агентами (ст. 248 УК РФ). Данная норма теоретически более действенна по причине наличия более простой конструкции, не предполагающей два уровня последствий. К счастью, работоспособность данной нормы проверяется крайне редко.

Еще одним аспектом возросшей доступности опасных технологий стала криминализация неправомерной деятельности с опасными отходами, которые могут быть образованы в любой сфере жизни, даже в быту. Так, в УК РФ имеется ст. 247 УК РФ, криминализовавшая производства запрещенных и оборот иных опасных видов отходов. Данная статья является, вероятно, удачным конструктом – так как предполагает ответственность за деяние, создавшее реальную угрозу вреда даже если он не наступил. Это позволяет защитить наиболее важные отношения с учетом повышения деструктивного потенциала, сосредоточенного теперь в руках даже рядового гражданина.

Подобный подход используется и в составах преступлений, связанных с проектированием, возведением, вводом в эксплуатацию, эксплуатацией технологических сооружений, зданий, строений, установок и т. д. Концептуальной основой уголовной ответственности за такие деяния является соответствие указанных предметов экологическим

стандартам, которые должны быть учтены при их создании, при чем они являются настолько же важными, как и экономические их параметры – эффективность производства, себестоимость продукции, окупаемость вложенных средств и т. д. Между тем на практике утилитарные (модернистские) интересы превалируют над экологическими (постмодернистскими) и указанные нормы фактически не работают: окружающая среда по-прежнему приносится в жертву экономической целесообразности. Все это формирует в общественном сознании представление о бесполезности таких норм, их декларативном характере и неспособности уголовного права решать задачу природоохраны.

По-настоящему модернистскими являются нормы, криминализовавшие посягательства на особо ценные природные ресурсы (ст. 258¹ и 260¹ УК РФ), а также уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (ст. 259 УК РФ) и нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ). Постмодерн приветствует сохранение природы в первозданном виде и крайне порицает необратимые действия, к которым относятся посягательства на критические природные объекты, которые находятся под угрозой исчезновения, а их дальнейшая деградация может запустить процессы нарушения сложных экологических цепочек и утрату природного наследия. Заслуживает похвалы подход законодателя к криминализации не только незаконной добычи, но и оборота особо охраняемых природных ресурсов. Так, например, к уголовно-правовой охране незаконно заготовленной древесины подход совершенно иной – соответствующая статья в УК РФ предусмотрена как преступление в сфере экономических отношений, и защищает право собственности государства на ценный ресурс – древесины, а не право граждан на сохранение первозданной окружающей среды.

Сказанное позволяет сделать некоторые выводы об уголовной ответственности за экологические преступления в обществе постмодерна. Во-первых, в обществе назрела явная потребность в уголовно-правовой защите окружающей природной среды, полностью отделенной от защиты собственности и иных интересов, связанных с природными ресурсами. Во-вторых, перестройка уголовного законодательства под эти нужды стала трендом развития уголовного права со второй половины XX в. и частично нашла отражение и в УК РФ. В-третьих, модернистская концепция, предполагающая рационализацию производства и получение максимальных экономических выгод, окончательно не побеждена – в УК РФ остаются нормы, действующие в интересах экономики в ущерб экологии. Они вступают в жесткое противоречие с постмодернистскими идеями и вызывают правомерное возмущение у общества.

Литература

1. Лиотар Ж. -Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
2. Рой Р. О. Генеральные планы новых городов 1960–1980-х гг. // Сибирский юридический вестник. 2024. № 1 (10). С. 25–32. DOI 10.26516/2071-8136.2024.1.25
3. Колобов Р. Ю., Дицевич Я. Б. Роль Бернской конвенции 1979 г. в регулировании деятельности по сохранению биоразнообразия на Байкальской природной территории // Сибирский юридический вестник. 2022. № 1 (96). С. 119–126. DOI 10.26516/2071-8136.2022.1.119

Criminal Liability for Environmental Crimes in a Postmodern Society

© Zabavko R. A. 2024

Abstract. It is determined that the allocation of environmental crimes in national legislation is associated with postmodernism and its focus on preserving the environment and natural resources. The content of Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation is analyzed for its compliance with the main trends and provisions of postmodernism. It is established that not all norms operate in accordance with the ideas of postmodernism, and therefore their effectiveness is reduced.

Keywords: Environmental crimes, postmodernism, criminal liability, environment

Забавко Роман Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, Россия, г. Иркутск, e-mail: zrairk@gmail.com

Zabavko Roman Alekseevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law, Institute of Law, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: zrairk@gmail.com

«Пакетные» законы и дробление составов преступлений как тенденции современной уголовной политики России

© М. И. Орешкин, 2024

Аннотация. Рассматриваются отдельные проблемы современной уголовной политики в России. На основе анализа научных публикаций и материалов судебной практики автором изложена личная позиция и дана оценка перспектив реформирования уголовного законодательства, применительно к социально значимым сферам правового регулирования. Обращено внимание на недостатки при разработке и принятии норм Особенной части Уголовного кодекса РФ, оценки реальной степени общественной опасности вновь образуемых составов преступлений и их согласованности с уже имеющимися составами преступлений.

Ключевые слова: уголовная политика, «пакетные» законы, дробление составов преступлений, реформирование уголовного законодательства, злоупотребление должностными полномочиями, фиктивная регистрация иностранного гражданина, посредничество во взяточничестве.

За последние 15 лет, начиная с 2009 г., в уголовной политике России последовательно реализуется подход на разработку и принятие комплекса мер уголовно-правовой защиты в определенной сфере общественных отношений. Как правило, это происходит после громких, резонансных происшествий, получивших широкую публичную огласку. Внесение комплекса поправок в УК РФ является неким ответом брошенному вызову, когда реакция государства не заставляет себя долго ждать. Как следствие, на скорую руку принимаются так называемые «пакетные» законы, хорошо известные нам как «антикоррупционные», «антирейдерские», «антиэкстремистские», «антиалкогольные» и др. В этом ключе также принимались законы, направленные на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних от сексуальных посягательств, суицидов. А буквально на днях был принят очередной блок поправок против незаконной миграции иностранных граждан в нашей стране. Ключевым моментом к этому послужили всем известные трагические события, произошедшие весной 2024 г. в московском «Крокус Сити холл». Принятие таких поправок в Уголовный закон активно обсуждается в средствах массовой информации и служит неким громом отводом общественного негодования, социальной разрядкой. Не берусь судить относительно целесообразности и эффективности такого подхода законодателя, поскольку такие решения принимаются, исходя из социальной, политической, экономической ситуации в обществе. Криминологов, криминалистов в данном случае волнуют, прежде всего, вопросы качества формируемой нормативной базы, согласованности новых уголовно-правовых норм, а также соблюдение юридической техники, в процессе законотворчества, что для обычного обывателя

скрытно за красочным фасадом таких поправок. Игнорирование либо недооценка законодателем важных принципов уголовно-правового регулирования, правил юридической техники зачастую приводит к появлению «мертворожденных» норм, существенным перекосам действующей нормативной базы, либо значительным затруднениям в реализации таких новелл в практической деятельности правоохранительных органов. Красноречивым примером этому является попытка реализации уголовно-правовой охраны общественных отношений в экономической сфере от преступных посягательств, что было обусловлено принятием «антирейдерских» поправок в 2010 г. Федеральным законом № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Согласно данным уголовной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ с момента принятия соответствующих поправок количество лиц, осужденных по таким статьям как: 185.3 – манипулирование рынком, 185.4 – воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг; 185.6 – неправомерное использование инсайдерской информации и ряда других вновь образованных составов преступлений, из года в год дает нулевые показатели [1]. Возникает закономерный вопрос: «Есть ли смысл в сохранении данных составов в УК РФ?».

Другая особенность уголовно-правового регулирования – появление в УК РФ новых составов преступлений, путем дробления уже имеющихся. Данный подход вносит свою ощутимую лепту в проблему излишней криминализации уголовного законодательства и наращивании данного процесса из года в год, о чем свидетельствуют и статистические данные. Так, согласно исследованиям доктора юридических наук, профессора Маркунцова С. А. текстологический «объем» предписаний Особенной части УК РФ вырос более чем в 2,5 раза, а количество новых составов увеличилось на 50 % (исследования охватывают период с 1998 по 2021 г. включительно) [2, с. 121].

Отправным моментом в реализации подхода на дробление составов преступлений от общих к частным является, пожалуй, принятие Федерального закона № 207-ФЗ от 29 ноября 2012 г. об ответственности за специальные виды мошенничества, где составы мошенничеств были разделены в зависимости от сфер экономической деятельности и способов преступных посягательств. Многие специалисты уже тогда выразили свое критическое отношение к данному нововведению, указывая на отсутствие политико-экономического обоснования подобного реформирования уголовного законодательства, а также возникновение проблем при квалификации хищений в будущем [3; 4]. Их опасения, к сожалению, оправдались, о чем свидетельствует судебная практика.

Выделяя отдельные составы преступлений из общего объема уголовно-наказуемых деяний, охватываемых одним общим составом преступления, законодатель преследует цель обозначить и конкретизировать определенное общественно опасное деяние, расценивая это как способ повышения уровня эффективности борьбы с ними. Однако на практике это не приводит к сколько-нибудь ощутимым изменениям, и проблема не только не решается, но, в некоторых случаях даже усугубляется. Так, выделение в качестве самостоятельного состава преступления посредничества во взяточничестве – ст. 291.1 УК РФ привело к тому, что большое число деяний, ранее относящихся к пособничеству в получении или даче взяток на сумму, не превышающую 25 000 руб., фактически оказались декриминализованы, поскольку ответственность за посредничество во взяточничестве наступает в настоящее время только при значительном размере взятки, что нельзя признать справедливым и разумным.

Схожая проблема возникает в связи с выделением законодателем специальных составов злоупотреблений должностными полномочиями: ст. 285.1 – нецелевое расходование бюджетных средств и ст. 285.2 – нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов, где уголовная ответственность наступает лишь при совершении указанных деяний в крупном размере, т. е. в сумме более 1,5 млн руб. При этом злоупотребление должностными полномочиями при нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, в сумме до 1,5 млн руб. состав преступления, предусмотренный ст. 285 УК РФ, образовывать не может, поскольку согласно требованиям ч. 3 ст. 17 УК РФ специальные нормы Особенной части УК РФ имеют приоритет над общими нормами. С чем боролись, на то и напоролись...

Об искусственности такого дробления составов, как видится, красноречиво свидетельствует сопоставление диспозиций ст. 285 – злоупотребление должностными полномочиями и 285.4 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, т. е. использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа. По существу одно и то же преступное деяние содержится в двух разных статьях Особенной части УК РФ, с той лишь разницей, что последний состав содержит указание на совершение преступных действий в сфере государственного оборонного заказа, т. е. является

частным случаем злоупотребления должностными полномочиями. В чем была целесообразность выделения частного случая из общей массы, если только не обращение внимания правоохранителей на необходимость усиления борьбы с преступлениями в указанной сфере? Представляется, что в арсенале государства имеются другие, более эффективные и менее затратные механизмы решения поставленной задачи. Зачастую подобные новеллы уголовного законодательства вполне успешно могли быть заменены разъяснениями Верховного Суда РФ в соответствующих постановлениях его Пленума.

Обращаясь уже к новоиспеченному Федеральному закону № 383-ФЗ от 9 ноября 2024 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», возникает вопрос о необходимости выделения двух самостоятельных ставов преступлений: ст. 322.2 – фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и ст. 322.3 – фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации, когда два этих преступных деяния могли быть безболезненно объединены в один состав.

Другая проблема, которую сложно обойти вниманием, это явные перекосы в определении степени общественной опасности конкретных преступных деяний, на что указывают санкции статей норм Особенной части УК РФ. С одной стороны, ощущается явная недооценка степени общественной опасности одних преступлений, например в сфере экономической деятельности, «антирейдерских» статей, которые отнесены законодателем в большинстве своем к преступлениям небольшой тяжести, несмотря на посыл государства в усилении борьбы с таким видом преступных посягательств. С другой стороны, имеется перегиб в определении санкций по другим составам преступлений, степень общественной опасности которых, исходя из имеющихся санкций, представляется завышенной. Так посредничество во взяточничестве по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ относится к преступлениям средней тяжести, в то время как лишь обещание или предложение посредничества во взяточничестве, согласно ч. 5 данной статьи отнесено законодателем к тяжкому составу преступления. И таких примеров в УК РФ содержится достаточно.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что тенденция принятия «пакетных» законов пока сохраняется. Вычленение отдельных составов преступлений из общих рассматривается законодателем как адекватная мера усиления борьбы с данными преступными посяга-

тельствами и призвано упростить работу правоприменителей. На фоне реализации политики гуманизации уголовного законодательства на деле прослеживается устойчивая тенденция к криминализации противоправных деяний и ужесточению наказания за них. Исходя из значимости и актуальности конкретной сферы общественно-политической жизни в текущем моменте, что позволяет создавать только видимость решения поставленных обществом и государством задач, и то лишь в краткосрочной его перспективе.

Литература

1. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2009–2023 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения 25.09.2024).
2. Маркунцов С. А. Новеллизация российского уголовного закона: цифры и факты: к 25-летию с начала действия Уголовного кодекса Российской Федерации : монография. 2-е изд., [перераб. и доп.]. М. : Юриспруденция, 2022. 249 с.
3. Тюнин В. И. «Реструктуризация» уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Уголовное право. 2013. № 2. С. 35–41
4. Яни П. С. Специальные виды мошенничества. Законность. 2015. № 3-5. С. 47–52.

“Package” Laws and the Fragmentation of Criminal Offenses as Trends in Modern Russian Criminal Policy

© М. И. Oreshkin, 2024

Abstract. The report examines individual problems of contemporary criminal policy in Russia. Based on the analysis of scientific publications and materials of judicial practice, the author sets out his personal position and assesses the prospects for reforming criminal legislation, as applied to socially significant areas of legal regulation. Attention is drawn to the shortcomings in the development and adoption of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, the assessment of the real degree of public danger of newly formed crimes and their consistency with existing crimes.

Keywords: criminal policy, “package” laws, fragmentation of crimes, reform of criminal legislation, abuse of office, fictitious registration of a foreign citizen, mediation in bribery.

Орешкин Максим Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; руководитель коллегии адвокатов «Оптимум» Иркутской области, г. Иркутск, e-mail: morebaik@yandex.ru

Oreshkin Maxim Ivanovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University; Head of the Bar Association “Optimum” of the Irkutsk Region, Irkutsk, e-mail: morebaik@yandex.ru

Утечка персональных данных клиентов банка как один из факторов, детерминирующих совершение мошенничеств в банковской сфере

© Л. А. Петрякова, 2024

Аннотация. Статья посвящена проблеме утечки персональных данных клиентов банка как одному из факторов, детерминирующих совершение мошенничеств в банковской сфере в России в настоящее время. Рассмотрены основные причины утечек данных в банках. Сформулированы основные меры по организации защиты персональных данных клиентов банка.

Ключевые слова: мошенничества в банковской сфере, утечка банковских данных, персональные данные, предупреждение мошенничеств.

С развитием технологий и ростом популярности онлайн-банкинга мошеннические схемы становятся все более сложными и разнообразными. Безопасность финансовых операций является важнейшим аспектом доверия клиентов к банкам. Одним из факторов, способствующих совершению мошенничества в банковской сфере, как показало исследование, являются утечки персональных данных банковских клиентов [1, с. 385].

Довольно часто в СМИ стала появляться информация об утечках персональных данных. Так, в сентябре 2024 г. стало известно об утечке персональных данных десятков тысяч клиентов банка «Зенит» [2]. В конце августа 2024 г. Сосновский районный суд Челябинской области вынес приговор в отношении бывшего сотрудника «Озон Банка» за продажу персональных данных клиентов организации. С мая по август 2023 г. он, используя свое служебное положение, передавал третьему лицу персональные данные клиентов, а для придания вида правомерного получения денежных средств, мужчина разработал следующую схему: третьи лица за полученную информацию переводили денежные средства на криптокошелек осужденного, затем последний осуществлял конвертацию криптовалюты bitcoin в российский рубль [3].

По данным аналитической компании InfoWatch в 2023 г. из финансовых организаций в России «утекло» 170,3 млн записей персональных данных клиентов, что в 3,2 раза превосходит показатель предыдущего года. А в сравнении с 2021 г. объем утечек информации увеличился в 57 раз. Всего же в 2023 г. было допущено 64 случая потери персональных данных клиентов в финансовых организациях, что на 12,3 % больше, чем годом ранее. Интересно, что 46,9 % всех утечек приходится именно на банки [4].

Указанные обстоятельства связаны в первую очередь с активизацией организованных групп хакеров, прежде всего политически мотивированных.

вированных, на фоне проведения специальной военной операции Российской Федерацией (СВО) на территории Украины, основной задачей которых является психологическое давление на финансовые организации и запугивание клиентов. В качестве иных причин можно назвать быстрые темпы цифровизации финансового сектора, а также открытие новых уязвимостей, наличие которых приводит к росту количества взломов компаний и расширению объемов скомпрометированной информации. При этом на фоне данной динамики большинство банков не торопятся раскрывать сведения о случившихся инцидентах [4].

В целом указанные обстоятельства подрывают доверие к финансовым учреждениям, что может привести к оттоку клиентов и снижению репутации банка. Поэтому, чтобы обезопасить значимые данные, необходимо выстраивать надежную защиту, в том числе организовывать контроль за внутренними сотрудниками, которые могут стать источником как намеренной, так и случайной утечки данных в банках.

В соответствии с Федеральным законом от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», «кредитная организация, Банк России, организация, осуществляющая функции по обязательному страхованию вкладов, гарантируют тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Все служащие кредитной организации обязаны хранить тайну об операциях, о счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов, а также об иных сведениях, устанавливаемых кредитной организацией, если это не противоречит федеральному закону» [5]. Кроме того, доступ к конфиденциальной информации ограничен, и любая утечка такой информации может нанести значительный ущерб организации.

К персональным данным клиентов банка относятся:

- паспортные данные;
- сведения об образовании, месте работы, доходе;
- семейное положение;
- контактные данные клиента;

Также банки хранят информацию о наличии у клиентов кредитов и открытых счетах, о совершенных платежных операциях и номерах их банковских карт. Именно эти данные интересуют мошенников в первую очередь. Полный перечень персональных данных, подлежащих защите в банке, формируется в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2020 № 152-ФЗ «О персональных данных» и Уставом конкретного банка [6, с. 178]. Благодаря персональной информации злоумышленники составляют детальный портрет жертв, чтобы затем в корыстных целях воздействовать на их слабые стороны.

Среди лиц, осужденных за мошенничества в банковской сфере, как показало проведенное ранее исследование, определенная доля приходится на бывших сотрудников служб безопасности банка и иных сотрудников банков. При увольнении сотрудник (особенно, если не по собственному желанию) несанкционировано копирует сведения о клиентской базе, а в дальнейшем эту информацию продает на «черном рынке». Далее при помощи указанной информации мошенник выстраивает сценарий «запугивания или манипулирования» жертвой [7, с. 51]. Именно поэтому в первую очередь при разработке предупредительных мер следует обращать внимание на данную категорию лиц в целях предотвращения совершения рассматриваемых преступлений.

Под утечкой понимается раскрытие конфиденциальной информации, т. е. действия, в ходе которых секретные сведения попадают в чужие руки. Подобное чаще всего происходит из-за слабой защиты данных или в результате неграмотного обращения с ними. Также возможен намеренный слив информации при участии лиц, имеющих к ней легальный доступ, который может грозить репутационными и финансовыми потерями, ухудшением отношений с клиентами и партнерами, а также повлечь негативные юридические последствия. Утечка конфиденциальной информации может привести к потере конкурентных преимуществ и ущербу для бизнес-процессов. Даже если банки ответственно относятся к хранению и обработке данных, им не всегда удастся избежать инцидентов, связанных с утечкой конфиденциальных данных по вине сотрудников.

Намеренные утечки происходят, когда внутренние мошенники крадут или «сливают» информацию, прекрасно осознавая последствия своих действий. Это могут быть действующие или бывшие сотрудники, у которых остался доступ к конфиденциальным данным. Причины намеренной утечки данных в банках разные, это и финансовая выгода, и личная месть, и злоупотребление доступом к конфиденциальной информации. К примеру, сотрудник банка может продать конфиденциальную информацию о клиентах конкурирующей компании или использовать ее самостоятельно для совершения мошенничества.

Ненамеренная утечка данных может произойти в результате небрежности, ошибок или технических неполадок. Так, сотрудник может случайно отправить конфиденциальную информацию на неправильный адрес электронной почты или потерять ноутбук с конфиденциальными данными.

Сотрудник банка может «сливать» конфиденциальную информацию различными способами, включая использование электронной почты или мессенджеров для отправки информации третьим лицам; ко-

пирование на флэш-накопители или другие внешние носители информации; предоставление несанкционированного доступа к конфиденциальной информации в результате передачи паролей или кодов доступа третьим лицам; распечатка конфиденциальной информации; использование для личной выгоды или передачу ее конкурентам; ненадлежащее хранение информации; использование небезопасных сетей или устройств для доступа к конфиденциальной информации, в частности открытых Wi-Fi-сетей или общедоступных компьютеров и др.

Предотвращение намеренной утечки данных в банках требует комплексного подхода, включающего как технические, так и организационные меры защиты.

В этой связи необходимо определить порядок расследования внутренних хищений банковских данных и провести своего рода показательные процессы по делам виновных лиц в массовых утечках в трудовых коллективах банков. Кроме того, необходимо остановить бесконтрольный сбор данных, их передачу и использование сверх заявленных целей. Нужна унификация пользовательских соглашений операторов персональных данных. Так, следует разработать хартию этики использования персональных данных.

Необходимо создать общественную структуру, которая будет заниматься внешним аудитом информационных данных на предмет легального использования.

Кроме того, необходимо разработать систему, которая позволит контролировать и оперативно предотвращать утечки конфиденциальной информации. Информационная безопасность должна быть основой всех программ и информационных систем, касающихся банковских данных, поэтому необходимо проводить постоянный аудит их защищенности. Следует расширить полномочия ведомств, осуществляющих борьбу с «утечками». В частности, Роскомнадзор необходимо наделить правом инструментального контроля потоков данных и условий их хранения и защиты, а Банк России и МВД России – более широкими полномочиями по внесудебной блокировке счетов и номеров мошенников.

Следует также регулярно обучать сотрудников, повышая уровень их практических знаний в области информационной безопасности, а также контролировать их деятельность для предотвращения намеренной или ненамеренной утечки данных. Сотрудники должны быть информированы о рисках и последствиях утечки персональной информации и обязаны соблюдать все меры безопасности, установленные банком.

Таким образом, только комплексный подход может обеспечить надежную защиту конфиденциальной информации банка и его клиентов, а также регулярное обучение сотрудников и постоянный контроль их деятельности, а также применение строгих политик и процедур безопасности.

Литература

1. Петрякова Л. А. Предупреждение мошенничеств в банковской сфере // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17 (4). С. 383–391.
2. Хакерская группировка DumpForums заявила, что они получили доступ к базе данных сайта, принадлежащему банку «Зенит». URL: <https://t.me/dataleak/3371> (дата обращения: 06.10.2024).
3. Сотрудник кредитной организации осужден за незаконную передачу персональных данных // Официальный сайт Прокуратуры Челябинской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/mass-media/news/reg-news?item=97377684 (дата обращения: 06.10.2024).
4. Эксперты выявили резкий рост слитых из банков данных о клиентах // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/15/02/2024/65ccbe239a7947312bd15991?from=sory> (дата обращения: 06.10.2024).
5. О банках и банковской деятельности : федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
6. Бартошко Т. В., Стерхов А. П. Защита персональных данных как важная составляющая общей безопасности банка // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 5 (100). С. 177–182.
7. Петрякова Л. А. Особенности личности мошенника, совершающего преступление в банковской сфере в Сибирском федеральном округе // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 49–54.

Leakage of Personal Data of Bank Clients, as one of the Factors, Determining the Commitment of Fraud in the Banking Sector

© L. A. Petryakova, 2024

Abstract. The article is devoted to the problem of leakage of personal data of bank clients as one of the factors, determining the commission of fraud in the banking sector in Russia at present. The main reasons for data leaks in banks are considered. The main measures for organizing the protection of personal data of bank clients are formulated.

Keywords: fraud in the banking sector, leakage of banking data, personal data, fraud prevention.

Петрякова Людмила Александровна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, Иркутск, e-mail: poimanowa@mail.ru

Petryakova Lyudmila Aleksandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Lecture of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: poimanowa@mail.ru

Общесоциальное предупреждение интернет-преступности

© И. П. Родивилин, 2024

Аннотация. Поднимается проблема предупреждения преступлений, совершаемых в сети Интернет, связанная с отсутствием правовых средств, способных обеспечить защиту ее пользователей. Предложен ряд мер, позволяющие сократить число совершаемых преступлений с использованием интернета.

Ключевые слова: предупреждение преступности, виктимологическая профилактика, Интернет, информационная безопасность, мошенничество, преступность.

Предупреждение преступлений является одной из актуальных тем современной науки. Предупреждение преступности в криминологии трактуется как система мер воздействия на выявленные закономерности преступности с целью уменьшения социально-негативных последствий ее существования [0, с. 150]. Представляет интерес подход к классификации предупредительных мер на объективные, направленные на изменение внешней среды, и субъективные, связанные с формированием личных качеств. Такое разделение отражает развитие теории предупреждения, прошедшей путь от утопических идей до формирования научной дисциплины.

Таким образом, выделяются три уровня предупреждения преступности: общий (общесоциальный), специальный (специально-криминологический) и индивидуальный, которые применимы к конкретным преступным явлениям. В контексте Интернет-преступлений целесообразно дополнительно выделить два ключевых метода: виктимологическую профилактику и меры обеспечения информационной безопасности.

Виктимологическая профилактика направлена на предупреждение традиционных форм мошенничества, но совершенных с использованием методов социальной инженерии, тогда как меры информационной безопасности акцентируются на предотвращении неправомерного доступа компьютерной информации и хищений электронных денежных средств. Первые меры являются преимущественно субъективными, а вторые – объективными и техническими.

Как справедливо замечает Я. И. Гишинский, многовековой опыт показывает, что борьба с преступностью не может быть эффективной без изменения социальных, экономических и политических условий, а также без устранения основных криминогенных факторов [2, с. 143]. В связи с этим необходимо разрабатывать новые стратегии борьбы с преступностью, учитывая ее изменяющиеся формы, включая те, что возникают благодаря новым информационно-коммуникативным технологиям.

Виктимология в предупреждении преступлений действует в двух направлениях: предотвращение рецидивов провокационного поведения со стороны жертв и выявление лиц, чье поведение или образ жизни способствует криминогенным ситуациям.

В области информационной безопасности приоритетом является устранение рисков, связанных с особенностями сетевых технологий, способствующих совершению преступлений. Индивидуальное предупреждение преступлений фокусируется на противодействии конкретным мошенническим схемам, что позволяет разработать и обобщить эффективные методы, используемые как правоохранительными органами, так и Интернет-сообществами.

Одной из самых распространенных форм мошенничества остается обман через размещение объявлений о продаже на онлайн-платформах. Мошенники предлагают товары по заниженной стоимости, убеждая жертв в необходимости предоплаты через электронные кошельки. Для снижения рисков подобных преступлений можно предложить следующие меры:

1. Создание централизованного реестра пользователей платформ с объявлениями. Все лица, размещающие объявления о продаже имущества, должны заключать договор с администрацией сайта, фиксирующий их обязательства. Соглашение может быть оформлено онлайн или лично. Основные платформы обязаны пройти государственную регистрацию и строго соблюдать законодательство, регулирующее их деятельность. Платформы, не соответствующие данным требованиям, должны быть заблокированы.

2. Фиксация сделок и контроль их исполнения. Администрация сайтов должна обеспечить безопасность финансовых операций, проводимых через платформу, а также их своевременное выполнение. Для дополнительной защиты пользователей можно внедрить страхование рисков, связанных с интернет-мошенничеством. Это позволит частным лицам минимизировать финансовые потери.

Однако правовые меры сами по себе не способны полностью устранить угрозы. Поэтому необходимо дополнить их организационно-управленческими действиями, такими как:

1. Защита информации от утечек, хищений, утрат, искажений и подделок.

2. Предотвращение несанкционированных действий (удаление, модификация, копирование данных) и других вмешательств в информационные системы.

3. Обеспечение правового режима использования информации как объекта собственности.

4. Поддержание государственной тайны и сохранение конфиденциальности.

5. Защита прав участников информационных процессов, включая разработку и эксплуатацию информационных систем.

Ключевым фактором сдерживания преступности в сфере компьютерной информации является уверенность в эффективности работы правоохранительных органов. Преступники должны осознавать высокую вероятность наказания. Важными профилактическими мерами выступают целевые мероприятия и информирование общественности о результатах борьбы с киберпреступностью.

Также важна роль жертвы в механизме преступления. Повышение эффективности предупреждения возможно через виктимологическую профилактику, направленную на защиту потенциальных жертв. Исследователи, такие как В. А. Бессонов, выделяют виктимологический аспект как отдельное направление, подчеркивая значимость социальных, нравственно-психологических и поведенческих факторов, делающих человека уязвимым.

Особое внимание следует уделить несовершеннолетним правонарушителям, так как подростки, имея доступ к интернету, легко вовлекаются в преступную деятельность, что требует усиления профилактики среди молодежи.

Представляется необходимым внедрить в школьные учебные программы специальные курсы или занятия в рамках дисциплины «Информатика», которые будут направлены на разъяснение подросткам угроз, связанных с преступлениями в области компьютерной информации. Такие программы должны включать информацию о уголовной ответственности и соответствующих наказаниях за такие правонарушения.

Кроме того, помимо организационно-управленческих мер, важную роль в борьбе с преступлениями в сфере компьютерных технологий могут сыграть технические средства защиты (аппаратные и программные).

Аппаратные средства направлены на защиту компьютерных систем от физических воздействий и предотвращение утечек конфиденциальной информации. К таким методам можно отнести источники бесперебойного питания, экранирование устройств, системы шифрования и средства идентификации личности.

Программные средства защиты обеспечивают безопасность информации. Например, методы шифрования данных, которые используются для их безопасной передачи, позволяют эффективно скрывать содержание передаваемой информации.

Иногда попытки борьбы с упомянутыми проблемами не решают их, а наоборот, создают новые. Например, спешка с заменой устаревшего программного обеспечения на более новое может привести к возникновению новых трудностей. Хотя новое программное обеспечение зачастую потенциально более безопасно, оно может иметь технические недочеты, которые выявляются и устраняются только в процессе эксплуатации. В результате организации, обновившие программы, могут оказаться более уязвимыми, чем те, кто продолжает использовать старые, но проверенные версии.

В заключение стоит отметить, что реализация предложенных профилактических мер, таких как улучшение гарантий информационной безопасности и распространение информации о методах преступлений через СМИ, сталкивается с определенными трудностями, связанными с ограничениями глобальной сети Интернет.

Литература

1. Гладких В. И. Криминология и предупреждение преступлений : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2020. 320 с.
2. Гилянский Я. И. К концепции укрепления правопорядка // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов. Вып. 1. М. : Обществ. центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997.

General Social Prevention of Internet Crime

© I. P. Rodivilin, 2024

Abstract. The article addresses the issue of preventing crimes committed on the Internet, highlighting the lack of legal tools capable of ensuring the protection of Internet users. The author proposes a set of measures that, in their opinion, could help reduce the number of crimes committed via the Internet.

Keywords: crime prevention, victimological prevention, Internet, information security, fraud, crime.

Родивилин Иван Петрович – кандидат юридических наук, заместитель начальника управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий ГУ МВД России по Иркутской области, г. Иркутск, e-mail: 377a@bk.ru

Rodivilin Ivan Petrovich – Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head of the Department for Combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies, Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region, Irkutsk, e-mail: 377a@bk.ru.

Уголовно-правовое противодействие распространению деструктивного контента в виде треш-стримов

© А. С. Рыбакова, 2024

Аннотация. Представлен анализ предпосылок законодательных изменений, введенных Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет). Выявлены случаи, при которых могут возникать проблемные вопросы квалификации по указанному признаку. Акцентируется внимание на необходимости своевременных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о применении судами рассматриваемого признака в целях единообразной судебной практики.

Ключевые слова: деструктивный контент, треш-стрим, публичная демонстрация, преступления против личности, уголовно-правовое противодействие.

В августе 2024 г. Федеральным законом № 218-ФЗ в УК РФ были внесены изменения, касающиеся признания совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) в качествеотягчающего обстоятельства наказания в перечне ст. 63 УК РФ. Указанный признак также был введен в качестве квалифицирующего для ряда статей, предусмотренных главой о преступлениях против личности (ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 127.2 УК РФ) [1].

Как указано в пояснительной записке: «Законопроект разработан в реализацию указания Президента Российской Федерации № Пр-1306 от 29 июня 2023 года и направлен на противодействие распространению в информационном пространстве деструктивного контента в виде треш-стримов» [2].

Безусловно, такой законодательный шаг полностью оправдан в силу социальной и общественной опасности треш-стримов, которые могут заключаться в демонстрации преступлений, отличающихся особой жестокостью и агрессией, циничностью, могут сопровождаться изощренными способами унижения, причинения психического, физического вреда и причинения смерти.

Так, «Самая громкая история с участием треш-стримера произошла в декабре 2020 года. Блогер Станислав Решетняк (Reeflay) вел трансляцию со своей приятельницей Валентиной. После крупной ссоры он выставил полуголую девушку на мороз. Валентина просила впустить ее в дом, но так этого и не дождалась – она скончалась от кровоизлияния в мозг. Вскоре Станислав затащил тело девушки обратно, но вести стрим не перестал. Вскоре подписчики стали намекать блогеру, что с Валентиной явно что-то случилось. Reeflay пытался откатать ее, но безуспешно. Приехавшая скорая только констатировала смерть. В резуль-

тате Решетняка признали виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, которое привело к смерти по неосторожности» [3].

Лицо, совершившее преступление и транслирующее его посягает не только на общественные отношения по охране личности, в отношении которой непосредственно совершались преступные действия, но и нарушает общественные отношения по охране общественной нравственности, что должно учитываться при квалификации преступления и влиять на назначение наказания.

Принимая во внимание что свидетелем треш-стрима может стать любой пользователь сети, в том числе ребенок или подросток, невозможно не согласиться с тем, что «социальная и общественная опасность такого рода деяний состоит в том, что главными зрителями и главными, по существу, потерпевшими являются несовершеннолетние и молодежь, которые приучаются к подобным формам противоправного поведения, что не может не сказаться на их нравственном развитии и воспитании» [4, с. 140].

Несмотря на важность и необходимость данных законодательных изменений, можно отметить, что в отсутствие подробных разъяснений Верховного Суда остаются вопросы относительно квалификации по данному признаку:

- что необходимо понимать под «треш-стрим» и каковы его признаки;
- что необходимо понимать под публичной демонстрацией, не связанной с демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»);
- каковы признаки публичности для смысла настоящего квалифицирующего признака;
- как будут оцениваться действия тех лиц, которые, например, наряду с другими лицами принимали участие в совершении преступления, их действия транслировались, но умыслом некоторых из них не охватывалось совершение преступления именно с целью его демонстрации в социальных сетях;
- как будет осуществляться квалификация действий тех лиц, которые совершали преступление при фактическом его транслировании, но не знали или заблуждались относительно этого или были запуганы преступником и осуществляли трансляцию преступных действий других лиц под угрозой, например, убийства;
- каким образом решается вопрос о привлечении к ответственности тех лиц, кто выступает анонимным зрителем треш-стрима, оказывает поддержку в виде комментариев (или ставит «лайки»), активного обсуждения и (или) в виде денежной поддержки прямого эфира (например, донаты, платная подписка и т. п.), т. е. как квалифицировать действия, способствующие совершению преступления и тому,

чтобы оно транслировалось; а также тех лиц, кто распространяет информацию о предстоящем стриминге и осуществляет оборот видеоматериалов, где запечатлены преступления;

– относительно дополнительных мер, позволяющих оградить пользователей сети интернет от пагубного контента и мер взаимодействия с платформами социальных сетей, мессенджеров и других площадок, где проводятся и размещаются треш-стримы и видео о недопущении распространения данного контента; механизме незамедлительного реагирования на возникновение признаков треш-контекста со стороны пользователей и владельцев интернет-площадок (платформ) и сообщения в правоохранительные органы при его фиксации, дальнейшем сотрудничеству с правоохранительными органами.

Представляется, что своевременные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно указанных вопросов смогут повлиять на формирование единообразной судебной практики о преступлениях, которых коснулись рассматриваемые законодательные изменения, а дальнейшая деятельность различных субъектов предупреждения позволит обеспечить защиту от деструктивного контента.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4914.

2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)) № 506240-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 11.11.2024).

3. Что такое треш-стримы и почему их запретили в России. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-tresh-strim.htm> (дата обращения: 11.11.2024г.).

4. Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В. Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 137–143.

Criminal-legal Counteraction to the Distribution of Destructive Content in the form of Trash Streams

© A. S. Rybakova, 2024

Abstract. The article presents an analysis of the prerequisites for legislative changes introduced by Federal Law No. 218-FZ of 08.08.2024 in terms of strengthening responsibility for crimes involving public demonstration, including in the mass media or information and telecommunication networks (including the Internet). The cases in which problematic issues may arise during qualification on this basis are indicated. The author focuses on the need for timely explanations by the Plenum of the Supreme Court on the application of the considered feature by the courts in order to ensure uniform judicial practice.

Keywords: destructive content, trash stream, public demonstration, crimes against the person, criminal law counteraction.

Рыбакова Анастасия Сергеевна – старший преподаватель, кафедра уголовного права, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Иркутск, e-mail: rybakova.nastasiya@gmail.com

Rybakova Anastasia Sergeevna – Senior Lecturer, Department of Criminal Law, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, e-mail: rybakova.nastasiya@gmail.com

Некоторые вопросы внедрения института пробации в России

© И. М. Середа, 2024

Аннотация. Рассматриваются некоторые вопросы внедрения института пробации в России. Отмечается, что система пробации имеет преимущества при реализации таких целей наказания, как исправление осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений. Особое внимание уделяется и дополнительным векторам совершенствования уголовно – исполнительного права, обозначенным в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации».

Ключевые слова: институт пробации, цели наказания, уголовно-исполнительное право, внедрение, предупреждение преступлений.

В апреле 2021 г. Правительство РФ утвердило Концепцию развития уголовно-исправительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. В ней указаны цели концепции, задачи и направления деятельности, но также законодатель говорит о создании института пробации. Это решение является позитивным шагом, способствующим уходу от исключительно репрессивной модели уголовного наказания.

Стоит отметить, что 6 февраля 2023 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», который вступил в законную силу с 1 января 2024 г. (отдельные нормы с 1 января 2025 г.). Некоторые положения указанного закона ранее уже нашли отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Правительством РФ 29 апреля 2021 г.

Однако с введением данного закона в России будет формироваться масштабная государственная система социальной помощи осужденным. Система пробации предполагает коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных, предупреждение совершения ими новых преступлений.

Она включает в себя масштабный комплекс, состоящий из мер поддержки, применяемых к конкретному лицу, в зависимости от обстоятельств и характеристики его личности на этапе отбывания наказания, а также и после освобождения [1, с. 225].

Система пробации имеет неоспоримые преимущества в деле достижения цели наказания – исправления осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений, их социальной адаптации и реабилитации, позволяя судам чаще назначать наказания, альтернативные лишению свободы [2, с. 189].

Планируется создание условий для оказания помощи осужденным в вопросах восстановления социальных связей, – востребованности

профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

На наш взгляд, законодательное закрепление таких положений существенным образом может повлиять на реализацию такой цели наказания как предупреждение преступлений.

Однако оценить эффективность ожидаемых преобразований можно будет только через определенный промежуток времени, поскольку сейчас разрабатываются механизмы реализации.

Закон о пробации намечает дополнительные векторы совершенствования уголовно-исполнительного права. Следует отметить некоторые из них [2, с. 185].

1. Сопоставление целей пробации (ст. 4 Закона) целям наказания (ст. 43 УК РФ) и целям уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ).

Это включает анализ коррекции социального поведения, ресоциализации и предупреждения новых преступлений.

2. Определение критериев оценки достижения целей пробации, таких как коррекция социального поведения и ресоциализация.

Важно учесть, насколько эти цели охватываются исправлением осужденных и ориентированы ли на его достижение.

3. Конкретизация статуса действий администраций учреждений и органов, исполняющих наказание, связанных с исправлением осужденных. Это включает проведение воспитательной работы [3, с. 170] и воздействие со стороны различных общественных субъектов.

4. Уточнение полномочий уголовно-исполнительных инспекций, центров пробации и других учреждений, их соотношение с функциями, предусмотренными уголовно-исполнительным законодательством, и их ориентация на цели пробации.

5. Требуется исследование роли различных участников пробации, включая религиозные, общественные и медицинские организации, в достижении целей пробации.

6. Необходимо уточнение правового положения как осужденных, отбывающих наказание, так и лиц, подлежащих пробации (ст. 18, 29 и др. Закона).

7. Определение организационно-правового статуса центров пробации, включая правовое положение лиц, содержащихся в них, условия размещения и другие вопросы.

Таким образом, принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» не только отмечает новый этап в теоретиче-

ски-прикладных аспектах исполнения уголовных наказаний, но и выдвигает задачу дальнейшего развития уголовно-исполнительного права в ответ на вызовы современности. Принятие Закона о пробации стимулирует не только изменение существующих норм, но и создание новых актов, отражающих разнообразные аспекты пробации и их влияние на уголовно-исполнительное право. Кроме указанных направлений развития уголовно-исполнительного права, требуется комплексное исследование взаимосвязей законодательства о пробации с уголовно-исполнительными и другими нормами для определения приоритетных правовых норм для участников соответствующих отношений.

Литература

1. Выпрядкич О. А. Необходимость создания системы пробации в России // Актуальные проблемы защиты прав личности: российский и зарубежный опыт. Материалы межвузовской научно-практической конференции / под ред. И. Р. Щикулы [и др.]. М., 2023. 225 с.
2. Громов В. Г. Пробация и проблемы ее реализации Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 2. С. 189–190.
3. Котляров А. А., Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Исправление осужденных, как один из аспектов деятельности уголовно-исполнительной системы // Вопросы российского и международного права. 2024. № 3–1. С. 170–179.

Some Issues of the Introduction of the Institute of Probation in Russia

© I. M. Sereda, 2024

Abstract. The article discusses some issues of the introduction of the institute of probation in Russia. The author notes that the probation system has advantages in implementing such punishment goals as correcting convicts and preventing them from committing new crimes. Special attention is also paid to additional vectors of improvement of penal enforcement law, outlined in the Federal Law “On Probation in the Russian Federation”.

Keywords: institute of probation, purposes of punishment, penal law, implementation, prevention of crimes.

Ирина Михайловна Середина – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск

Sereda Irina Michaylovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk

Криминологическое изучение рецидивной преступности в первой четверти XXI века

© О. В. Филиппова, 2024

Аннотация. Определяются основные направления криминологического изучения рецидивной преступности в первой четверти XXI в. Отмечается, что различия в понимании рецидивной преступности порождают терминологическую путаницу и приводят к противоречивым выводам о ее тенденциях и распространенности. Приводятся данные о развитии рецидивной преступности в XXI в.

Ключевые слова: рецидивная преступность, криминологический рецидив, криминологическое изучение.

Проблема существования рецидивной преступности на протяжении многих лет вполне обоснованно вызывает повышенный интерес как у ученых, так и практических работников. Ее изучению посвящены многочисленные исследования в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии.

Криминологические исследования рецидивной преступности в первой четверти XXI в. в основном проводились по следующим направлениям:

- изучение отдельных видов рецидива – рецидива краж, насильственных преступлений, наркопреступлений и других;
- изучение рецидива со стороны отдельных групп населения – рецидив среди женщин, несовершеннолетних, молодежи;
- исследование рецидива со стороны осужденных к разным мерам наказания или мер уголовно-правового воздействия – осужденных без изоляции от общества и освобожденных из мест лишения свободы (пенальный, пенитенциарный, постпенитенциарный, в период условно-досрочного освобождения и т. д.);
- изучение рецидивной преступности на отдельных территориях – в федеральных округах, субъектах РФ.

Несмотря на повышенное внимание к проблемам рецидива, в криминологической науке до сих пор не сложилось единого подхода к ее пониманию. Авторы включают в данное понятие разную совокупность повторно совершенных лицами уголовно наказуемых деяний. Можно выделить четыре основных подхода к рассмотрению криминологического рецидива:

1) криминологический рецидив есть повторное совершение лицом преступления независимо от наличия или отсутствия уголовной ответственности за ранее совершенное преступление [1, с. 186]; так называемый фактический рецидив или простое повторение;

2) криминологический рецидив охватывает преступления лиц, которые за ранее совершенные преступления привлекались к уголовной ответственности – уголовное дело направлялось в суд или лицо было освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям [2, с. 744]. При таком определении к рецидиву относятся преступления, совершенные лицами: имеющими неснятую или непогашенную судимость; судимость которых не снята или погашена; освобожденными от ответственности по нереабилитирующим основаниям, а также совершившими новое преступление в период предварительного расследования или судебного разбирательства уголовного дела о первом преступлении;

3) криминологический рецидив включает новые преступления лиц, которые за прежние преступления осуждались к наказанию или иным мерам уголовно-правового воздействия, независимо от наличия или отсутствия у него судимости. По утверждению А. Ф. Зелинского, существенным признаком рецидива выступает «возвращение лица, ранее совершавшего преступление, к преступной деятельности, несмотря на отрицательную оценку его действий со стороны государства, выразившуюся в назначении наказания или иных мер уголовно-правового воздействия» [3, с. 5];

4) криминологический рецидив есть рецидив судимостей – совершение нового преступления лицом, имеющим неснятую или непогашенную судимость [4, с. 19]. При таком понимании ключевым признаком криминологического рецидива является судимость как юридическое последствие назначенного наказания, это сближает его с уголовно-правовым.

Различия в понимании рецидивной преступности порождают терминологическую путаницу и приводят к разным выводам о показателях рецидива и соответственно о его распространенности. Так, по данным статистики в 2023 г. было зарегистрировано 596 290 преступлений лиц, ранее совершавших преступления, 347 818 – ранее судимых [5]. Если рассматривать рецидивную преступность как преступность лиц, ранее совершавших преступления, независимо от наличия судимости, включая тех, кто за прежнее преступление был освобожден от уголовной ответственности и наказания, то ее доля в общем числе расследованных (не зарегистрированных) составит 60 %. При рассмотрении рецидивной преступности как совокупности преступлений ранее судимых в период действия судимости ее удельный вес не превысит 35 %.

Опираясь на данные официальной статистики преступлений лиц, совершивших преступления при наличии судимости, можно сделать вывод о том, что на протяжении первой четверти XXI в. их доля в общей массе регистрируемых деяний оставалась довольно стабильной – 17–18 %. При этом структура рецидивной преступности несколько изменилась:

– во-первых, в ней стали преобладать преступления небольшой тяжести, что, как представляется, может свидетельствовать о увеличении латентности тяжких и особо тяжких преступлений рецидивистов,

– во-вторых, вследствие криминализации управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, имеющим судимость (ст. 264. 1 УК РФ), данные преступления стали составлять заметную долю (5,4 % в 2023 г.), сместив другие преступления, прежде всего, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, доля которых снизилась с 10 % до 6,5 %. Такие изменения показывают, что динамика структуры рецидивной преступности во многом определяется изменением уголовного закона.

В заключение отметим, что стабильный характер распространенности рецидивных преступлений в XXI в. свидетельствует об устойчивости криминогенных факторов, вызывающих их совершение; неопределенность в понимании рецидивной преступности осложняет ее изучение.

Литература

1. Криминология : учеб. пособие / под ред. В. Н. Булакова, Н. М. Кропачева. СПб. : Питер, 2013.
2. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., пер соч. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010.
3. Зелинский А. Ф. Рецидив преступлений (структура, связи, прогнозирование). Харьков : Вища школа : Изд-во при Харьк. ун-те, 1980.
4. Моргунов С. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности и ее профилактика в деятельности уголовного розыска : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
5. Состояние преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел РФ : офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics>

Criminological Study of Recident Crime in the First Quarter of the 21st Century

© O. V. Filippova 2024

Abstract. The main directions of criminological study of recidivism in the first quarter of the 21st century are determined. It is noted that differences in the understanding of recidivism give rise to terminological confusion and lead to contradictory conclusions about its trends and prevalence. The data on the development of recidivism in the 21st century are presented.

Keywords: recidivism, criminological recidivism, criminological study.

Филиппова Ольга Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: ovalfilippova@yandex.ru

Filippova Olga Valeryevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: ovalfilippova@yandex.ru

СЕКЦИЯ
«СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ
В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ, АДМИ-
НИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ»

СЕКЦИЯ

«СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН
И ОРГАНИЗАЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ
И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ,
АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ»

Проблемы формирования и перспективы развития судебного права в Российской Федерации

© Н. Н. Белоусова, 2024

Аннотация. Рассматривается вопрос о необходимости продолжения формирования и развития судебного права в Российской Федерации и касается вопроса логической последовательности отражения этого процесса в российском законодательстве о судостроительстве и судопроизводстве, показывает их существующую объективную взаимосвязь, которую необходимо учитывать при изменении законодательства и создании нового законодательства.

Ключевые слова: судебное право, судостроительство, судопроизводство, судебная власть, правосудие.

Анализ конституционных норм гл. 7 Основного закона «Судебная власть и прокуратура» [1, с. 50–55] ведет к необходимости интегрированного изучения проблем правосудия по гражданским, уголовным, административным делам, делам об административных правонарушениях, а также по делам, которые рассматривает Конституционный Суд РФ. Соответствующие отрасли процессуального права регулируют лишь разные порядки осуществления единого в своей основе правосудия. Противопоставление их друг другу и обособленное друг от друга их изучение ведет к утрате единства науки о суде и правосудии. При этом особо следует отметить, что к указанным отраслям процессуального права примыкает и система норм, регулирующих не только осуществление правосудия по различным делам, отнесенным к компетенции судов, но и организацию правосудия, т. е. судебную систему Российской Федерации.

В современной юридической науке сложилось три подхода в понимании судебного права, три направления. Первое: судебное право интегрирует в себе все виды судопроизводств: гражданское, уголовное, административное, конституционное, а также арбитражное. Судебное право понимается как основанный на праве судебный процесс. Второе: интегративное – помимо судопроизводства составляющей судебного права являются и судостроительные нормы, включающие организацию судебной системы, внутрисудебный контроль, правовой статус судей, присяжных, арбитражных заседателей и т. д. Третье: судебное право сводится к «судебному правотворчеству» [2, с. 68].

Как уже понятно из рассуждений автора, наиболее правильно отражающим действительность, является второй подход в понимании судебного права. В обоснование теснейшей взаимосвязи судопроизводства и судостроительства может служить пример, когда усложнение судебной системы Российской Федерации в 1991 г. появление арбитражных судов – привело к формированию научной позиции о возник-

новении в связи с этим новой отрасли российского права – арбитражное процессуальное, так называемая «отрасль-дублер». Вместе с тем, на наш взгляд, очевидно, что, если гражданское дело рассматривается не в суде общей юрисдикции, а в арбитражном суде в соответствии с его компетенцией, то, одно это обстоятельство не может изменить существа дела и процесса по этому делу, он остается гражданским. Но в настоящее время уже и в Конституции РФ в редакции Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ появился новый вид судопроизводства – арбитражное судопроизводство. С подобным подходом возникает вопрос и о существовании в российском праве военного судопроизводства, так как, если следовать этому подходу, то, поскольку в судебной системе Российской Федерации есть военные суды, то должно быть и соответствующее им военное судопроизводство.

Приведенный пример указывает на взаимосвязь судоустройства и судопроизводства, но вместе с тем указывает и на недопустимость изолированного, обособленного подхода к изучению и правовому регулированию различных порядков осуществления правосудия.

В связи с этим по-прежнему заслуживает внимания идея судебного права. «Она выражает не только научную концепцию, теоретическую модель, но и прежде всего, реально существующее явление правовой жизни, само действующее право» [3, с. 3].

Итак, концепция судебного права объединяет те отрасли права, которые регулируют организацию правосудия и его осуществление по различным делам, отнесенным к компетенции судов Российской Федерации.

Это не означает, что отдельные процессуальные отрасли права теряют при этом свою самостоятельность и специальные признаки, но они объединяются непосредственным отношением каждой из этих отраслей к единой сфере государственной деятельности – правосудию. Каждая из этих процессуальных отраслей имеет свой кодифицированный источник, они могут и не совпадать по содержанию, но основополагающие принципы осуществления правосудия, которые не зависят от существа рассматриваемых дел, отличаться не должны. Вместе с тем действующее законодательство демонстрирует противоположный подход: например, в АПК РФ перечень средств доказывания, указанный в ч. 2 ст. 64, не является исчерпывающим в отличие от всех других процессуальных кодексов, регулирующих правосудие по гражданским, уголовным, административным делам и делам об административных правонарушениях. Или можно еще привести пример о закреплении принципа законности в процессуальных кодексах: во всех кодексах принцип законности содержится в «одноименной» статье, и только в ГПК РФ такая статья отсутствует. На наш взгляд, таких и подобных им

отличий в содержании процессуальных кодексов быть не должно, такие отличия не имеют под собой никаких оснований. Также, например, высказывается и другой автор: «считаем целесообразным единообразно урегулировать принцип диспозитивности и исключения из него в гражданском и арбитражном процессах» [4, с. 75],

К институтам судебного права, кроме уже двух, указанных ранее, – судоустройственные и судопроизводственные принципы, доказывание и доказательства – также относят иск и обвинение, суд и стороны. Именно указанные институты в общих началах не должны содержать отличия в правовом регулировании. Например, при всех различиях в правовом положении суда на нем во всех видах судопроизводства лежит обязанность обеспечить правильное, справедливое и законное разрешение рассматриваемого дела, потому что суд является органом правосудия по всем делам во всех процессах. Стороны существуют только в суде, где нет суда, там нет и сторон, при этом стороны всегда выполняют противоположные функции: обвинение и защита, иск (материально-правовое требование) и ответ по иску (возражения).

В качестве заключения можно указать следующее: «...судебное право – это интегрированная, комплексная, публичная отрасль права, включающая в себя судоустройственное и судопроизводственное право по реализации функций судебной власти в порядке гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства» [5, с. 80].

Значение такого феномена заключается в том, что позволяет и объясняет необходимость правового регулирования общественных отношений, возникающих при осуществлении судебной власти, по вопросам судоустройства и судопроизводства по различным делам, отнесенным к компетенции судов, на единых началах, обеспечивающих реализацию конституционного права граждан и организаций на судебную защиту.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России). М. : Проспект, 2021. 64 с.
2. Воронов Е. Н. Система и принципы судебного права // Lex Russica. 2018. № 2 (135). С. 65–68.
3. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников ; под ред. В. М. Савицкого. М. : Наука, 1983. 223 с.
4. Курас Т. Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современный и исторический аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3. С. 69–77.
5. Попова Ю. А. Судебное право в контексте современного интегративного правопонимания // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 77–81.

Problems of Formation and Prospects of Development of Judicial Law in the Russian Federation

© N. N. Belousova, 2024

Abstract. The author considers the need to continue the formation and development of judicial law in the Russian Federation and addresses the issue of the logical sequence of reflecting this process in Russian legislation on the judicial system and judicial proceedings, shows their existing objective relationship, which must be taken into account when changing legislation and creating new legislation.

Keywords: judicial law, judicial system, judicial proceedings, judicial power, justice.

Белоусова Наталья Николаевна – старший преподаватель, кафедра судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: sudkaf@law.isu.ru

Belousova Nataly Nikolaevna – Senior Lecturer, Department of Justice, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: sudkaf@law.isu.ru

Отказ в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: актуальные тенденции в практике арбитражных судов

© А. А. Гавриленко, 2024

Аннотация. Проанализированы основные тенденции, складывающиеся в практике арбитражных судов при рассмотрении обращений о признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений.

Ключевые слова: арбитражный суд, арбитраж, арбитражная оговорка, «дружественная юрисдикция», арбитражное решение, признание иностранных судебных актов, публичный порядок.

Учитывая существенное санкционное давление в отношении нашей страны, вопросы признания и приведения в исполнение и решений иностранных судебных органов и арбитражей крайне актуальны.

В соответствии с процессуальным законодательством (ч. 1 ст. 241 АПК РФ) акты иностранных судов (арбитражей) признаются и приводятся в исполнение в Российской Федерации арбитражными судами, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом.

Отметим, что в соответствии с позицией Верховного Суда РФ арбитражный суд при оказании международной правовой помощи применяет международный договор, устанавливающий механизм взаимодействия компетентных органов государств, обеспечивающий наиболее быстрое и менее формализованное взаимодействие таких органов, как направленный на более быстрое восстановление нарушенных (оспоренных) прав [1, п. 28].

Исходя из процедуры, регламентированной гл. 31 АПК РФ, арбитражный суд ограничивается рассмотрением наличия/отсутствия оснований для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда (арбитража).

Обратим внимание, что пересмотр вынесенного акта иностранного органа по существу не допустим. Поэтому в случае несогласия с выводами суда и наличием ошибок материально-правового характера, должнику необходимо апеллировать к нарушению публичного порядка [2].

Учитывая санкционное давление на наше государство, существенный интерес представляет формирование практики арбитражных судов и Верховного Суда РФ по применению п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ, являющейся имплементацией подп. «б» п. 2 ст. V Нью-Йоркской Конвенции ООН 1958 г. [3] Согласно ему компетентный суд вправе отка-

зять в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, если такое признание и приведение в исполнение противоречит публичному порядку страны суда.

Под публичным порядком в целях применения названных норм понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц [4, п. 51; 5].

Одним из элементов публичного порядка является право на суд и возможность его ограничения по собственной воле путем обращения к альтернативным способам разрешения споров, в том числе в международный коммерческий арбитраж [6, п. 41].

Анализ актуальной практики арбитражных судов свидетельствует о том, что на разрешения вопроса о возможности признания и приведения в исполнение решения иностранного суда (арбитража) существенное влияние оказывает наличие у заявителя регистрации на территории дружественного или недружественного государства [7].

Применительно к решениям иностранных судов (арбитражей) дружественной юрисдикции сохраняется положительная практика возможности их признания и приведения в исполнение в отношении должников – организаций, зарегистрированных в РФ [8, 9, 10, 11, 12].

Отказ в удовлетворении заявления наиболее распространен в случае несоблюдения процедуры надлежащего извещения, что должно устанавливаться арбитражными судами первой инстанции [13].

Например, отечественные суды критически относятся к направлению судебных извещений через мессенджеры [14], извещению не по месту регистрации организации, указанному в ЕГРЮЛ [15].

Также суды обращают внимание, что нарушение публичного порядка имеется и в ситуации, когда договором предусмотрено «... что все споры, связанные с настоящим контрактом, будут рассматриваться в государственном суде Российской Федерации», также означает невозможность признания решения вынесенного на территории иностранного государства [16]. Негативная оценка такого подхода достаточно распространена [17, с. 144].

Обратим внимание, что формируется неоднозначная практика рассмотрения возможности извещения иностранными судами и арбитражами через электронную почту. Арбитражные суды как признают такое извещение надлежащим [18], так и относятся к нему отрицательно, ввиду отсутствия указания такой возможности обмена сообщениями в соглашении сторон [19], или отсутствия перевода на русский язык [20].

Обратим внимание, что данной процедурой могут воспользоваться и отечественные взыскатели, при условии, что у иностранного должника имеется имущество на территории РФ [21].

Относительно удовлетворения заявлений о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда (арбитража) взыскателей из недружественных стран, практика формируется не в пользу таких заявителей.

Анализ актуальной практики арбитражных судов применительно к основаниям для отказа в удовлетворении заявлений о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда (арбитража) взыскателей из недружественных стран свидетельствует, что нарушение публичного порядка усматривается судами в следующих ситуациях.

Это включение (положительное решение о включении) взыскателя в перечень подсанкционных лиц [22].

Или нарушение принципа соразмерности гражданско-правовой ответственности, предполагающего восстановление нарушенного права, но не обогащение в результате защиты нарушенного (оспоренного) права (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ) [23].

Помимо этого, нарушение публичного порядка следует из несоблюдения принципа объективности и беспристрастности суда (арбитры – граждане недружественных стран) [23, 24].

Равно, нарушения права на защиту, выразившиеся в не направлении должнику решения, а также невозможности реализовать право на получение юридической помощи на территории недружественного государства, ввиду отклонения иностранными банками оплаты судебных сборов и услуг представителей [23].

Отметим, что нарушение правил о компетенции суда является безусловным основанием в отказе в удовлетворении заявления по рассматриваемой процедуре как для судов и арбитражей дружественной юрисдикции [24], так и недружественной юрисдикции [26].

В соответствии со ст 248.1 и 248.2 АПК РФ, к исключительной компетенции российских арбитражных судов относятся дела по спорам с участием лиц, в отношении которых иностранные публично-правовые образования применили меры ограничительного характера. Поэтому нарушение этих правил также свидетельствует о несоблюдении требований

компетенции и, соответственно, публичного порядка, в случае вынесения решения в отношении такого должника иностранным судом [27].

Обратим внимание, что существенное влияние на применение данных норм оказывает практика Конституционного Суда РФ. В соответствии с ней не подлежит защите право, реализация которого правообладателем обусловлена следованием режиму санкций против России и её хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с международными договорами, участником которых является Российская Федерация [28].

Складывающаяся практика применения категории публичного порядка будет, несомненно, адаптироваться к текущим вызовам. В настоящее время происходит ее активное формирование, но учет ее необходим, так как это позволит адекватно оценить перспективы по имеющимся спорам, а также выстроить отношения с новыми иностранными партнерами.

Литература

1. О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23. URL: [https://vsrf.ru/documents/own/16147/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://vsrf.ru/documents/own/16147/(дата обращения 25.10.2024)).
2. Определение арбитражного суда г. Москвы от 13 февраля 2024 г. по делу № А40-107975/23-141-834. URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024)).
3. О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Конвенция Организации Объединенных Наций (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения 25.10.2024).
4. О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/ (дата обращения 25.10.2024).
5. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений : информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 № 156. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144311/ (дата обращения 25.10.2024)
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 5 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/26303/> (дата обращения 25.10.2024)
7. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р. URL: <http://government.ru/docs/44745/> (дата обращения 25.10.2024)
8. Определение арбитражного суда Вологодской области от 12 сентября 2024 г. по делу № А13–7628/2024 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
9. Определение арбитражного суда г. Москвы от 23 мая 2024 г. по делу № 40–137854/24–3-938 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
10. Определение арбитражного суда г. Москвы от 13 мая 2024 г. по делу № А40–298335/23–107–2244 [Электронный ресурс] URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))

11. Определение Московской области от 03 сентября 2024 г. по делу № А41–105929/23 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
12. Определение арбитражного Свердловской области от 10 сентября 2024 г. по делу № А60–35840/2024 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
13. Постановление арбитражного суда Московского округа от 28 августа 2024 г. дело № А40–15548/2024 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
14. Определение арбитражного суда Липецкой области от 06 августа 2024 г. по делу А36–5093/2024 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
15. Определение арбитражного суда г. Москвы от 23 мая 2024 г. по делу № А40–15548/24–68–118 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
16. Определение арбитражного суда Ростовской области от 02 февраля 2024 г. по делу А53–27506/23 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
17. Сидорова, Т. Ю. Компетенция международных арбитражных учреждений: вопросы соотношения международного и национального права // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4(95). С. 142–148.
18. Определение арбитражного суда г. Москвы от 23 мая 2024 г. по делу № А40–15548/24–68–118 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
19. Определение арбитражного суда Ростовской области от 16 марта 2024 г. по делу № А53–33710/2023 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\) URL: https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
20. Определение арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 24 июля 2024 года по делу № А58–1804/2024 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\) URL: https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
21. Определение арбитражного суда г. Москвы от 09 сентября 2024 г. по делу № А40–50240/24–3–379 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\) URL: https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
22. Определение арбитражного суда Московской области от 29 июля 2024 г. дело № А 41–2687/23 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\) URL: https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
23. Определение ВС РФ от 26 июля 2024 г. по делу № 304–ЭС24–2799 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\) URL: https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
24. Определение арбитражного суда Свердловской области от 16 августа 2024 года по делу № А60–24839/2024 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\) URL: https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
25. Определение арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15 июля 2024 года по делу № А56–44978/2024 . URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\) URL: https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
26. Определение арбитражного суда Ростовской области от 16 марта 2024 г. по делу № А53–33710/2023 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\) URL: https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
27. Определение арбитражного суда Свердловской области от 16 августа 2024 г. по делу № А 60–24839/2024 URL: [https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\) URL: https://ras.arbitr.ru/\(дата обращения 25.10.2024\)](https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения 25.10.2024))
28. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 N 8-П URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=603612301&backlink=1&nd=102462078&rdk=0> (дата обращения 25.10.2024)

Refusal to Recognize and Enforce Foreign Judgments and Arbitral Awards: Current Trends in Arbitral Tribunal Practice

© A. A. Gavrilenko, 2024

Abstract. The main trends in the practice of arbitral tribunals in considering applications for recognition and enforcement of foreign judicial and arbitral decisions are analysed.

Keywords: arbitral tribunal, arbitration, arbitration clause, “friendly jurisdiction”, award, recognition of foreign judicial acts, public policy.

Гавриленко Артем Александрович – старший преподаватель, кафедра судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: sudkaf@law.isu.ru

Gavrilenko Artem Aleksandrovich – Senior Lecturer, Department of Judicial Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: sudkaf@law.isu.ru

Новое в упрощенном и приказном производстве

© В. В. Джура, 2024

Аннотация. Анализируются новые положения гражданского и арбитражного процессуального законодательства, регламентирующие судебный порядок в приказном и упрощенном производстве. Проиллюстрированы правовые позиции по отдельным процессуальным аспектам и правовым ситуациям. Сделаны выводы о новых положениях в отдельно взятом судебном порядке при соотношении приказного, упрощенного производства с исковым производством по различным критериям и основаниям.

Ключевые слова: упрощенное производство, приказное производство, малые иски, судебные акты.

Массив судебных актов, вынесенных в гражданском и арбитражном судопроизводстве, в основном принимается в упрощенном и приказном производстве исходя из стопроцентного соотношения всех решений по существу в сторону более половины судебных актов по рассмотренным малым искам и заявлениям о выдаче судебных приказов для их исполнения. Тому есть множественно причин, оснований и критериев для выделения отдельно взятого порядка, включая возможности для вынесения итогового судебного акта.

Кардинальные изменения с 1 сентября 2024 г. позволили практикам и ученым по новому взглянуть на приказное и упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: по каким требованиям выдают приказ и выносят решение в упрощенном производстве; каков судебный порядок по действующему процессуальному законодательству (далее – ГПК РФ, АПК РФ), каковы изменения процессуальных сроков, способы и порядок обжалования судебных актов и иные процессуальные аспекты.

Рассматривая приказное производство, практики и ученые выделяют парные категории: преимущества и недостатки. К числу преимущественных качеств в сравнении с исковой процедурой у приказного производства их несколько: оно дешевле, быстрее, проще и не требует соблюдать досудебный порядок. Госпошлина за подачу заявления о выдаче судебного приказа составляет всего 50 % от той, что нужно заплатить при подаче иска с аналогичным требованием (подп. 4.1 п. 1 ст. 333.21 НК РФ). Судья рассматривает заявление о выдаче приказа всего за 10 рабочих дней. Общий срок разбирательства в общем исковом порядке – шесть месяцев (АПК РФ) и два месяца (ГПК РФ), если иные сроки не установлены действующим процессуальным законодательством, в упрощенном порядке – два месяца (ч. 2 ст. 229.5 АПК РФ, ст. 232.1 ГПК РФ). В приказном производстве нет судебных заседаний. Взыскателю не нужно заключать договор с представителем для защиты

своих интересов в суде. Судебные издержки в приказной производстве меньше, чем в исковом производстве (ч. 2 ст. 229.5 АПК РФ). До получения приказа не нужно направлять должнику претензию. Обязательный досудебный порядок предусмотрен только для дел искового производства. Приказное производство само по себе выполняет роль досудебной процедуры, либо промежуточного судебного акта: если взыскатель не сможет получить приказ, то сможет подать иск.

Недостатки приказного производства в сравнении с исковым производством заключаются в следующем. Приказное производство может затянуться. Взыскатель не сможет точно определить дату, когда он получит на руки судебный приказ, чтобы получить денежные средства. Это связано с тем, что копию судебного приказа нужно вручить должнику, чтобы тот мог прислать возражения. Срок на подачу возражений течет либо с даты получения должником копии судебного приказа, либо с даты, когда истечет срок хранения письма на почте. Приказное производство может завершиться безрезультатно. У взыскателя нет гарантий того, что ему впоследствии не придется подавать иск. Такое возможно, если должник заявит возражения против приказа (ч. 3 ст. 229.5 АПК РФ, ст. 129 ГПК РФ). Взыскатель не сможет устно донести свою позицию до суда. При вынесении приказа суд изучает только письменные доказательства. Суд не может привлечь третьих лиц, а также вызвать свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков. В приказном производстве суд не принимает обеспечительные меры и не удовлетворяет аналогичные ходатайства, не пересчитывает сумму долга на дату вынесения судебного приказа [1].

Отдельного осмысления требуют правовые ситуации о взыскании долга с помощью нескольких судебных приказов и наличия спора о праве; об одновременном взыскании долга и расторжении договора; о взыскании основного долга и процентов за просрочку платежа; о взыскании долга с нескольких должников, о взыскании долга, срок платежа по которому еще не наступил, либо истек срок исковой давности; о взыскании с должника текущих платежей в рамках процедуры банкротства; о взыскании долга в иностранной валюте; о возможности заключения мирового соглашения, повышении размера госпошлины, включая обжалование судебного акта в вышестоящей судебной инстанции; о взыскании судебных расходов, в том числе расходы на судебного представителя [2].

Рассматривая упрощенный порядок в гражданском и арбитражном процессе следует обозначить динамику повышения предельно допустимых сумм по малым искам. До 1 октября 2019 г. в арбитражном судопроизводстве в упрощенном порядке рассматривались споры с суммой иска до 500 тыс. руб. для организаций и 250 тыс. руб. для

предпринимателей. До 5 января 2024 г. пороговая сумма была меньше: 800 тыс. руб. для организаций и 400 тыс. руб. для предпринимателей. В настоящее время сумма иска не должна превышать 1,2 млн руб. для исков к организациям и 600 тыс. руб. для исков к индивидуальным предпринимателям (п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ) [3]. Малые иски в гражданском процессе могут быть поданы в гражданском процессе с 1 сентября 2024 г. в соответствии со ст. 232.2 по требованиям о взыскании денежных средств или истребовании имущества, если цена иска не превышает 250 тыс. руб. и 100 тыс. руб. по требованиям о признании права собственности [4].

В отличие от приказного в упрощенном производстве есть спор о праве, суды рассматривают требования истца, против которых ответчик возражает. Тогда как в приказном производстве должник возражает по исполнению судебного приказа. Упрощенное производство представляет собой порядок рассмотрения дел, при котором судья рассматривает дело единолично; не извещает участников процесса о времени и месте рассмотрения дела; не составляет протокол и не ведет аудиозапись заседания; не откладывает разбирательство дела; не объявляет перерыв в заседании; составляет решение в виде резолютивной части и публично его не оглашает.

До последних изменений АПК РФ дела упрощенного производства рассматривались без проведения судебных заседаний. С 5 января 2024 г. арбитражный суд может провести судебное заседание без перехода к рассмотрению дела по общим правилам, с учетом характера и сложности дела, по своей инициативе или по ходатайству участников процесса (абз. 4 ч. 5 ст. 228 АПК РФ).

Судебные ошибки верного судебного порядка определяются исходя из неверного подсчета суммы иска и неправомерного перехода из искового общего производства к рассмотрению дела в упрощенном порядке, включая случаи, когда сторона была не согласна на такой переход. Отдельного исследования требуют основания для выхода из упрощенного производства, предоставление правильного расчета, порядок истребования и предоставления доказательств, включая новые в установленный законом срок [5].

В случае если сторона не успевает представить в суд доказательства или устно желает донести свою позицию до суда, нужно перейти из упрощенного порядка в обычное исковое производство. Для этого существует четыре способа: увеличение суммы иска, заявление о встречном иске или заявление третьего лица о вступлении в дело, либо подача ходатайства о переходе к рассмотрению дела по общим правилам.

Особенности по обжалованию судебного акта в суде апелляционной инстанции, вынесенного в упрощенном производстве и, наоборот, при переходе в общий порядок может породить ряд ошибок, влекущие нарушение принципа законности. Например, суд округа посчитал, что суд апелляционной инстанции существенно нарушил процессуальный закон: жалобу нужно было рассмотреть коллегиально и в заседании, поскольку такой переход был установлен в определении [6]. Тогда как решения арбитражных судов по делам, рассмотренный в упрощенном производстве надлежит рассматривать судам апелляционной инстанции в порядке ст. 272.2 АПК РФ, с. 335.1 ГПК РФ судьей единолично без проведения судебного заседания и без извещения сторон по имеющимся в деле доказательствам. В случае если суд апелляционной инстанции обнаружит безусловные процессуальные нарушения либо выяснит, что первая инстанция не могла рассматривать дело в упрощенном порядке, она отменит решение и рассмотрит дело по правилам первой инстанции. Новые доказательства допустимо представлять в суд апелляционной инстанции исключительно в том случае, если суд обнаружит безусловные основания для отмены решения (п. 50 постановления ВС № 10). Тогда все дополнительные доказательства суд разместит на своем сайте в режиме ограниченного доступа и стороны обязаны следить за движением дела, в ином случае они несут негативные последствия (п. 52 постановления ВС № 10).

Обжаловать судебные акты, принятые в приказном и упрощенном производстве в суд кассационной инстанции допустимо в силу существенных нарушений норм материального и процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможно восстановить нарушенные права (ч. 3 ст. 288.2 АПК РФ, ст. 379.7 ГПК РФ).

Анализ изменений действующего законодательства позволяет прийти к выводу о дифференциации судебного порядка, его правильного выбора судом и сторонами, об оптимизации судебной нагрузки, развития принципа косвенного закрепления – процессуальной экономии. Повышение государственной пошлины и сумм иска (заявлений), позволяющие рассмотреть требования в упрощенном и приказном производстве не породит желание граждан, организаций и учреждений меньше обращаться в суды, но даст перспективу развития досудебного регулирования спора (конфликта), достижения компромисса. Действующие изменения в приказном и упрощенном производстве позволят сторонам задуматься и соотнести риски обращения в суд в условиях наличия промежуточных и итоговых судебных актов, их результатов в условиях разного судебного порядка. В отдельных случаях, предусмотренных законом, каждый вправе выбрать для себя правильный путь в пользу быстрого и экономически целесообразного решения конфликта, находя некий баланс интересов спорящих сторон.

Литература

1. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2016 г. № 62 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации № 3/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апр. 2017 г. № 10 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 апр. 2019 г. № Ф05-3515/2019 по делу № А40-61299/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

New in simplified and ordered production

© V. V. Dzhura, 2024

Abstract. The new provisions of civil and arbitration procedural legislation regulating the judicial procedure in writ and simplified proceedings are analyzed. Legal positions on certain law enforcement aspects and legal situations are formulated. Conclusions are given about the new provisions in a separate judicial procedure in the ratio of writ, simplified proceedings with a claim on various criteria and grounds.

Keywords: simplified proceedings, writ proceedings, small claims, judicial acts.

Джура Виктория Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра гражданского, административного и уголовного судопроизводства, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Иркутск, e-mail: viktorya. dzhura@yandex.ru

Dzhura Victoria Vladimirovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil, Administrative and Criminal Proceedings, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, e-mail: viktorya. dzhura@yandex.ru

К вопросу о злоупотреблении процессуальным правом в гражданском судопроизводстве

© А. Ю. Кравцов, 2024

Аннотация. Анализируются положения гражданского процессуального законодательства, направленные на предотвращение злоупотребления процессуальными правами со стороны участников гражданского судопроизводства. Формулируется вывод о недостаточности процессуальных мер, направленных на противодействие злоупотреблению процессуальным правом, в действующем законодательстве. Предлагается внести изменения в гражданское процессуальное законодательство, направленные на совершенствование механизма противодействия злоупотреблению процессуальными правами.

Ключевые слова: лица, участвующие в деле; процессуальные права; добросовестность; злоупотребление.

Одним из ключевых принципов гражданского судопроизводства является принцип диспозитивности, который предполагает самостоятельность и инициативность в реализации лицами, участвующими в деле, своих процессуальных прав. Очевидно, что основа рассматриваемого процессуального принципа базируется на природе гражданско-правовых отношений, поскольку при рассмотрении дела судом стороны продолжают оставаться участниками предполагаемого гражданско-правоотношения. Несмотря на отсутствие нормативного закрепления понятия данного принципа, его содержание выводится из ряда норм процессуального права. Оно сводится к тому, что движение процесса, переход его из одной стадии в другую зависят от волеизъявления сторон и иных лиц, участвующих в деле, относительно реализации ими своих процессуальных прав. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ [1] (далее – ГПК РФ), лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Вместе с тем на практике нередко возникают ситуации, когда участники процесса используют свои права не в соответствии с их назначением, а исключительно с целью затягивания судебного разбирательства, создания препятствий для оппонента или получения иных преимуществ. Такие действия квалифицируются как злоупотребление процессуальными правами.

Однако, несмотря на саму возможность злоупотребления процессуальными правами, процессуальное законодательство не упоминает данное негативное правовое явление. Поэтому для понимания сущности злоупотребления необходимо обратиться к основополагающим положениям гражданского законодательства. Так, согласно ст. 10 Гражданского кодекса РФ [2] (далее – ГК РФ), не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред

другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Таким образом, злоупотребление правом заключается в действиях лица, формально соответствующих закону, но направленных на достижение целей, противоречащих назначению этих прав.

Злоупотребления процессуальным правом в гражданском судопроизводстве проявляются в различных формах. Наиболее распространенными в практике являются следующие формы злоупотреблений: предъявление заведомо необоснованных исков; заявление необоснованных ходатайств (об отводе судьи или иных участников процесса, об истребовании доказательств, о назначении экспертизы, о привлечении третьих лиц и др.), неявка в судебное заседание по надуманным причинам, соответствующим критерию уважительности; подача необоснованных апелляционных жалоб.

Несмотря на отсутствие в ГПК РФ общего запрета злоупотребления правом, как это сделано в гражданском законодательстве (ст. 10 ГК РФ), он закрепляет ответственность для участников процесса, допустивших конкретные процессуальные злоупотребления. Так, для предотвращения злоупотребления сторонами правом на участие в судебном заседании законом предусмотрены институт заочного производства (при недобросовестной неявке ответчика), а также полномочие суда по оставлению искового заявления без рассмотрения (в случае недобросовестной неявки истца или обеих сторон). Если сторона уклоняется от участия в экспертизе или не представляет экспертам необходимые материалы и документы для исследования, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [3] разъяснено, что суд вправе отнести судебные издержки на лицо, злоупотребившее своими процессуальными правами и не выполнившее своих процессуальных обязанностей, либо не признать понесенные им судебные издержки необходимыми, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию итогового судебного акта. Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ распространил на гражданский процесс процессуальные последствия злоупотребления процессуальными правами, применяемые в арбитражном процессе (ч. 2 ст. 110 АПК РФ) [4].

Следует отметить, что в отличие от гражданского процессуального законодательства, арбитражное процессуальное законодательство более совершенно в части установления последствий злоупотребления участниками процесса процессуальными правами. Так, помимо отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребившее своими правами, нормы АПК РФ предоставляют арбитражному суду право отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта.

Отсутствие в ГПК РФ общих правил о последствиях злоупотребления процессуальными правами, не только не способствует противодействию типичным формам злоупотреблений, которые в большинстве своем влекут затягивание процесса, но и влечет за собой появление новых форм злоупотребления. Здесь весьма показательным гражданское дело, рассмотренное Северобайкальским городским судом Республики Бурятия по исковому заявлению Северобайкальского межрайонного природоохранного прокурора в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц к АО «Регионстрой» о признании незаконной деятельности по добыче полезных ископаемых и запрете осуществлять хозяйственную деятельность по добыче полезных ископаемых. К участию в деле были привлечены третьи лица. Суд первой инстанции 9 июня 2021 г. вынес решение по делу, которым искивые требования прокурора были удовлетворены в полном объеме. Ответчик не согласился с решением суда и подал апелляционную жалобу в Верховный Суд Республики Бурятия. Суд апелляционной инстанции оставил в силе решение, однако апелляционное определение было вынесено только 30 января 2023 г. [5].

Такое длительное рассмотрение дела судом апелляционной инстанции было обусловлено тем, что дело неоднократно снималось с апелляционного рассмотрения в связи с подачей жалоб как лицами, привлеченными к участию в деле, так и лицами не привлеченными к участию в деле. При этом оснований для признания нарушенными прав лиц, не привлеченных к участию в деле, судом не было установлено. Из жалоб указанных лиц суд апелляционной инстанции усмотрел, что фактически они подавались с целью затянуть апелляционное рассмотрение данного дела. Кроме того, злоупотребления допускали и лица, привлеченные к участию в деле. Она подавали апелляционные жалобы за пределами срока апелляционного обжалования с ходатайством о восстановлении пропущенного срока, в чем им было отказано, и обра-

щались с частными жалобами на определения суда об отказе в восстановлении процессуального срока, что также приводило к снятию дела с апелляционного рассмотрения. Таким образом, в результате злоупотреблений процессуальным правом на апелляционное обжалование судебное решение вступило в законную силу лишь спустя 2,5 года. Представляется, что во-многом это произошло из-за несовершенства механизма правовой защиты от злоупотребления процессуальными правами лицами, как привлеченными, так и не привлеченными к участию в деле.

Как представляется, одним из способов решения указанной проблемы могло бы стать включение в ГПК РФ правила, согласно которому суд мог бы с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывать лицу в реализации принадлежащего ему процессуального права.

Кроме того, в целях обеспечения правовой определенности необходимо нормативно закрепить в ГПК РФ указанное Пленумом Верховного Суда РФ правило о взыскании судебных расходов с лица, злоупотребившего процессуальным правом, как это предусмотрено положениями АПК РФ. Целесообразно также интегрировать в ГПК РФ положение арбитражного процессуального законодательства, согласно которому суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, за исключением случая, если заявитель не имел возможности подать такое заявление или такое ходатайство ранее по объективным причинам.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 янв. 2016 г. № 1 // Российская газета. 2016. № 43 (01 марта).
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Бурятия от 30.01.2023 дело № 33-347/2023 // Архив Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации за 2023 г.

On the Issue of Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings

© A. Y. Kravtsov, 2024

Abstract. The provisions of civil procedural legislation aimed at preventing abuse of procedural rights by participants in civil proceedings are analyzed. A conclusion is made about the insufficiency of procedural measures aimed at counteracting abuse of procedural rights in the current legislation. It is proposed to amend civil procedural legislation aimed at improving the mechanism for counteracting abuse of procedural rights.

Keywords: persons involved in the case, procedural rights, good faith, abuse.

Кравцов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, декан, юридический факультет, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, e-mail: kravcoff@list.ru

Kravtsov Aleksey Yuryevich – Candidate of Juridical Sciences, Dean of the Faculty of Law, Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, e-mail: kravcoff@list.ru

Промежуточные решения суда и решения, выполняющие функции промежуточных

© В. Г. Нестолий, 2024

Аннотация. Подчеркивается значимость изучения теоретического понятия промежуточного решения суда. Разграничивается промежуточное решение суда и решение суда, которое выполняет функции промежуточного. Разъясняется, что решения, выполняющие функции промежуточных, известны российскому правопорядку (законодательству и практике его применения). Отмечено, что термин «промежуточное решение» известен российскому законодательству, но такие решения в гражданском и арбитражном процессе не встречаются.

Ключевые слова: промежуточное решение суда, заочное производство, право на удовлетворение иска.

Цель доклада заключается в разграничении понятий промежуточного решения суда и решения суда, выполняющего функции промежуточного. Для достижения цели необходимо решить задачу по определению названных решений. Актуальность объясняется работами по совершенствованию гражданского процессуального законодательства и практикой его применения судами. Вполне вероятно, что понятие промежуточного решения суда окажется востребованным в новом процессуальном законодательстве. Относительно решения, которое выполняет функции промежуточного, следует показать, что данное решение востребовано практикой, с одной стороны. И такое решение не является промежуточным решением суда, с другой стороны. Актуальность темы доклада подтверждается недавно опубликованной статьей В. Ю. Сильченко о промежуточных решениях в обособленных производствах по делам о банкротстве [1, с. 222–230].

Что есть промежуточное решение суда? Какое решение является промежуточным? В научной литературе о промежуточных решениях высказаны разные суждения. На востребованность промежуточных решений указала И. В. Решетникова. Профессор высказала позицию, согласно которой промежуточным является решение, которое не является окончательным. «В России и заочное решение, и судебный приказ – это разновидности промежуточных решений», – сказано И. В. Решетниковой [2, с. 65]. Относительно заочного решения следует сказать, что нет необходимости именовать его промежуточным решением, поскольку у такого решения есть собственное наименование – заочное решение. Его особенность состоит в том, что оно может быть отменено постановившим его судом, в том производстве, в котором оно было принято. Особенность объясняется тем, что суд постановляет заочное решение только по доказательствам одной стороны. Если дру-

гая сторона предоставит доказательства, из которых следует, что решение суда может быть иным, нежели то, которое было постановлено, суд отменяет собственное решение. Подобные решения известны не только заочному производству.

В ст. 280 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ [3] сказано, что суд должен принять новое решение об отмене предыдущего, если будет обнаружено место пребывания гражданина, объявленного умершим или признанного безвестно отсутствующим. В таком случае решение суда о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении его умершим не именуют промежуточным. Из п. 3 ст. 54 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [4] следует, что должник вправе погасить задолженность перед залогодержателем после принятия решения судом об обращении взыскания на заложенное имущество. В этом случае, как сказано в законе, суд отменяет свое решение об обращении взыскания. Согласно п. 82 постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 23 [5] суд должен по заявлению должника признать не подлежащим исполнению свое решение об обращении взыскания на предмет залога, если должник удовлетворит требование залогодержателя, обеспеченное залогом. Такое разъяснение закону не соответствует. Согласно закону, решение должно быть отменено тем же судом, что его постановил, и в том же производстве.

Существуют различия между отменой решения суда и признанием решения судебным актом, не подлежащим исполнению. Если решение суда отменено, то такое решение не имеет законной силы. Если решение суда не подлежит исполнению, такое решение не имеет свойства исполнимости, но сохраняет законную силу.

Представляется, что суд должен отменить свое решение другим решением, а не определением. Однако это предложение автора является спорным. С одной стороны, в производстве по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся и новым обстоятельствам суд общей юрисдикции может отменить свое решение постановлением в процессуальной форме определения (ч. 2 ст. 397 ГПК РФ). С другой стороны, в том же производстве арбитражный суд первой инстанции отменяет свое решение постановлением в процессуальной форме решения (ч. 1 ст. 317 Арбитражного процессуального кодекса РФ [6]).

Относительно признания заочного решения промежуточным, таким образом, следует сказать, что с таким признанием трудно согласиться. Заочное решение можно именовать промежуточным лишь в том смысле, в каком мы именуем промежуточным не вступившее в

законную силу решение суда первой инстанции, подразумевая тем самым, что такое решение не является окончательным, поскольку оно может быть обжаловано в суд апелляционной инстанции.

Относительно признания судебного приказа одной из разновидностей промежуточных решений следует сказать, что судебный приказ не является процессуальной формой решения. Судебный приказ есть процессуальная форма постановления суда (ч. 1 ст. 13 ГПК РФ), судебного акта (ч. 2 ст. 15 АПК РФ, ч. 1 ст. 16 Кодекса административного судопроизводства РФ [7]).

Судебный приказ можно именовать промежуточным решением, если термином решение обозначать любое постановление (решение, определение, судебный приказ), не являющее итоговым или окончательным.

Ценность суждений профессора И. В. Решетниковой о промежуточном решении состоит в том, что из них следует вывод: благодаря промежуточному решению суд может упростить производство по делу, ускорив его [2, с. 66].

Чтобы получить представление о промежуточном решении суда, важно обратить внимание на слова Н. Б. Зейдера о том, что промежуточным решением является приговор суда в части признания права на удовлетворение гражданского иска [8, с. 70].

Согласно ч. 2 ст. 309 Уголовно-процессуального кодекса РФ [9] суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. «Что является предметом промежуточного решения?», – ставит вопрос В. Ю. Сильченко [1, с. 225]. Если решение о признании права на удовлетворение иска является промежуточным, тогда вслед за цитируемым автором следует поставить вопрос, что является предметом промежуточного решения о признании за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска? Предмет решения – признание за истцом права на иск в материальном смысле. Возможны постановления суда о признании за истцом права на иск в процессуальном смысле, т. е. права на предъявление иска (п. 2 ст. 687 Гражданского кодекса РФ [10]), но такие постановления промежуточными решениями не являются. Тем не менее не всякое решение суда о признании за истцом права на иск в материальном смысле есть промежуточное решение. Так, например, М. А. Вкут заметила, что «приговор в части признания за потерпевшим права на удовлетворение иска выполняет функцию промежуточного решения» [11, с. 283]. По всей видимости, профессор М. А. Вкут исходила из того, что процессуальной формой решения о признании права на удовлетворение гражданского иска яв-

ляется не решение суда, а приговор суда по уголовному делу. Приговор – не промежуточное решение, а итоговое постановление суда по уголовному делу. Поэтому приговор не есть решение, хотя и выполняет функции решения промежуточного решения, поскольку признает за гражданским истцом право на удовлетворение его гражданского иска.

Промежуточное решение отличается от решения, выполняющего функции промежуточного, тем, что после вступления промежуточного решения в законную силу производство по делу может быть продолжено по инициативе хотя бы одной из сторон процесса (истца или ответчика). Таким образом, промежуточное решение может стать итоговым и окончательным решением, если ни одна из сторон не проявила инициативы к возобновлению процесса. После принятия промежуточного решения стороны могут совершить внесудебную мировую сделку и не возобновлять процесс. После вступления промежуточного решения суда стороны могут просить суд об утверждении мирового соглашения. Если стороны не придут к мировому соглашению, суд постановляет итоговое решение. Принимая итоговое решение об удовлетворении иска, тем самым, суд отменяет свое промежуточное решение о признании права на удовлетворение иска. В результате продолжает действовать постулат, согласно которому по одному делу не может быть принято двух решений.

Термин «промежуточное решение суда» известен российской науке гражданского процесса, а также российскому законодательству. Тем не менее промежуточные решения нам не встречаются. В свою очередь, решения суда, выполняющие функции промежуточных, российскому правопорядку известны. Такое решение может быть принято судом по иску о признании права на его удовлетворение. Такое решение, в частности, может быть принято по иску о признании за истцом права на заключение договора.

Литература

1. Сильченко В. Ю. Потенциал промежуточных и частичных решений в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14, № 3. С. 222–230.
2. Решетникова И. В. Судебные реформы 1864 и 2014 гг. // Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М., 2019. С. 56–67.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Об ипотеке (залоге недвижимости) : федер. закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
5. О применении судами правил о залоге вещей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 23 // Российская газета. 2023. 10 июля.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
8. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. 191 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
11. Вукот М. А. Глава 22. Постановления суда первой инстанции // Гражданский процесс России : учебник / под ред. М. А. Вукот. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 282–297.

Interim court Decisions and Court Decisions that Perform the Functions of Interim Decisions

© V. G. Nestoliy, 2024

Abstract. The report highlights the importance of studying the theoretical concept of an interim court decision. The report distinguishes between the concepts of an interim court decision and a decision of the court performing the functions of an interim one. It is explained that the decisions performing the functions of intermediate ones are known to the Russian legal order (legislation and practice of its application). In turn, the term “interim decision” is known to Russian law, but such decisions are not found in civil and arbitration proceedings.

Keywords: interim court decision, correspondence proceedings, the right to satisfaction of the claim.

Нестолий Вячеслав Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права и процесса, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, e-mail: nestoliy1@yandex.ru

Nestoliy Vyacheslav Gennadievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, e-mail: nestoliy1@yandex.ru

СЕКЦИЯ

«УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВА И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ»

Особенности результатов налогового контроля как средств доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях

© Е. В. Ефимов, 2024

Аннотация. В развитие теории средств доказывания С. Б. Россинского показано, что результаты налогового контроля имеют сложную структуру, поэтапное применение, взаимное влияние с иными средствами доказывания, что позволяет определить процессуальную многофункциональность как особенное свойство средств доказывания, ранее не отмеченное исследователями. Установлено проявление противоречивости качеств многофункциональных средств доказывания при выполнении различных функций. Предложен новый классифицирующий признак средств доказывания, дано определение.

Ключевые слова: налоговое преступление, уголовный процесс, средства доказывания, многофункциональное средство доказывания, налоговый контроль, результаты налогового контроля.

Развитие теории средств доказывания проф. С. Б. Россинского [1–5] идет в направлении локальной конкретизации основных положений на конкретные случаи практики. Налоговые преступления, ст. 198–199² УК РФ, показательны в этом отношении: при малой доле в общем количестве ($< 0,1\%$) ущерб от них велик (12 % суммарного от преступлений), они сложны и объемны [6; 7]. Это порождает специализацию отрасли (налоговые: спор, адвокат, консультант, эксперт по налогообложению, отдел по расследованию налоговых преступлений и т. д.) и специфику уголовного процесса с самого начала, с возбуждения, повод для которого – предоставленные следствию материалы налогового контроля (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ, введенная 09.03.2022, совместно со ст. 32 НК РФ).

Материалы налогового контроля создаются в процессе проведения налоговым органом мероприятий налогового контроля, и как форма несут в себе содержание – результаты налогового контроля. Состав направляемых следствию материалов – особый для каждого конкретного дела, но общими для всех дел являются акт и решение по налоговой проверке, письмо с хронологией и фабулой дела, сопроводительный документ, и приложение, обычно не содержащее первичные документы или регистры учета. Структура материалов налогового контроля не раскрывает правовой структуры результатов налогового контроля; имеются существенные особенности в делах одного и того же документационного состава.

Налоговый кодекс состав и содержание материалов налогового контроля не раскрывает, термин не разъяснен высшими судами и не регламентирован нормами правоприменителей. Структура результатов налогового контроля должна, согласно разъяснениям ВС РФ, устанавливать совершение налогоплательщиком налогового правонарушения,

что возможно только посредством налоговой проверки, т. е. в структуре материалов налогового контроля должно быть решение инспекции. На основании результатов налогового контроля устанавливаются признаки совершенного налогового преступления, и следствие возбуждает дело. В процессе расследования функциональное назначение материалов налогового контроля меняется: материалы становятся средствами доказывания «следового» типа. Важным становится изложенный в них фактический материал о составе налогового преступления. В делах о налоговых преступлениях обязательно проводится судебная экономическая экспертиза. Функциональное назначение результатов налогового контроля как средства доказывания опять меняется, их функционал становится функционалом вспомогательных средств доказывания, на основании которых эксперт проводит анализ и последующее расчетно-аналитическое исследование. В последующем результаты налогового контроля становятся основанием для определения размера ущерба от преступления в гражданском иске.

Таким образом, средства доказывания могут менять свое функциональное назначение в процессе проведения расследования. Как показано выше, материалы налогового контроля, содержащие результаты мероприятий налогового контроля как средства доказывания, обладают multifunctionalными свойствами.

Многofunctionalными средствами доказывания будем называть информационные объекты, без изменения своей структуры, формы и содержания исполняющие отличающиеся уголовно-процессуальные функции на различных стадиях уголовного судопроизводства. Указанное определение процессуальной multifunctionality средств доказывания дается впервые и основывается на определении средств доказывания С. Б. Россинского: под средствами уголовно-процессуального доказывания он понимает информационные объекты, прямо указанные в законе или обусловленные его смыслом, позволяющие субъектам уголовного судопроизводства устанавливать юридические факты по уголовному делу и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам – обеспечивать мотивированное влияние на содержание и форму таких решений [1, с. 39].

Процессуальная multifunctionality средств доказывания способна порождать противоречия, влияющие на ход и исход процесса доказывания. Налоговые органы проводят мероприятия налогового контроля за период, размер которого определен НК РФ и не гармонизирует со сроками уголовного преследования, определенными в УПК РФ. Налоговые проверки выявляют налоговые правонарушения, но целью налоговых органов является увеличение размера доначисленных налогов, а не выявление налоговых преступлений. Налоговые инспекции не уделяют должного внимания сохранению следов налоговых преступ-

лений, подтверждению умысла привлекаемых лиц на организацию уклонения от уплаты налогов [6, с. 128].

Особенностью следообразования налоговых преступлений является отражение их признаков исключительно в документах хозяйственного оборота. Структурная особенность документов – массовость, большой объем. Оборот как при реальной, так и имитированной с целью уклонения от налогов деятельности значителен. Без изучения всего объема недостижимы корректность расчета налоговой базы, установление соответствия первичных документов содержанию регистров бухгалтерского учета и специализированных документов налогового учета. НК РФ определяет оборот документов как незыблемую основу налогового учета, начисления, уплаты, возмещения и доначисления налогов.

Представляемые следствию в порядке ст. 32 НК РФ материалы налогового контроля не содержит указанных документов даже частично. При этом в методической разработке правоохранительных ведомств, разосланной письмом Генеральной прокуратуры РФ от 11.09.2020 № 36-10-2020, установлено: «налоговые экспертизы должны назначаться в кратчайшие сроки после возбуждения уголовного дела» [7, с. 26]. В самом начале предварительного расследования количество и качество документов в деле недостаточно для полноценной экспертизы. В итоге экспертизы проводят на неполных данных и разрушают дело. Например, апелляционным постановлением МГС от 22.08.2024 № 10-11651/24 закреплено, что эксперту не были предоставлены документы о коммерческой деятельности налогоплательщика за исследуемый период в полном объеме, что повлияло на установление точной суммы дохода, с которой подлежал уплате налог. Налогоплательщик был обязан оплачивать НДС не со всего объема выручки от реализации товара, а только с суммы комиссионного вознаграждения. Эксперт на допросе заявил, что ему не выдали необходимых документов, а суд первой инстанции необоснованно отказал в назначении дополнительной налоговой экспертизы.

В указанном случае заключение экспертизы указывает на недостаточный размер ущерба, который в действительности ниже, чем ущерб, необходимый для возбуждения уголовного дела. Таким образом, проявляется противоречие – результаты налогового контроля, несущие функцию исходных данных, послужили основанием появления средства доказывания, которое отрицает исходную функцию, ставит под сомнение законность возбуждения дела. Процессуальная многофункциональность материалов налогового контроля порождает на разных этапах противоречия, присущие их сущностному содержанию, и приводит к отмене решений предыдущих этапов.

Результаты повторных экспертиз подтверждают высокую частоту ошибочности в заключениях первичных экспертиз; по данным Минюста России из 585 повторных экспертиз, проведенных за последний год, выводы в 77,6 % случаев не совпали с выводами первоначальных заключений [8, с. 3], при этом доверие судов к фактам, установленным экспертизой.

Таким образом, результаты налогового контроля проявляют особенность в виде свойства процессуальной многофункциональности, которая является следствием особого порядка возбуждения уголовного дела по налоговому преступлению, особенностей проведения судебной налоговой экспертизы, устоявшейся судебной практики по делам о налоговых преступлениях и взаимосвязью указанных факторов. Для устранения проявляющихся противоречий необходима синхронизация и гармонизация правовых норм и процессуального порядка судебного делопроизводства по налоговым преступлениям.

Литература

1. Россинский С. Б. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 37–45.
2. Россинский С. Б. О широком и узком подходах к пониманию средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 246–255.
3. Россинский С. Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 80–87.
4. Россинский С. Б. Субъективные средства доказывания в уголовном судопроизводстве. // Юридическое образование и наука. 2023. № 02. С. 29–34.
5. Россинский С. Б., Расулова Н. С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 15–20.
6. Ряполова Я. П. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 126–134.
7. Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 11 авг. 2020 г. № 36–10–2020.
8. Бергман В. В. Если экспертиза необъективна, есть ли выход? URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/10/esliekspertiza_neobektivna_est_li_vyhod (дата обращения: 15.09.2024).

The Structure of Tax Control Results as a Means of Proof in Tax Crimes Cases

© Yefimov E. V. 2024

Abstract. In the development of the theory of means of proof by S. B. Rossinsky, it is shown that the results of tax control have a complex structure, step-by-step application, mutual influence with other means of proof, which allows us to objectively determine procedural versatility as a property of means of proof. The manifestation of inconsistency of the qualities of multifunctional means of proof in carrying out different functions is noted. A new classifying feature of the means of proof is proposed, a definition is given.

Keywords: tax crime, criminal procedure, means of proof, multifunctional means of proof, tax control, results of tax control.

Ефимов Евгений Валентинович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, соискатель, сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН, г. Москва, email: yefi@yandex.ru

Yefimov Eugene Valentinovich – Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, Applicant, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law RAS, Moscow, email: yefi@yandex.ru

Общественная опасность личности через призму диалектики

© В. А. Ильина, 2024

Аннотация. Посредством диалектического подхода рассматриваются отдельные стороны понятия «общественная опасность личности». Осуществляется поиск источника развития данного понятия через образующие его пары противоположностей. Обосновывается диалектическая логика разложения понятия «общественная опасность личности» по единицам: опасность и личность, на основе которой предложен вектор направлений дальнейших исследований.

Ключевые слова: общественная опасность, диалектика, личность преступника.

Понятие «общественная опасность личности», в отличие от понятия «общественная опасность деяния», не имеет законодательного определения. Между тем данное понятие широко используется в науках уголовно-правового цикла и имеет важное значение в судебной практике. Поиск разыскиваемого преступника, установление мотивов совершенного преступления, исследование обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, назначение наказания и многие другие вопросы связаны с понятием общественная опасность личности.

Одной из ключевых проблем в работе с понятием общественная опасность личности является неразрешенная в настоящее время дискуссия в части согласованности данного понятия с общей частью уголовного закона, согласно которой основанием уголовной ответственности является совершенное деяние (ст. 8 УК РФ), а не свойство или состояние деятеля. Не менее важными являются вопросы о том, какие обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого подлежат доказыванию; в чем отражается криминалистическая характеристика общественной опасности лица, совершившего преступление и каковы ее критерии.

Известным науке и позволяющим, согласно Гегелю, осознать форму внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета [1, с. 38], т. е. рассмотреть сущность понятия, является метод диалектики (подход, учение).

Приводить аргументы в пользу диалектического метода нет необходимости, поскольку он показал исторически свое значение [2, с. 39]. Все истинно научное мышление движется путем диалектики, писал Л. С. Выготский [3, с. 37]. Между тем применение диалектического метода в познании явлений окружающего мира задача непростая. Для применения данного метода необходимо обладать философскими знаниями в области диалектики, знать законы диалектического развития.

Идея рассмотреть проблему общественной опасности личности через призму диалектики связана с тем, что ключевые ее категории –

опасность и личность рассматривают чаще всего в качестве противоположностей в парах: опасность/безопасность; личность преступника / личность законопослушного человека. Правильность нахождения парных диалектических категорий (понятий) – ключевой и самый сложный мыслительный процесс. Если пара составляет лишь дихотомическое (формально-логическое) единство, то это не диалектическая пара, соответственно неверно будет понять источник развития явления (процесса).

Центральное место в понятии общественная опасность личности занимают две категории (единицы анализа): опасность и личность.

Понятие опасности раскрывается в специальной науке ноксологии (греч. *ноксо* – опасность), которая под опасностью понимает «свойство человека и компонент окружающей среды, способные причинить ущерб живой и неживой материи» [4, с. 8]. Потенциально опасным является любой предмет живой и неживой природы независимо от своих характеристик. По отношению друг к другу предметы окружающего мира в определенных условиях выступают возможными источниками опасности.

Философская категория «возможность» является основным признаком опасности наступления неблагоприятных обстоятельств (событий), угроза такого наступления. Возможность предполагает осуществимость чего-либо.

Возможность означает момент, предшествующий появлению предмета или явления, предпосылки их возникновения. Данная категория указывает на важный признак опасности – «отражать вероятность тех или иных следствий данного явления при данных условиях и собственном состоянии сущего как вещи». Диалектически категория «возможность» в своей консеквентной (последовательной) определенности связана с категорией «действительность», которая отражает конечный результат данного явления, его объективную реальность. В силу различия между возможностью и действительностью можно активно влиять на следствия того или иного явления – можно лечить болезнь, тушить пожар, победить в войне, т. е. тех следствий, которых не могли избежать или предотвратить [5, с. 188].

В диалектическом смысле возможность – есть тенденция возникновения и развития того, что уже имеется в действительности, но еще не стало наличным бытием (действительностью). Прохожий, на которого с крыши здания падает кирпич, подвергается опасности (возможности) получить травму до тех пор, пока не произойдет удар, что и станет моментом действительности. Можно сказать, что возможность – это будущее чего-либо в настоящем.

Опасности присущ вероятностный характер, отмечает П. В. Векленко, она не является проявлением фатальной предопределенности. Например, прохожий может отойти в сторону и кирпич упадет на землю. При этом вероятность – это количественная сторона возможности. Вариантов события может быть множество. Но объективный характер опасности постоянен. Так, упавший кирпич уже не взлетит, чтобы упасть вновь, и это исключает опасность падения данного конкретного кирпича. Таким образом, диалектически опасность можно определить через возможность: 1) действительность тенденции; 2) вероятностный характер; 3) поливариантность развития; 4) отсутствие противоречий с объективными закономерностями [6, с. 12].

В научных работах отмечается, что опасность диалектически связана с безопасностью. По нашему мнению, безопасность с опасностью связана лишь формально-логически (или дихотомически), но не диалектически. Отсутствие опасности (которая всегда конкретна) еще не означает наличие безопасности, равно и наоборот. Диалектически связанной противоположностью в паре с опасностью выступает категория «защищенность», по своей сути составляющая основу безопасности, но не сводимая к ней. Между понятиями «защищенность» и «безопасность» существуют немаловажные различия – это предметы разных классов. Безопасность – есть *состояние* защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз. Защищенность – это правовая категория, под которой понимается обеспеченность устойчивости против потенциального вреда и это понятие относится к *свойствам* объекта. Тогда как безопасность – это лишь состояние. Как известно свойство обращено вовне, а состояние внутрь себя. Диалектически отнесенные к разным классам (свойства и состояния) предметы не могут образовывать диалектическую пару.

Отсюда вывод – всякий раз необходимо устанавливать обстоятельства, связанные с защищенностью объекта подвигнувшегося опасности. Потерпевший чувствовал себя в безопасности: доверял, надеялся на помощь, однако в действительности этого не случилось, поскольку он не был обеспечен защитой.

В этой логике, применительно к личности лица, обвиняемого в совершении преступления, будет уместна формула прямо пропорциональной зависимости величин: чем более защищен объект, представляющий ценность для общества, тем выше общественная опасность лица, совершившего преступление и наоборот.

Следующая категория – личность, является центральной в науках гуманитарного цикла. При определении общественной опасности личности лица, совершившего преступление, исследователи руководствуются следующими признаками: низменные мотивы преступления; особо жестокий или изощренный способ его совершения; рецидив; обстоятельства, лежащие за рамками преступления, – пьянство, употребление наркотиков и т. д. <...> Понятие «общественная опасность личности преступника», по мнению авторов, означает, что «лицо способно и в будущем пренебречь общественными интересами и совершить преступление» [7, с. 141].

Согласно С. Л. Рубинштейну, личностью является человек у которого есть свои позиции, свое лицо [8, с. 638]. «Личностью является лишь человек, способный выделить себя из своего окружения для того, чтобы по-новому, сугубо избирательно связаться с ним» [2, с. 50–51]. Личность связана с способностью противопоставить себя обществу и одновременно быть в нем. При этом не всякое противопоставление приносит вред, за который следует общественное порицание или наказание.

Согласно диалектической логике личности вне общества не бывает. Личность – это социальное качество человека, формирующееся только в связи с его включенностью в социум (общество). В диалектическом смысле данная пара представлена как – человек, включенный в социум (общество) / общество, включенное в человека. В этом единстве и борьбе рождается новое явление, отраженное в категории «личность».

Вопрос о том, может ли общество составить диалектическую противоположность человеку, совершившему преступление, сводится к понятию «личность преступника». Личность преступника определяется, как лицо, совершившее преступление, в котором проявилась его антиобщественная направленность. Если личность – есть отражение общества в человеке, то личность преступника – есть отражение такого свойства общества в человеке, которое определяется как антиобщественное. Из этого следует, что личность преступника – есть отраженная в человеке антиобщественная сущность самого общества. В таком случае общество имеет в себе свои собственные внутренние противоречия и именно они являются источником появления такого явления, как личность преступника. Принимая понятие «личность преступника» за тождественное «общественной опасности личности», можно сделать выводы о том, что если уголовная ответственность за преступление возлагается на лицо, совершившее преступление, то моральная и иная ответственность – на общество его породившее.

В заключение важно отметить, что рассмотрение понятия «общественная опасность личности» через призму диалектики позволяет подходить к исследованию сущности данного понятия не феноменологически (например, выявлять посредством статистики типичные признаки лиц, совершивших преступление), а всесторонне, учитывая то, что речь должна идти о свойствах, а не состояниях; о защищенности, а не только ощущении (состоянии) безопасности; личностных качествах, а не индивидуальных, и, наконец, понимать, что потенциально опасным может каждый человек, в зависимости от условий в которых он формируется как личность. Диалектическая логика разложения понятия «общественная опасность личности» по единицам (опасность, личность) позволяет выбрать правильный вектор направлений дальнейших исследований.

Литература

1. Гегель Г. Ф. Наука логика. Т. 1. Объективная логика / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. Dallas, TX : Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.
2. Веракса Н. Е. Понятия нормативной ситуации в психологии личности (структурно-диалектический подход). Психологические исследования // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. № 2(2). С. 39–59.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. Основы дефектологии / под ред. Т. А. Власовой. М. : Педагогика, 1983. 368 с.
4. Трунова И. Г., Елькин А. Б. Основы ноксологии : учеб. пособие. Нижний Новгород: НГТУ им. Р. Е. Алексеева, 2015. 138 с.
5. Кузьмин Е. С. Система «Человек и мир» : монография : в 2 т. / науч. ред. В. И. Березовский. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2010. 314 с.
6. Векленко П. В. Опасность: сущность, структура, онтологические смыслы : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01. Омск, 2006. 151 с.
7. Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А. Юридическая психология : учебник. М. : Юрайт, 2019. 360 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2004. 713 с.

The Public Danger of the Individual Through the Prism of Dialectics

© V. A. Ilyina, 2024

Abstract. The article examines individual aspects of the concept of “public danger of personality” using a dialectical approach. A search is made for the source of development of this concept through the pairs of opposites that form it. The dialectical logic of decomposing the concept of “public danger of personality” into units is substantiated: danger and personality, on the basis of which a vector of directions for further research is proposed.

Keywords: public danger; dialectic; personality of the criminal.

Ильина Валентина Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, e-mail: avapeter@mail.ru

Ilyina Valentina Anatolyevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization and Methods of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor Office of the Russian Federation, Irkutsk, e-mail: avapeter@mail.ru

Особенности доказывания при расследовании преступлений в сокращенной форме дознания

© М. А. Митюкова, 2024

Аннотация. Рассмотрены особенности и проблемы доказывания при расследовании преступлений в сокращенной форме дознания, исследованы способы собирания доказательств, доказательственное значение полученных в стадии возбуждения уголовного дела материалов, сделаны выводы о пределах доказывания обстоятельств преступления применительно к сокращенной форме дознания.

Ключевые слова: предварительное расследование, дознание, сокращенная форма дознания.

Производство в сокращенной форме дознания выступает историческим наследием ранее существовавшей по УПК РСФСР протокольной формы досудебной подготовки материалов в уголовном процессе.

Сокращенная форма дознания возможна только по преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 150 УПК РФ, носящим очевидный характер – на момент возбуждения уголовного дела практически установлены обстоятельства совершенного деяния, известно лицо, его совершившее, лицо признает вину в совершении преступления, не оспаривает его квалификацию, вид и размер причиненного преступлением вреда.

Соответственно данные обстоятельства определяют особенности доказывания в сокращенной форме дознания, а именно обстоятельства преступления и вина лица устанавливаются способами собирания доказательств, предусмотренными в стадии возбуждения уголовного дела. Следовательно, способами собирания доказательств выступают следственные действия допустимые в данной стадии – осмотр предметов и документов, осмотр места происшествия, наружный осмотр трупа, производство освидетельствования и назначение и производство судебной экспертизы. Ст. 226. 5 УПК РФ предусматривает, что объяснения, полученные от правонарушителей, очевидцев, пострадавших лиц выступают в дальнейшем в качестве доказательства по уголовному делу. Существующие дискуссии о доказательственном значении объяснений, в силу отсутствия их в перечне доказательств, закрепленных в ст. 74 УПК РФ, с нашей точки зрения практического значения не имеют, поскольку они выступают таковыми в силу указания специальной нормы, действующей для сокращенной формы дознания. Необходимо отметить расширение законодателем гарантий прав участников процесса при получении объяснений – так, во всех случаях должны быть разъяснены правила ст. 51 Конституции РФ. В практической деятельности органов предварительного расследования в обязательном поряд-

ке обеспечивается участие защитника для правонарушителя в стадии возбуждения уголовного дела, потерпевшие имеют право пригласить адвоката самостоятельно. Полагаем, что по ходатайству пострадавшего лица участие адвоката может быть обеспечено дознавателем, что следовало бы предусмотреть в УПК РФ. Ранее мы отмечали необходимость расширения прав участников процесса в стадии возбуждения уголовного дела при назначении и производстве судебной экспертизы, приведение их в соответствие со ст. 198 УПК РФ. Возможность предложить дополнительные вопросы эксперту, кандидатуру эксперта либо конкретное экспертное учреждение, в сокращенной форме дознания обоснует достаточность проведенных экспертом исследований, и в определенной мере гарантирует не заявление ходатайств о проведении дополнительных либо повторных экспертиз в условиях коротких сроков сокращенного дознания. Кроме того, акты ревизий и документальных проверок, результаты оперативно-разыскных мероприятий, легализованные в дальнейшем в качестве доказательств в уголовном деле выступают средствами доказывания в сокращенной форме дознания. Также дознаватель в стадии возбуждения уголовного дела вправе истребовать необходимые предметы и документы, которые после приобщения к материалам дела приобретут статус вещественных доказательств, либо будут использоваться как доказательства – иные документы. Дознаватель может воспользоваться помощью специалиста при проведении следственных действий, при формировании вопросов эксперту, специалист высказывает свое суждение в заключении специалиста.

Дознаватель, учитывая возможность возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица и выяснения обстоятельств преступления способами, разрешенными в стадии возбуждения уголовного дела, при первом допросе разъясняет право подозреваемого на заявление ходатайства о проведении расследования в сокращенной форме дознания, при поступлении которого и принятии положительного решения, обязан известить потерпевшего и разъяснить ему право на заявление возражения. При поступлении возражения потерпевшего расследование в сокращенной форме дознания невозможно (ст. 226.2 УПК РФ). Отметим, что дознаватели неоднозначно встретили сокращенную форму дознания, поскольку в любой момент производства по уголовному делу вплоть до рассмотрения дела в суде, по ходатайству стороны уголовное дело может быть передано для расследования в общем порядке дознания (ст. 226.9 УПК РФ).

Отметим достаточно короткие сроки сокращенного дознания – 15 суток со дня принятия решения дознавателем о применении данной формы расследования, 3 суток из которых отводится на ознакомление

участников процесса с материалами уголовного дела, двое суток на проведение дополнительных следственных действий. По ходатайству дознавателя срок сокращенного дознания может быть продлен прокурором до 20 суток, либо уголовное дело передано для проведения расследования в общем порядке дознания. Соответственно данные сроки производства сокращенного дознания, определяются требованием закона по установлению дознавателем события преступления, виновности лица в совершении преступления, характера и размера причиненного вреда. Дознаватель обязан провести следственные действия, связанные с невозможностью утратой доказательств по уголовному делу. Допросы участников процесса могут проводиться, если стороны оспаривают содержание полученных в ходе опросов объяснений, либо возникает необходимость выяснения дополнительных фактических обстоятельств преступления. Судебные экспертизы назначаются, если стороны оспаривают полученное ранее заключение специалиста либо эксперта, возникла необходимость в установлении новых фактических обстоятельств дела, заключение эксперта выступает необходимым доказательством по уголовному делу, но в нарушение требований ст. 196 УПК РФ экспертиза не была назначена в стадии возбуждения уголовного дела.

Features of Evidence in the Investigation of Crimes in the Abbreviated Form of Inquiry

© М. А. Митюкова, 2024

Abstract. The features and problems of proof in the investigation of crimes in the abbreviated form of inquiry are considered, the methods of collecting evidence, the evidentiary value of materials obtained at the stage of initiation of a criminal case are investigated, conclusions are drawn about the limits of proving the circumstances of a crime in relation to the abbreviated form of inquiry.

Keywords: preliminary investigation, inquiry, abbreviated form of inquiry.

Митюкова Марина Александровна – старший преподаватель, кафедра судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: marina_mitukova@mail.ru

Mityukova Marina Alexandrovna – Senior Lecturer, Department of Judicial Law, Law Institute; Irkutsk State University, Irkutsk, 10, e-mail: marina_mitukova@mail.ru

**К вопросу о разграничении конфискации,
применяемой судом в рамках рассмотрения уголовных дел,
и последствий недействительности сделок, применяемых
в гражданском процессе:
подмена понятий или пробел правового регулирования?**

© С. С. Мухутдинов, 2024

Аннотация. Приводятся актуальные вопросы применения института конфискации при рассмотрении судами уголовных дел, приводится обоснование невозможности применения конфискации в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: конфискации, ничтожная сделка, недействительность сделки, обстоятельства, подлежащие доказыванию.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию относятся обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

Надлежащим образом исполненная обязанность по доказыванию названных обстоятельств обуславливает возможность применения при наличии оснований положений ст. 104.1, 104.2 УК РФ.

Так, в соответствии с положениями ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, в том числе:

– денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 2–4 ст. 111, ч. 2 ст. 126, ст. 127.1, 127.2, ч. 2 ст. 141, ст. 141.1, ч. 2 ст. 142, ст. 145.1 (если преступление совершено из корыстных побуждений), ст. 146, 147, 153–155 (если преступления совершены из корыстных побуждений), 171.1, 171.2, 171.3, 171.4, 171.5, 174, 174.1, 183, ч. 3, 4 ст. 184, ст. 186, 187, 189, 191.1, 201.1, ч. 5–8 ст. 204, ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207.3 (если преступление совершено из корыстных побуждений), 208, 209, 210, 212, 222, 227, 228.1, ч. 2. ст. 228.2, ст. 228.4, 229, 231, 232, 234, 235.1, 238.1, 240, 241, 242, 242.1, 258.1,

260.1, ч. 2–4 ст. 272, 273, ч. 2 ст. 274, ст. 274.1, 275, 275.1, 276, 277, 278, 279, 280.4 (если преступление совершено из корыстных побуждений), 281–281.3, 282.1–282.3, 283.1, ч. ч. 2–4 ст. 283.2, ст. 285, 285. 4, 290, 295, 307–309, ч. 5–6 ст. 327.1, ст. 327.2, 355, ч. 3 ст. 359, ст. 361 УК РФ, или являющихся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза либо через государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза, ответственность за которое установлена ст. 200.1, 226.1 и 229.1 УК РФ, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу;

- денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации;

- транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ.

- орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому;

При этом под деятельностью, направленной против безопасности Российской Федерации, понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 200.1, 209, 210, 222–223.1, 226, 226.1, 229.1, 274.1, 275–276, 281–281.3, 283, 283.1, 284.1, 284.3, 290, 291, 322, 322.1, 323, 332, 338, 355–357, 359 УК РФ.

Таким образом, имущество, полученное в результате совершения вышеуказанных преступлений, а также используемое для достижения специально определенных целей подлежит конфискации по обвинительному приговору.

Указанная норма материального права содержит в себе элементы, регламентирующие уголовно-процессуальную деятельность: конфискация возможна только на основании обвинительного приговора.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что до указанные выше положения закона при наличии оснований применяются не во всех случаях. Таким образом, создается ситуация, в которой имущество, полученное в результате совершения вышеуказанных преступлений, а также используемое для достижения специально определенных целей, остается в незаконном правообладании лиц, в том числе совершивших преступление (при наличии вступившего в законную силу приговора суда).

Как следствие, органами прокуратуры, имеющими право обратиться в суд интересах Российской Федерации в порядке ст. 45 ГПК

РФ, предъявляются иски о признании сделок недействительными, применении последствий недействительности сделок, обращении предмета сделки в доход государства: в соответствии со ст. 169 ГК РФ сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, влечет общие последствия, установленные ст. 167 ГК РФ (двусторонняя реституция), поскольку считается ничтожной. В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом.

Формировавшаяся с 2010-х до начала 2020-х гг. практика шла по пути возможности взыскания вышеназванного имущества в порядке гражданского судопроизводства.

Вместе с тем с учетом приведенных выше норм права предусмотренная ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества, к примеру переданного в виде взятки, является мерой уголовно-правового характера и применяется на основании постановления суда, вынесенного по результатам рассмотрения уголовного дела, а не решения суда по гражданскому делу.

Применение принудительных мер уголовно-правового характера в порядке гражданского судопроизводства, тем более после вступления в законную силу приговора суда, которым определено окончательное наказание лицу, осужденному за совершение преступления, является недопустимым, поскольку никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление, что следует из положений ч. 1 ст. 50 Конституции РФ.

При этом гражданское судопроизводство не может использоваться для исправления недостатков и упущений уголовного процесса, если таковые имели место.

Предусмотренная же ст. 243 ГК РФ конфискация, не является мерой уголовно-правового характера, однако применяется только в случаях, предусмотренных законом.

Указанная правовая позиция нашла свое отражение в определении Верховного Суда РФ от 12.03.2024 по делу № 69-кг-23-15-к7 [1; 2].

Думается, что в настоящее время действующее уголовно-процессуальное и уголовное законодательство исчерпывающим образом регламентирует вопросы конфискации имущества, корректировке же и приведению в соответствие закону подлежит сама правоприменительная практика.

Кроме того, в правоприменительной практике у судов при рассмотрении уголовных дел возникают вопросы наложения конфискации на имущество, правообладание которым стороной защиты ставится под сомнение.

К примеру, на момент рассмотрения дела стороной защиты указывается на продажу транспортного средства, используемого подсудимым при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, предоставляя в качестве доказательства договор купли-продажи транспортного средства.

Представляется, что в таких случаях необходимо использовать частноправовой подход, позволяющий установить реальность сделки: наличие у лица денежных средств на приобретение имущества; фактическое перечисление, поступление денежных средств на счет продавца; регистрация транспортного средства в подразделениях полиции; факт передачи транспортного средства покупателю; режим пользования имуществом (общая (долевая, совместная) собственность) и т. д.

Факт передачи собственником, иным законным владельцем транспортного средства другому лицу права управления им, в том числе с передачей ключей и регистрационных документов на автомобиль, не является безусловным основанием для вывода о переходе права владения в установленном законом порядке.

При возникновении спора о том, кто являлся законным владельцем транспортного средства в момент причинения вреда, обязанность доказать факт перехода владения должна быть возложена на собственника этого транспортного средства.

В п. 2.1.1, 2.1.1(1) Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 указано, что водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе и по требованию сотрудников полиции передавать им для проверки:

- водительское удостоверение на право управления транспортным средством соответствующей категории или подкатегории
- регистрационные документы на данное транспортное средство.

Кроме того, обязанность по страхованию правообладателем транспортного средства гражданской ответственности установлена Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Необходимость представить по требованию сотрудников полиции, уполномоченных на то в соответствии с законодательством Российской Федерации, для проверки страхового полиса обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства – корреспондирующее обязанности последствие [3].

Таким образом, владельца транспортного средства для организации конфискации транспортного средства необходимо устанавливать с

учетом указанных выше обстоятельств, уже с их учетом делать вывод о критическом отношении к позиции стороны защиты.

Подводя итог, отметим, что с учетом доктринальных положений, вышеприведенных норм законодательства, а также разъяснений высших судебных инстанций в настоящее время имеет место фактическая подмена конфискации имущества, предусмотренной ст. 104.1 УК РФ, реализацией полномочий по обращению в доход государства предмета преступления в рамках гражданского процесса, что не соответствует положениям закона. Фактическая подмена вышеназванных институтов права не способствует достижению законности при применении норм материального и процессуального права.

При этом действующие правовые нормы в достаточной степени однозначно позволяют не допустить вышеописанные нарушения, применить положения УПК РФ, что свидетельствует об отсутствии существенных пробелов правового регулирования анализируемых общественных отношений, возможном устранении недостатков при апелляционном и кассационном обжаловании постановлений судов (приговоров), где при наличии оснований положения ст. 104.1, 104.2 не применены.

Литература

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2024 г. по делу № 69-кг-23-15-к7 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2024 г. по делу № 44-УДП24-8-К7 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 октября 2023 г. по делу № 88-26870/2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

On the Issue of Distinguishing Between Confiscation Applied by the Court in the Context of Criminal Cases and the Consequences of Invalidity of Transactions Applied in Civil Proceedings: A Substitution of Concepts or a Gap in Legal Regulation?

© S. S. Mukhutdinov, 2024

Abstract. The article presents topical issues of the use of the institution of confiscation in the consideration of criminal cases by courts, provides a justification for the impossibility of using confiscation in civil proceedings.

Keywords: confiscation, a paltry deal, invalidity of the transaction, circumstances to be proved.

Мухутдинов Сумбат Сумбатович – помощник прокурора, Прокуратура Октябрьского района г. Иркутска, г. Иркутск; e-mail: sumbat.proc@gmail.com

Mukhutdinov Sumbat Sumbatovich – Assistant Prosecutor, Prosecutor's Office of the Okiyabrsky District of Irkutsk, Irkutsk, e-mail: sumbat.proc@gmail.com

Особенности прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности

© Ю. С. Федорович, 2024

Аннотация. Рассматриваются существующие проблемы законодательного регулирования в части вопросов прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности, а также проблемы достижения целей назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, истечение срока давности уголовного преследования, назначение уголовного судопроизводства.

Федеральным законом от 13.06.2023 № 220-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесены изменения в ст. 27 УПК РФ. Так, с 24.07.2023 в УПК РФ появилась новая норма, закрепленная в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ [1].

По факту данная норма установила новый порядок прекращения уголовного преследования обвиняемого (подозреваемого) в случаях, когда истек срок давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) и одновременно обвиняемый (подозреваемый) возражает против прекращения дела по этому основанию. Согласно данной норме следует, что если выполняются эти два условия, и дело не передано в суд и отсутствуют иные основания для прекращения дела, то следствию (дознанию) дается время фактически на дополнительное расследование. По уголовному делу о преступлении небольшой тяжести – два месяца, средней тяжести – три месяца, тяжкому или особо тяжкому – 12 месяцев. Если в указанные сроки расследование не будет окончено и дело не будет направлено в суд, то данное дело подлежит прекращению в связи с непричастностью лица к совершению преступления, т. е. по реабилитирующему основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Кроме того, следует обратиться к диспозиции ч. 2 и 2.1 ст. 27 УПК РФ, становится ясно, что относительно истечения сроков давности уголовного преследования они предусматривают по своей сути единую ситуацию, которая связана с оценкой возможности продолжения производства по уголовному делу в обычном порядке при определенных условиях. С учетом требований ч. 2 ст. 27 УПК РФ прекращение уголовного преследования по основанию, в том числе указанному в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Согласно введенной ч. 2.1 ст. 27 УПК РФ необходимость учета возражений подозреваемого или обвиняемого рассматривается при повторном прекращении уго-

ловного дела на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и при наличии таковых производство по уголовному делу также должно быть продолжено в обычном порядке.

В целом введенная норма может вызвать неоднозначную ситуацию. Так, может возникнуть ситуация, когда по многоэпизодным делам, либо по делам, по которым привлекаются несколько лиц, несколько потерпевших, при выполнении требований, предусмотренных ст. 216–217 УПК РФ, могут знакомиться с материалами уголовного дела длительное время. И, как верно отмечено [2], такое ознакомление порой может продолжаться в пределах 12 месяцев, а порой и более длительное время, и, когда речь идет о применении ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, следователь попросту может не успеть составить обвинительное заключение (которое порой составляет десятки томов и даже более) для передачи уголовного дела в суд.

И тогда возникает ситуация, при которой уголовное дело (преследование) должно быть прекращено по реабилитирующему основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, а именно: непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления.

Вместе с тем следует отметить, что в соответствии с положениями п. 20 ст. 5 УПК РФ под непричастностью понимается неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления. Тем самым непричастность лица к совершению преступления учитывает отсутствие данных для предъявления обвинения. Однако при реализации ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ на практике могут возникнуть ситуации, когда в материалах уголовного дела содержатся достаточные данные, дающие основания для предъявления обвинения лицу в совершении преступления [2].

Как было отмечено Конституционным Судом РФ – условием прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности выступает законность и обоснованность подозрения, обвинения, поскольку такое прекращение означает отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то, что формальные причины для его уголовного преследования сохраняются. Продолжение производства по уголовному делу, обусловленное позицией подозреваемого или обвиняемого, после истечения срока давности направлено прежде всего на устранение сомнений в его виновности, защиту его прав, выяснение обстоятельств исходя из доводов против подозрения или обвинения, разрешение ходатайств, в том числе о назначении экспертиз, о следственных действиях, на проведении которых настаивает сторона защиты. Иное приводило бы к тому, что доводы подозреваемого или обвиняемого остались бы без внимания, а его права – без защиты [3].

При таких особенностях возникает вопрос о том, соответствует ли ч. 2.2 ст. 27 УПК положениям, закрепленным ст. 6 УПК РФ. В соответствии с указанными положениями (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, ч. 2 ст. 6 УПК РФ) следует, что уголовное преследование имеет своим назначением, в том числе, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; назначение виновным справедливого наказания. Однако при прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, цели уголовного преследования не будут достигнуты, поскольку интересы потерпевшей стороны в данном случае не учитываются.

Таким образом, на наш взгляд, для соблюдения баланса равенства сторон, было бы справедливым предусмотреть возможность (в случае возражения обвиняемых (подозреваемых) против прекращения по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) прекращать уголовное преследование именно на судебной стадии разбирательства после установления всех обстоятельств совершенных деяний, что также будет согласовываться и с принципами уголовного судопроизводства, изложенным в ст. 8 УПК РФ, согласно которым следует, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.2023 № 220-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система.
2. Камчатов К. В., Аристархов А. Л. О правилах применения ч. 2.2. ст. 327 УПК РФ в условиях необходимости назначения уголовного судопроизводства // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова : постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Features of Termination of Criminal Prosecution in Connection with the Expiration of the Statute of Limitations

© Y. S. Fedorovich, 2024

Abstract. this article examines the existing problems of legislative regulation in terms of the termination of criminal prosecution in connection with the expiration of the statute of limitations, as well as the problems of achieving the goals of the appointment of criminal proceedings.

Keywords: termination of criminal prosecution, expiration of the statute of limitations of criminal prosecution, appointment of criminal proceedings.

Федорович Юлия Сергеевна – старший следователь четвертого отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета России по Иркутской области, г. Иркутск

Fedorovich Yulia Sergeevna – Senior Investigator, Fourth department for the investigation of Particularly Important Cases of the Investigative Department of the Investigative Committee of Russia for the Irkutsk Region, Irkutsk

СЕКЦИЯ
«ЧАСТНОЕ ПРАВО»

Исторические этапы и предпосылки правового регулирования государственно-частного партнерства в России и за рубежом

© А. Ю. Баженов, 2024

Аннотация. Анализируя взаимоотношения государства и частных лиц в исторической ретроспективе, выделяются основные этапы развития правового института государственно-частного партнерства в европейской и российской истории и его основные историко-правовые формы.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, периодизация истории государственно-частного партнерства, концессионные соглашения, соглашения о государственно-частном партнерстве.

Вопросы взаимоотношений государства и частных лиц в той или иной степени всегда были актуальны как в отечественной истории, так и за рубежом. Кратко перечислим основные этапы взаимодействия государства и частных лиц в европейской истории:

1. Эпоха Античности (III в. до н. э. – V в. н. э.)

История сотрудничества государства с частными лицами начинается еще с древних времен (Древний Иран, Древняя Греция, Древний Рим). В этих странах правительство передавало частным лицам право взимать налоги. Данную систему принято именовать системой откупов. Хорошим примером этого является история Древней Римской империи. В Риме ежегодно проводили торги по откупу права на взимание с населения большей части налогов и сборов. В провинциях империи прокураторы Древнего Рима передавали гражданам участки для добычи полезных ископаемых на условиях уплаты десятой части прибыли. Также существовала практика проведения торгов по передаче в управление объектов недвижимости (почтовых станций, портов, бань, рынков, дорог) [1, с. 175]. Система откупов Древнего Рима постепенно изжила себя и деградировала, что связано как с распадом в конечном счете самой Римской империи, так и с постепенным становлением государственных институтов, способных самостоятельно исполнять многие функции откупщиков.

2. Средние века (V–XV вв.)

Зародившись в странах древнего мира, система откупов продолжала существовать в Средние века в странах Европы (Франция, Испания, Великобритания, Голландия и др.). Так, например, с XIII в. во Франции на откуп отдается большая часть налогов, а уже в начале XVII в. при правлении Генриха IV (1553–1610 гг.) откупы стали проводиться с торгов и предпринимаются некоторые попытки их систематизации в группы (таможенные сборы, соляной налог и т. п.). В Испании первое упоминание о концессии о добыче полезных ископаемых встречается в 1256 г.

3. Новое время (XV в. – 1918 г.)

К XVIII в. в Европе складываются две основные модели государственно-частного партнерства (далее – ГЧП): французская и британская [2, с. 23]. Главным отличием названных моделей ГЧП была степень свободы частных лиц в их действиях по реализации проектов: в Англии государство почти полностью устраняется от вмешательства в хозяйственную деятельность субъектов (либеральная модель ГЧП), во Франции же, напротив, происходит становление административной модели ГЧП с доминированием публично-правовых начал и контролем государства над реализацией проектов. В частности, это выразилось в создании специально уполномоченного органа, осуществлявшего контроль за строительством железных дорог. Использование ГЧП при строительстве каналов, дорог, организации освещения и т. п. достаточно активно практиковалось в европейских странах в течение XVI–XVIII вв., тем самым сделав это время одним из наиболее значимых периодов в истории ГЧП.

4. Современный этап (1918 г. – настоящее время)

Первая и Вторая мировые войны приостановили развитие экономических процессов в Европе и, следовательно, использование механизмов ГЧП. Экономическая разруха привела к укреплению механизмов государственного финансирования инфраструктурных проектов, теоретической основой которых стало кейнсианство. Доля государственного сектора экономики в Европе значительно выросла. Снова говорить о ГЧП в Европе стали только в 1980–1990-х гг., когда экономическая ситуация стала улучшаться. К этому же историческому отрезку большинство ученых относят появление самого термина ГЧП в Великобритании. По одной из версий термин был введен в оборот в период с 1979 по 1990 г. правительством Маргарет Тэтчер, новый курс экономической политики которого предполагал сотрудничество между государством и частным сектором в решении общественных задач и предоставлении государственных услуг (появление так называемых правил Райри в 1981 г., а затем и программы Частной финансовой инициативы PFI в 1992 г.) [3, с. 16].

Что касается нашего государства, можно выделить следующие исторические этапы развития ГЧП в России:

1. Киевская Русь и период раздробленности (конец IX – середина XVI в.)

Наиболее ранней формой ГЧП в России являлось так называемое кормление, которое появилось в Киевской Руси в раннефеодальный период и было способом содержания должностных лиц: в качестве вознаграждения за службу князь выдавали своим подданным определенный населенный пункт. После смерти боярина на его место князь присылал другого, которого население должно было «кормить» (т. е. содер-

жать) в течение всего срока его службы. Расцвет данной системы пришелся на период XIV–XV вв. Однако уже к середине XVI в. стала формироваться сильная централизованная княжеская власть и формироваться система подотчетных им органов местного управления. Данные обстоятельства вскоре привели к отмене системы кормления (1555 г.).

2. Период единого царства и империи (середина XIV в. – 1917 г.)

Система кормлений постепенно была замещена на Руси откупам. Так же, как и кормы, откупы отличались достаточным разнообразием и большим количеством: таможенные, соляные, винные, конные, транспортные, торговые и т. д. Самым прибыльным для российской казны был винный откуп, который приносил от 20 до 40 % всех поступлений в бюджет. В 1863 г. система откупов была отменена и появились акцизы.

Практически одновременно с системой откупов в России формировалась и модель концессионного сотрудничества. Считается, что первое упоминание о концессии датируется в отечественной истории 1555–1569 гг., когда англичанами был открыт северный морской путь в Московское государство [4, с. 45]. Иван Грозный предоставил английской компании широкие привилегии, в том числе право на добычу полезных ископаемых на Вычегде с условием того, что она построит завод и будет предоставлять российской власти руду по оговоренной цене, а остальное вправе вывозить за границу.

К середине XIX в. концессии в России стали иметь все больше диспозитивных (договорных) элементов [5, с. 23]. Такая природа дореволюционных концессий обусловлена возможностью судебной защиты прав концессионеров, балансом прав и обязанностей сторон и другими признаками. Главным видом концессий по объему инвестиций и важности для Российской империи, безусловно, являлись концессии на строительство железных дорог. В общей сложности было построено 23 тыс. км железных дорог с использованием концессионных механизмов [1, с. 185].

3. Советский период (1917–1991 гг.)

После установления власти Советов в нашей стране концессионные механизмы не перестали использоваться. Как считал В. И. Ленин, НЭП имел своей практической целью получение концессий. В период 1921–1929 гг. было заключено 2200 концессионных соглашений с иностранными лицами. Уже с 1923 г. появилось понятие «внутренней концессии», которая заключалась с советскими лицами в сфере коммунального хозяйства. Однако ближе ко времени окончания НЭПа концессии почти перестали применяться. Концессионные механизмы времен НЭПа скорее походили на административный договор. В таком «договоре» явный перекос в сторону прав наблюдался у государственных органов, а механизмы судебной защиты концессионера практически отсутствовали.

4. Современный этап (1991 г. настоящее время)

На современном этапе основными вехами развития ГЧП в России стало принятие специальных федеральных законов, регулирующих основные формы ГЧП: соглашение о разделе продукции (1995 г.), концессионные соглашения (2005 г.) и соглашения о ГЧП (2015 г.).

Таким образом, правовой институт ГЧП имеет глубокие корни. Сам термин прочно обосновывается в юридической терминологии и реципируется во все основные правовые системы с начала 1990-х гг. Однако, анализируя современные признаки ГЧП, невозможно считать существовавшие ранее в исторической ретроспективе формы взаимодействия государства и частных лиц, такие как кормление, система откупов, лицензирование, формами ГЧП в сегодняшнем юридическом понимании данного термина. Скорее, данные институты можно квалифицировать как имеющие некоторые отдельные признаки современного ГЧП и являвшиеся предтечами его развития. Единственная историческая форма ГЧП, которая в большинстве случаев может рассматриваться с точки зрения ее современного понимания – это концессия. Ее правовая природа на протяжении всей своей истории являлась наиболее близкой к современной. Это позволяет констатировать, что в большей или меньшей степени все современные формы ГЧП, урегулированные действующим законодательством, основаны на историко-правовых принципах, на которых зиждутся именно концессионные соглашения.

Литература

1. Тесля П. Н. Государственно-частное партнерство в свете исторической ретроспективы // Экономика и бизнес. 2019. № 2. С. 174–191.
2. Белицкая А. В. Государственно-частное партнерство: историко-правовой аспект // История государства и права. 2010. № 21. С. 21–25.
3. Механизмы государственно-частного партнерства. Теория и практика : учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Е. И. Марковской. М., 2024. 491 с.
4. Любименко И. И. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых // Журнал Министерства народного просвещения. Петербург, 1916. С. 1–137.
5. Кириченко Н. С., Алексадрова Н. Г. Историко-правовой аспект возникновения концессионных соглашений // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 21–24.

Historical Stages and Background of the Legal Regulation of Public-private Partnerships in Russia and Abroad

© A. U. Bazhenov, 2024

Abstract. Analyzing the relationships between states and private sector throughout their historical retrospect, the author highlights major stages of the development of public-private partnership in the European and Russian history and its basic legal forms.

Keywords: public-private partnership, periodization of the history of public-private partnership, concession agreement, public-private agreement.

Баженов Алексей Юрьевич – аспирант, кафедра гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: alexei_bazhenov@mail.ru

Bazhenov Alexei Urevich – Postgraduate, Department of Civil Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: alexei_bazhenov@mail.ru

Соглашение о порядке ведения переговоров как регулятор преддоговорных правоотношений

© А. А. Батурина, 2024

Аннотация. Представлен краткий обзор накопленного правоприменительного опыта заключения соглашений о порядке ведения переговоров. Сгруппированы основные точки зрения относительно правовой природы соглашений о порядке ведения переговоров и их содержания. Проанализированы вопросы правовой квалификации соглашения о ведении переговоров как разновидности организационных договоров. Проведено соотношение их со смежными правовыми конструкциями. Оценены пределы свободы договора в процессе заключения данных соглашений.

Ключевые слова: свобода договора, организационные договоры, переговоры, преддоговорные отношения, соглашение о ведении переговоров.

В ходе реформирования гражданского законодательства за счет изменения пределов свободы договора была усилена регламентация преддоговорных правоотношений, которые в данном контексте ранее упоминались в ГК РФ лишь в ст. 507 (об урегулировании разногласий при заключении договоров поставки). В доктрине большее количество публикаций посвящено анализу непосредственно преддоговорной ответственности. Однако, думается, что внимания заслуживает и введение в ст. 431.1 ГК РФ положений о соглашении о порядке ведения переговоров.

Название данной правовой конструкции именно соглашением, а не договором наталкивает на мысль о том, что законодатель проявлял некоторую степень осторожности при внесении ее в ГК РФ. По мнению М. Н. Малеиной, законодатель обозначил данную сделку как «соглашение», для того чтобы отграничить от основного договора [1, с. 32]. Эпизодически в доктрине встречаются точки зрения, что сами по себе данные дефиниции имеют разное значение и не равнообъемны [2]. Думается, такое разграничение является надуманным, что подтверждает и ст. 420 ГК РФ, отождествляющая эти термины.

До 2015 г. данного рода соглашения квалифицировались как непоименованные, в связи с чем неоднозначно толковались судами при возникновении споров вплоть до оспаривания их действительности в части или полностью. А именно, если потенциальные контрагенты заключали соглашения (письма) о намерениях (сотрудничестве), гарантийные письма, меморандум о взаимопонимании и т. д., то суды признавали их не имеющими юридической силы, в том числе как ограничивающими свободу договора [3].

Соглашения о ведении переговоров представляют собой договорный порядок ведения переговоров. В научной литературе справедливо

обосновывается точка зрения, что с введением ст. 431.1 ГК РФ законодатель закрепил два порядка ведения переговоров о заключении договора: бездоговорный порядок на основе положений, предусмотренных ГК РФ, и договорный порядок с помощью соглашения о порядке ведения переговоров. Бездоговорный порядок предполагает, что закон порождает права и обязанности участников переговорных отношений и определяет их содержание (ст. 434.1, гл. 59 ГК РФ и др.). Договорный порядок означает, что процесс переговоров облачается в особого рода соглашение. И, наоборот, при отсутствии такого соглашения преддоговорные отношения и преддоговорная ответственность определяются многими авторами как внедоговорные, а именно имеющие признаки деликтных правоотношений [4, с. 38].

Отличительными чертами соглашений о порядке ведения переговоров, является то, что они не порождают обязательства о заключении договора, что отличает их от предварительного договора, который, напротив, порождает обязательство заключить договор (ст. 429 ГК РФ). Этот признак позволяет отнести данные соглашения к организационным, которые когда-то предложил выделять О. А. Красавчиков [5, с. 37]. Такой договор выполняет служебную роль в отношении будущих основных обязательств и лишь создает предпосылки для их потенциального возникновения.

Проблема соотношения соглашения о ведении переговоров и предварительного договора нередко встречается в доктрине и на практике. Очевидно, что критерии разграничения следующие. Соглашение о ведении переговоров, чтобы не быть признанным предварительным договором, не должно содержать в себе:

- условия об обязанности заключить основной договор;
- согласования сторонами всех существенных условий будущего договора;
- принятия на себя обязательств сторонами по заключению основного договора в определенный срок¹.

Порядок утверждения и согласования соглашений о ведении переговоров может быть разным. Необязательно заключать отдельное соглашение о переговорном процессе, а можно включить некоторые условия о преддоговорных процедурах в предварительный, рамочный договор или опционный. В таком случае договор будет квалифицирован как смешанный, включающий в себя элементы разных организационных договоров.

¹ В таком случае есть риск квалификации при возникновении спора данного договора в качестве основного или смешанного договора.

Если обобщить разные варианты содержания соглашений о порядке ведения переговоров, то они, как правило, включают в себя:

- условия о процедуре, сроках ведения переговоров и предоставления сопутствующей документации;
- требования к добросовестному ведению переговоров;
- конфиденциальность ведения переговоров;
- эксклюзивность переговоров (о запрете ведения параллельных переговоров с третьими лицами в течение установленного в соглашении срока ведения переговоров) [6];
- участие в разработке документов переговоров [7, с. 24];
- язык ведения переговоров и наличие переводчика;
- обязательства воздержаться от конкурирования после раскрытия конфиденциальной информации при прекращении (срыве) переговоров;
- неустойку за нарушение порядка ведения переговоров или иные меры ответственности.

Все указанные выше условия были признаны не противоречащими принципу свободы договора и получили положительный отклик в судебной практике. Степень детализации рассматриваемых соглашений всегда разнится в контексте конкретного правоотношения и частных интересов потенциальных контрагентов. Можно также встретить соглашения, где подробно изложен алгоритм встреч, указаны даты, время и место ведения переговоров. Не редко устанавливаются и правила, которые на определенном этапе необходимо будет соблюдать всем участникам предстоящей сделки. На потенциального контрагента можно возложить ответственность за пропуск совещательных встреч, затягивание с пересылкой документации и т. д.

Применение обеспечительных мер по таким соглашениям также допустимо по аналогии с предварительным договором. В частности, можно обязать предоставить независимую гарантию на случай разглашения конфиденциальной информации.

Есть условия, которые в соглашение о ведении переговоров включать недопустимо. В том числе это касается положений об ограничении ответственности за недобросовестное поведение. Такие условия не будут иметь юридической силы и могут быть оспорены, так как прямо противоречат закону (абз. 2 п. 5 ст. 434.1 ГК РФ).

Соглашение о ведении переговоров имеет обособленный характер по отношению к будущему основному договору. Вдобавок ему можно придать длящийся характер и распространить его действие на переговоры по нескольким будущим договорам.

Законодательно не содержится строгих требований к форме этого соглашения, а также не установлено последствий в виде недействительности при несоблюдении формы. Следовательно, даже при отсут-

ствии письменной формы стороны только лишены права ссылаться на свидетельские показания для подтверждения наличия соглашения. Думается, такой подход законодателя провоцирует появление лишних споров относительно признания тех или иных договоренностей (диалогов) между потенциальными контрагентами соглашения о порядке ведения переговоров. Таким образом, соблюдение письменной формы по данным соглашениям являлось бы предпочтительным.

К тому же при отсутствии текста заключенного договора суды, как правило, отказывают в удовлетворении требования одной из сторон переговоров. Например, в практике Верховного Суда РФ было показательное дело. Спор возник о взыскании убытков с владельцев фитнес-клуба его несостоявшимся покупателем в связи с тем, что продавцы умолчали о параллельных переговорах с другим покупателем, предложившим более выгодные условия по сделке. Являясь введенным в заблуждение о предстоящей покупке фитнес-клуба, П. Плетнев зарегистрировал две организации для ведения своего бизнеса: ООО «Аква Стар» и «Аквастар-Т». Однако в феврале 2018 г. продавцы прекратили переговоры с П. Плетневым по заключению договора. При отказе от сделки они указали, что нашли другого покупателя, чье предложение показалось им более привлекательным.

Суды трех инстанций отказались взыскивать убытки в пользу несостоявшегося покупателя. После оценки показаний ряда свидетелей суд счел, что истец не доказал недобросовестные действия ответчиков при проведении переговоров и наличие причинно-следственной связи между действиями последних и возникновением убытков у него. ВС РФ не согласился и отправил дело на новое рассмотрение. По данному делу упоминался лишь проект соглашения о ведении переговоров, который так и не был подписан [6].

В то же время сформировалась устойчивая позиция судов о том, что подача участником заявки для участия в конкурсе для государственных (муниципальных) нужд свидетельствует о принятии им условий его проведения, содержащихся в конкурсной документации, и, соответственно, о заключении заказчиком и участником соглашения, которое может быть квалифицировано как соглашение о ведении переговоров [8]. В частности, в постановлении Девятнадцатого апелляционного арбитражного суда РФ по делу № А14-9032/2022 от 13 июля 2023 г. одним из обстоятельств, рассмотренных судом, было ведение протокола проведения конкурса. Суд подтвердил выводы нижестоящих инстанций о том, что, не порождая еще каких-либо обязательств по заключению договора для обеих сторон, соглашение лишь регламентирует порядок ведения конкурса. При этом подписываемый лицом, выигравшим торги, и организатором торгов протокол по результатам тор-

гов рассматривается уже в качестве основного договора, целью которого было проведение торгов, либо предварительного договора о заключении договора (в зависимости от того, проводились ли торги в целях непосредственного заключения договора или выбора контрагента, с которым такой основной договор будет подлежать заключению). Соответствующая трактовка была дана в определении Верховного Суда РФ от 31 августа 2021 г. по делу № 308-ЭС21-751[9].

Резюмируя изложенное, можно констатировать рост популярности данных соглашений на практике в силу их удобства для организации преддоговорного процесса, особенно в предпринимательской сфере. Очевидны и тенденции к детализации их содержания в целях минимизации потенциальных рисков для контрагентов. Данный институт успешно мимикрировал в российское договорное право.

Литература

1. Маленна М. Н. Соглашение о процедуре переговоров как договор и документ в предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. 2012. № 3. С. 31–33.
2. Гольцов В. Б. Разграничение договора и соглашения в гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3 (27). С. 165–172.
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.03.2017 № 33-5319/2017 // Консультант Плюс : справочная правовая система.
4. Маленна М. Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 36–46.
5. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. М. : Статут, 2005. Т. 1. 500 с.
6. Определение СКЭС ВС РФ от 29 янв. 2020 г. № 305-ЭС19-19395 // Консультант Плюс : справочная правовая система.
7. Егорова М. А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) // Право и экономика. 2015. № 12. С. 20–28.
8. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.05.2018 // Консультант Плюс : справочная правовая система.
9. Постановлении Девятнадцатого апелляционного арбитражного суда РФ от 13 июля 2023 г. по делу № А14-9032/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Agreement on the Procedure for Conducting Negotiations as a Regulator of Pre-contractual Legal Relations

© А. А. Baturina, 2024

Abstract. A brief overview of the accumulated law enforcement experience in concluding agreements on the procedure for conducting negotiations is provided. Attention is drawn to their role as a tool for regulating the interaction of the parties in the negotiation process. The main points of view regarding the legal nature of agreements on the procedure for conducting negotiations and their content are grouped. Negotiating agreements qualify as organizational contracts and are related to related legal categories. The limits of freedom of contract in the context of concluding this type of agreement are analyzed.

Keywords: negotiations, pre-contractual relations, negotiation agreement, freedom of contract.

Батурина Алена Аркадьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: ur_alena@mail.ru

Baturina Alena Arkadievna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: ur_alena@mail.ru

Виды безнадзорных животных в законодательстве России

© Н. В. Безик, 2024

Аннотация. Анализируются два подхода относительно понимания безнадзорных животных. Первый предусмотрен ГК РФ, второй – Законом об ответственном обращении с животными. Отмечается, что различия в определении серьезно влияют на дальнейшее регулирование отношений по их поводу.

Ключевые слова: ГК РФ; Закон об ответственном обращении с животными; Конституционный Суд Российской Федерации; безнадзорные животные; животные без владельца.

Согласно гражданскому законодательству, домашние животные – это объекты права; по общему правилу на них распространяются нормы о правах на имущество, ограниченные запретом жестокого обращения. Именно поэтому в ст. 231 ГК РФ установлен особый порядок приобретения права собственности на безнадзорное животное: если в течение шести месяцев с момента заявления о задержании безнадзорных домашних животных их собственник не будет обнаружен или сам не заявит о своем праве на них, право собственности приобретает лицо, у которого животные находились на содержании и в пользовании. При этом в ст. 225 ГК РФ содержится дефиниция бесхозной вещи, т. е. вещи, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности, на которую собственник отказался. Следовательно, безнадзорное животное – это бесхозное животное. Однако действующий в настоящее время Закон об обращении с животными [1], использует иную терминологию для обозначения животного, которое не имеет владельца или владелец которого неизвестен – «животное без владельца».

При этом надо учесть, что Закон об обращении с животными не охватывает сельскохозяйственных и лабораторных животных, объекты рыболовства и водные биологические ресурсы. Таким образом, ст. 231 ГК РФ охватывает большее число домашних животных [2, с. 204].

Конечно, системное толкование норм показывает отсутствие принципиальной разницы в понимании этих групп животных, а также необходимость единых начал в регулировании отношений по их поводу.

Однако Конституционный Суд РФ в Постановлении № 55-П [3] разделил данные группы животных, указав, что это не одно и то же: регулирование, предусмотренное в Законе об обращении животных, касается иных животных, чем те, которые указаны в ГК РФ. Поводом к рассмотрению и такому выводу суда послужила дискуссия о возникновении права собственности на бесхозных животных. Конституционный Суд РФ указал, что право собственности возникает только на безнадзорных животных, поскольку это предусмотрено ГК РФ и не возни-

кает на животных без владельца, так как в этом случае имеются несколько иные отношения. Доводы Конституционного Суда РФ сводятся к следующему:

а) Законом об обращении с животными определена деятельность по отлову животных без владельцев, их транспортировке, лечению и профилактике заболеваний, организации и содержанию приютов и др. Также им определены полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, к ведению которых относится данная деятельность, и органов местного самоуправления, которым делегированы полномочия по ее реализации;

б) эта деятельность направлена прежде всего на обеспечение общественной безопасности и на формирование в обществе ответственного отношения к животным. Следовательно, животных без владельца, которых в муниципалитеты получают во владение в ходе такой деятельности, рассматривать как принадлежащих им невозможно. По сути такой захват животных не затрагивает вопросов приобретения права собственности на них публично-правовыми образованиями, так как подпадает под действие специальных норм, посвященных обращению с животными без владельцев;

в) целью правила ст. 231 ГК РФ является освободить лицо, задержавшее бесхозное животное и не имеющее намерения сохранить его за собой, от обязанности по его содержанию, и при этом предотвратить возвращение животного в безнадзорное состояние. По мнению Конституционного суда РФ, выступая гарантией надлежащего обращения с животными, чей собственник неизвестен, это правило носит субсидиарный характер и производно от частноправовых по своей природе отношений, возникающих в связи с задержанием животного, розыском собственника и возвращением животного ему. В таких случаях в силу закона у муниципального образования может возникать право и бремя их содержания.

Таким образом, исходя из Постановления Конституционного Суда РФ: если животное было обнаружено в рамках деятельности по обеспечению безопасности населения, то оно подпадает под сферу действия исключительно Закона об обращении с животными, в зону ответственности субъекта Российской Федерации. Но если животное задержало частное лицо, то по истечении 6 месяцев в случае отказа этого лица от приобретения животного, право на него возникает у муниципалитета в силу закона.

Это подход можно назвать формальным, однако он был развит и в дальнейшем позволил Конституционному Суду РФ продвигать идею о неприменении норм ГК РФ к животным без владельца. В частности, Конституционный Суд РФ в Постановлении № 38-П [4] разрешил рас-

ширить регулирование отношений по поводу животных без владельца за счет законодательных актов субъектов РФ. В частности, речь идет о перечне оснований для их умерщвления. Противники такого регулирования утверждают, что сокращением сроков (менее 6 месяцев) нарушается право собственности лица на безнадзорное животное, поскольку органы власти, принимая решение об умерщвлении, осуществляют распоряжение имуществом, которое им должно быть недоступно в силу отсутствия статуса собственника. Также в обоснование они приводят тот факт, что вопросы прекращения права собственности согласно ст. 71 Конституции РФ могут регламентироваться только федеральным законодательством [5].

Конституционный Суд РФ же указал, что в силу уже упомянутого «разделения» животных, на тех, кто попадает под действие норм ГК РФ, так и других (по Закону об обращении животных), в отношении второй группы законами субъектов РФ могут быть предусмотрены особые правила, учитывающие экстраординарную обстановку, сложившуюся в конкретном субъекте РФ или на части его территории. Экстраординарность объясняется необходимостью обеспечения безопасности граждан от нападений животных без владельцев или от распространения переносимых ими опасных для человека болезней, в тех случаях, когда организация любых других мероприятий (кроме умерщвления) при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев объективно не может привести к разрешению этой ситуации. Но основания введения данного срока не могут быть связаны исключительно с соображениями рационализации осуществления полномочий, например, загруженностью приютов для животных либо оптимизацией бюджетных расходов на эту деятельность. Иначе (как отмечает Конституционный Суд РФ) это означало бы отступление от гуманистических начал в регулировании обращения с животными и от целей обращения с ними. Условиями применения данной меры являются:

- установление экстраординарной ситуации на период, не превышающий разумно необходимый срок для ее улучшения, с правом его продления. При этом контроль за наличием экстраординарной ситуации в субъекте РФ (и за актуальностью информации о ее наличии) может быть проведен в рамках административного дела о признании положений закона об умерщвлении животных без владельца недействующими;

- наличие разумного срока и условий для возможности обнаружения животного его владельцем в течение этого периода.

В теории гражданского права есть позиция, что у административных органов отсутствуют какие-либо частные права на вещь, изъятую или попавшую к ним в ходе исполнения своих функций [6, с. 358]. При

этом, надо полагать, отсутствие права позволяет им осуществлять распорядительный акт в случаях, предусмотренных публичным законодательством, например, в силу экстраординарности ситуации. Это идею поддержал Конституционный Суд РФ в своих постановлениях.

Однако, как представляется, при общем верном подходе об отсутствии автоматически возникающего частного права на безнадзорное животное у публично-правовых образований, имеется серьезное заблуждение относительно различий в категориях животных согласно ГК РФ и Закону об обращении с животными.

Думается, на данный момент это различие обосновывается экономико-политическими причинами и его нельзя считать решением, принятым «на века». Ведь сам Конституционный Суд РФ в каждом из постановлений указал, что иной порядок регулирования в отношении безнадзорных животных может быть предусмотрен законодателем.

Литература

1. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27 дек. 2018 г. // Рос. газ. 2018. 29 дек.
2. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 231 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой городского округа Архангельской области «Город Новодвинск» : постановление Конституционного Суда РФ от 4 дек. 2023 г. № 55-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Шабалина М. А. Проблемы правового регулирования обращения с безнадзорными животными в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 5. С. 198–227.
4. По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 38-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Шабалина М. А. Влияние постановления КС РФ № 38-П от 18.07.2024 г. на судьбу безнадзорных животных. URL: https://zakon.ru/blog/2024/08/06/vliyanie_postanovleniya_ks_rf_%E2%84%96_38-p_ot_18072024_g_na_sudbu_beznadzornyh_zhivotnyh (дата обращения: 20.11.2024).
6. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве : учеб.-практ. пособие. 3-е изд. М. : Дело, 2022. 512 с.

Types of Neglected Animals in Russian Legislation

© N. V. Bezik, 2024

Abstract. The article analyzes two approaches to understanding neglected animals. The first is provided for by the Civil Code of the Russian Federation, the second – by the Law on the Responsible Treatment of Animals. Differences in definition seriously affect the further regulation of relations regarding them.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, Law on the Responsible Treatment of Animals, Constitutional Court of the Russian Federation, neglected animals, animals without owner.

Безик Нина Вадимовна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: NVBezik@yandex.ru

Bezik Nina Vadimovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: NVBezik@yandex.ru

Либеральные основы гражданского права: базис роста или крах концепции?

© А. В. Ведерников, 2024

Аннотация. Констатируется факт отхода от фундаментальных основ гражданского права и либерального рынка в гражданском праве. Тенденция берет свое начало в западных странах. Ставится вопрос: каким путем развивать российское гражданское право. Предлагается сохранить либеральные начала в частном праве, отделив его от предпринимательского (хозяйственного).

Ключевые слова: диспозитивность, частное право, публичное право, предпринимательское право, хозяйственное право, принципы права.

Уважаемые коллеги! Нельзя не восхититься оригинальностью подхода организаторов сегодняшней конференции к исследованию вопросов совершенствования гражданского права. К традиционно рациональным областям знания, таким как наука и законодательство, применены оценочные категории, применяемые в искусстве. А искусство, как известно, иррационально. Но! Чем была бы наука без эксперимента?

Классицизм в искусстве сменился модерном. Только после него возник постмодерн. Однако в названии настоящей конференции модерну (или модернизму) не нашлось места. Наверное, потому что период торжества модернизма был недолгим. Границы этих временных отрезков весьма условны, однако можно попробовать сказать, что тридцать лет модернисты боролись за свое право существования в искусстве; тридцать лет находились на пике развития; а после уступили все свои «завоевания» постмодернистам.

Началом такой борьбы можно считать парижский скандал в апреле 1963 г., когда жюри Салона Академии живописи и скульптуры (фр. Salon de peinture et de sculpture), в составе которого было много преподавателей французской Школы изящных искусств (фр. École des beaux-arts), забракowało почти две трети представленных картин. Объективным следствием этого было появление альтернативных структур: т. н. Салона отверженных (фр. Salondes refusés), Общества независимых художников (фр. Société des Artistes Indépendants). Клеймо отверженных: «R» (фр. Refusé) в понимании обывателя больше не свидетельствовало о низком качестве художественной работы. Авторы-модернисты стали хорошо зарабатывать. В декабре 1895 г. коммерсант Зигфрид Бинг открыл в Париже знаменитую галерею «Дом Нового искусства» (Maison de l'Art Nouveau). Можно считать, что с этого момента модернизм находился на пике своего развития [1, с. 42–53].

Уже в 1917 г. существующая концепция подверглась критике не со стороны классиков прошлого, а исходя из невозможности дальнейшего развития. Термин «постмодернизм» появляется в работе Рудольфа Панвица «Кризис европейской культуры» [2].

Пик развития в данном случае являлся одновременно тупиком, так как дальнейшее развитие в том же направлении и по тем же правилам было уже невозможно.

Анализируя пути совершенствования гражданского права в 30-летний юбилей принятия Гражданского кодекса РФ [3] через призму классицизма и постмодернизма, логично задаться вопросом: не окажется ли 30-летняя история существования современной концепции гражданского права «моментом модернизма»? Не затеряется ли впоследствии этот этап между юридическим классицизмом СССР и постмодерном будущей России?

Принятие Гражданского кодекса РФ происходило на пике либерализма. В политической и общественной жизни доминировали идеи минимального вмешательства государства в экономику, концепция «незримой руки рынка», которая сама все регулирует.

Здесь уместно упомянуть о вопросе дуализма гражданского права. В 1994 г. была реализована концепция единого гражданского права и законодательства для «населения» и для бизнеса. Рынок, таким образом, был один для всех.

Свобода конкуренции, диспозитивность, неприкосновенность частной собственности, невмешательство в частную жизнь – все это было положено в основу формирования законодательства современной России. Выступило фундаментом дальнейшего построения законодательства, составляющего российскую правовую систему.

Сегодня те, кто учил нас когда-то либеральным основам частного права, сами это все нарушают. Политики, ученые, юристы вторят друг другу: «Сегодня принцип неприкосновенности частной собственности, известный со времен римского права, на котором много веков базировалась европейская экономическая стабильность, попоран теми же, кто провозглашал его незыблемость» [4]. «По национальному признаку изымаются собственность, счета в банках, присваиваются уже оплаченные товары» [5].

«Идет процесс обрушения тех структур, которые в свое время создавались в рамках западной глобализации, когда всех убеждали, что вечные ценности – это честная конкуренция, неприкосновенность собственности, работа свободных рыночных механизмов, когда всех убеждали, что доллар – это всеобщее достояние человечества» [6].

Однако от очевидных фактов пора перейти к очевидному вопросу: что делать? Ни российское законодательство, ни правовая наука не могут замереть в нынешнем мгновении. Даже если оно прекрасно. Развитие продолжится в любом случае. Либо мы, как ученые, укажем путь, либо стихия может выйти из под контроля. Следует ли продолжать дальнейшее правотворчество на «мифическом» фундаменте? Но тогда мы рискуем прийти к тому же, к чему пришли страны Западной цивилизации, только – позже. Значит, будем отставать. Учится на своих, а не на чужих ошибках. Может быть «подвести» под весь массив строительного отраслевого законодательства новые принципы? Но – какие? Не «рухнут» ли вследствие этого все созданные за 30 лет правовые конструкции? Да и быстро такой «подвод» не произвести.

Сейчас очевидно, что равенство всех участников гражданских правоотношений – это утопичная декларация. Такое было реальностью в гражданском социуме 1964 г.

Следует заметить, что в последние десятилетия существования Советского Союза появилось фактическое разделение хозяйственных и частных правоотношений. Разделение весьма условное. Частной собственности советская правовая доктрина не признавала, однако появился институт личной собственности. Граждане СССР стали приобретать автомашины, садовые участки, кооперативные квартиры. При этом площадь таких участков строго ограничивалась; приобрести автомобиль с грузовым или грузопассажирским типом кузова гражданам также было нельзя. Такой зародился критерий.

Понятно, что современный законодатель может соблазниться на возврат к, скажем так, советскому опыту. Говоря в духе сегодняшней конференции: попытаться поменять «больной модернизм» на «мертвый классицизм». Такого нельзя допустить. Пик развития станет тупиком.

Либеральные начала возникли в российском законодательстве не 30 лет назад и даже не в 1964 г. Идеи равенства подданных и развития гражданских свобод в современном их понимании начал реализовывать в законодательстве России Император Александр II. Это не только знаменитые судебная и крестьянская реформы, но и военная, образовательная реформы, а также незавершенная при жизни царя реформа, допускающая женщин к профессиям и образованию. Как известно, Император Александр II погиб от рук террористов. «Вплоть до второй половины XIX в. российские женщины могли получить только среднее образование» [7]. Тем не менее начало было положено. До революции 1917 г. в некоторых городах Российской империи уже было воспитано поколение эмансипированных и образованных женщин.

Если в Иране или Афганистане отказ от либеральных ценностей происходил после 20–30 лет эксперимента, то России придется «отмотать» историю развития на 150 лет.

По единым правилам равенства можно было бы жить и развиваться, если бы позволяли условия, внешняя среда. Более того, существующее положение дел привычно для большинства и составляет, как говорят психологи, зону комфорта. Однако из этой зоны нужно выйти, поскольку развиваться внутри нее далее невозможно. Если этого не сделать, то можно полностью потерять российское частное право.

Первые шаги в направлении такой потери уже сделаны. Примером может служить резкое повышение госпошлины за иск о расторжении брака [8]. Но рассуждая о развитии, следует предположить следующие шаги. Здесь будут и отказы суда в разводе супругов, и налоги на одиночество или бездетность. Готовы ли мы – юристы, граждане России XXI в. «открыть для публичного права свою постель»? Где граница применения императива в частном праве?

Ответ, как предполагается, очевиден – разделение частного гражданского и предпринимательского (хозяйственного) права. Не может так быть, что б в процессуальном праве такое разделение существовало и развивалось, оттачивалось все эти годы, а в материальном отсутствовало. В других экономически и социально развитых странах разделение гражданского и хозяйственного (предпринимательского) права наличествовало, а в России – нет. Речь здесь не только про «враждебный Запад», но и про соседнюю Беларусь.

Худшее, что может произойти для нас юристов, в решении этого вопроса уже происходит. При полном смешении юридических ориентиров – частных и публичных правоотношений, императивного и диспозитивного методов правового регулирования, законодатель и практикующие юристы вынужденно разделяют гражданские и коммерческие отношения абы как. Применяют различные экономические критерии, так как утратили веру в способность юридической науки что-то прояснить в этом вопросе.

Введена прогрессивная ставка налогообложения граждан подоходным налогом [9]. Появились лимиты гражданского энергопотребления [10]. А куда приведет такой путь? Запрет покупать больше двух комнат жилого помещения «в одни руки»? Талоны на бензин? Публичная регистрация частных каналов переписки в Роскомнадзоре?

Все же критерий разделения частных (гражданских) и предпринимательских (хозяйственных) правоотношений должен быть не количественный, а качественный. Именно юридический, а не экономиче-

ский. Хотя в вопросах разделения имущественных отношений на гражданские и хозяйственные без экономики не обойтись.

Литература

1. Розенталь Р., Ратцка Х. История прикладного искусства Нового времени. М., 1971. 223 с.
2. Pannwitz R. Die Krisis der europaeischen Kultur. Nuernberg : Verlag : Hans Carl, 1917. 264 s.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08 авг. 2024) // Российская газета. 1994. 8 дек.
4. Европейские страны попирают принцип неприкосновенности частной собственности – АЮР. URL: https://rapsi-pravo.ru/incident_news/20220321/307809973.html (дата обращения: 22.09.2024).
5. Вячеслав Володин: миф о неприкосновенности частной собственности в США и странах ЕС разрушен. URL: <http://duma.gov.ru/news/53634/> (дата обращения: 22.09.2024).
6. Лавров заявил, что страны хотят вступить в БРИКС из-за процесса формирования многополярного мира // Интерфакс. 2024. 16 сент. URL: <https://www.interfax.ru/russia/982232> (дата обращения: 26.09.2024).
7. Каким было женское образование в Российской империи. URL: <https://skillbox.ru/media/education/kak-zhenshchiny-rossiyskoj-imperii-borolis-za-diplom/> (дата обращения: 29.09.2024).
8. О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах : федер. закон от 8 авг. 2024. № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. (12 авг.) № 33 (ч. 1). Ст. 4955.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 29 окт. 2024) // Собр. законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
10. Об установлении тарифов на электрическую энергию для населения и приравненных к нему категорий потребителей по Иркутской области на 2024 год : приказ Службы по тарифам Иркутской области от 26 апр. 2024 г. № 79-70-спр. (ред. от 10 июня 2024). URL: <http://pravo.gov.ru>

Liberal Foundations of Civil Law: The Basis of Growth or the Collapse of the Concept?

© A. V. Vedernikov, 2024

Abstract. The fact of departure from the fundamental foundations of civil law and the liberal market in civil law is stated. The trend originates in Western countries. The question is raised: how to develop Russian civil law. It is proposed to preserve liberal principles in private law, separating it from entrepreneurial (economic) law.

Keywords: dispositivity, private law, public law, entrepreneurial law, business law, principles of law.

Ведерников Алексей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: VedernikovAV@bgu.ru

Vedernikov Alexey Viktorovich – Candidate in Law, Associate Professor, Department of the Enterprise and Financial Right, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: VedernikovAV@bgu.ru

Варианты правовых последствий «заступа» при возведении самовольной постройки

© Ю. В. Виниченко, 2024

Аннотация. На основе анализа судебной практики освещаются правовые последствия возведения постройки, частично расположенной на земельном участке, не принадлежащем застройщику. В контексте вопроса о возможности сохранения такой постройки и признания на нее права собственности выносятся на обсуждение вариант решения, способный стимулировать добросовестность самовольных застройщиков и обеспечивающий баланс интересов участников спорного правоотношения.

Ключевые слова: самовольная постройка, снос самовольной постройки, сохранение самовольной постройки, признание права собственности, смежный земельный участок, добросовестность, баланс интересов, право долевой собственности.

Самовольное возведение зданий, сооружений и иных строений является, безусловно, негативным социальным феноменом. Именно поэтому по общему правилу, установленному нормой п. 2 ст. 222 ГК РФ, самовольная постройка подлежит сносу или приведению в соответствие с параметрами, установленными правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории, или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом. В то же время нормы о самовольной постройке помещены законодателем в гл. 14 ГК РФ «Приобретение права собственности», п. 3 ст. 222 которой предусматривает возможность признания судом права собственности на самовольную постройку, т. е. возможность (при соблюдении ряда условий) ее сохранения, а не сноса.

В судебной практике при применении норм о самовольной постройке возникает немало дискуссионных вопросов, в числе которых вопрос о правовых последствиях ситуаций, при которых лицо, имея санкционирование (разрешение) на строительство, допустило, однако, при возведении постройки размещение ее частично за пределами местоположения границ предоставленного земельного участка (проще говоря, вопрос о правовых последствиях «заступа»¹ на «чужой» земельный участок при возведении постройки). Тезисно остановлюсь на имеющихся правовых подходах, сложившихся по данному вопросу в отечественной правоприменительной практике, и на обосновании того из них, который представляется оптимальным.

1. В судебной практике имеется два основных подхода к решению обозначенного вопроса.

¹ Для емкости формулировок позволим себе в дальнейшем изложении оперировать данным очевидно неправовым, но отражающим суть вопроса, термином.

Согласно первому (формальному) подходу при наличии заступа на чужой земельный участок постройка признается самовольной и подлежит сносу [1].

Согласно второму подходу суды, не исключая допустимость сохранения постройки и признания на нее права собственности, при разрешении подобных споров учитывают возможность соблюдения баланса интересов лица, возведшего такую постройку, и собственника соответствующего земельного участка, оценивая при разрешении спора, в частности: (не)значительность допущенного нарушения (площадь строения, «заступающую» на смежный земельный участок); соразмерность применяемой к застройщику меры ответственности в виде сноса постройки допущенному нарушению прав собственника смежного земельного участка; добросовестность застройщика, допустившего размещение возводимого объекта на смежном земельном участке [2–5]. При этом сторонники данного подхода справедливо указывают на то, что формулировка тезиса правовой позиции, изложенной в п. 19 Обзора от 16.11.2022 [6] (согласно которой «размещение части самовольной постройки на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, *может* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) являться достаточным основанием для отказа в признании права собственности на такую постройку»), «свидетельствует об *отсутствии* явно выраженного *императива* и, напротив, предполагает возможность учета конкретных обстоятельств дела, позволяющих положительно решить вопрос о сохранении спорного объекта в такой ситуации, особенно при невозможности его демонтажа без ущерба целостности всей конструкции здания» [7, с. 62].

2. По существу, речь идет об одном из двух альтернативных решений – снести постройку либо сохранить ее (хотя на самом деле варианта три, поскольку в случае принятия решения о сносе речь может идти как о сносе постройки в целом, так и ее части – путем демонтажа той части строения, которая расположена на земельном участке, не принадлежащем застройщику).

Разделяя второй из указанных выше подходов, – представители которого ратуют за возможность сохранения постройки – сошлюсь в качестве концептуального посыла на правовую позицию Верховного Суда РФ¹, согласно которой снос объекта самовольного строительства

¹ Изложенную в п. 7 Обзора от 16.11.2022 г. и нашедшую отражение в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной застройке» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 1), далее – ППВС РФ № 44.

является *крайней мерой* гражданско-правовой ответственности, и «устранение последствий нарушений должно быть *соразмерно* самому нарушению, не должно создавать дисбаланса между публичным и частным интересом, приводящего к нарушению устойчивости хозяйственного оборота и причинению несоразмерных убытков».

Не останавливаясь в рамках настоящего доклада на вопросах о критериях, подлежащих учету при определении правовой судьбы рассматриваемых объектов самовольного строительства, алгоритме (последовательности) их оценки судом, а также о балансе затрагиваемых при этом публичных и частных интересов¹, осмелюсь вынести на обсуждение еще один возможный вариант правовых последствий заступа при строительстве на чужой земельный участок.

3. Для обеспечения соблюдения баланса интересов сторон спорного правоотношения (лица, возведшего самовольную постройку, частично расположенную на чужом земельном участке, и собственника соответствующего земельного участка), а также в качестве превенции для застройщика, стимулирования его добросовестности, можно было бы предложить такой вариант решения, как признание по требованию собственника земельного участка, на который был осуществлен заступ, его доли в праве собственности на постройку, в размере, пропорциональном площади постройки, расположенной на его земельном участке. Для застройщика возможность таких последствий его заступа на «чужой» земельный участок (установление в отношении возведенной им постройки режима долевой собственности) являлась бы малопривлекательной не столько ввиду необходимости в этом случае делиться с сособственником благами от использования постройки (во-первых, по причине «незначительности» доли, и, во-вторых, поскольку собственность – это еще и бремя), сколько потому, что подобный режим затруднит распоряжение таким объектом.

В первом приближении принципиальная (нормативная) допустимость такого варианта усматривается в том, что:

– возведенная постройка является неделимым объектом гражданских прав, а в соответствии с п. 4 ст. 244 ГК РФ неделимость вещи является возможным основанием «поступления» ее в собственность двух

¹ Представляется, что все вопросы, кроме тех, что относятся к безопасности построек для жизни и здоровья граждан и/или связаны с соблюдением императивных технических требований к возведению строений, касаются баланса равновеликих частных интересов, даже если заступ осуществлен на земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности либо на земельный участок, право собственности на который не разграничено.

или нескольких лиц¹. Основанием «поступления в собственность» при этом будет соответствующее судебное решение;

– норма п. 3 ст. 222 ГК РФ, устанавливающая *общую* возможность признания судом права собственности на самовольную постройку (в целом. – Ю. В.) за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором создана постройка², полагаю, не исключает возможности и признания, по аналогии, за таким лицом – титульным владельцем земельного участка, на котором расположена *часть* постройки, *доли* в праве собственности на такой объект.

Следует признать, предложенный вариант нуждается в дальнейшем осмыслении и проработке. При всей привлекательности, сложности, сопряженные с механизмом его реализации, – а именно установление режима права общей долевой собственности на постройку при наличии двух разных индивидуальных собственников расположенных под постройкой земельных участков, в контексте правовой позиции об *единстве правовой судьбы* объекта недвижимости и земельного участка под ним, – склоняют к тому, что в случае сохранения самовольной постройки *оптимальным* для целей соблюдения баланса интересов лица, возведшего такую постройку, и собственника соответствующего земельного участка, является *признание права собственности* на объект, самовольно возведенный с заступом, *за застройщиком, с обязательным установлением «компенсации» застройщиком собственнику земельного участка*, на территорию которого он заступил при возведении своей постройки, в виде платы за пользование соответствующей частью этого чужого земельного участка. Это в свою очередь возможно по типу либо обязательственных (например, в качестве арендной платы), либо вещных (в качестве платы за установленный сервитут) правоотношений.

¹ Буквально данная норма гласит: «Общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу закона».

² Что, в свою очередь, допустимо при одновременном соблюдении следующих условий: если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта; если на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям; если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан. В этом случае лицо, за которым признано право собственности на постройку, возмещает осуществившему ее лицу расходы на постройку в размере, определенном судом.

Литература

1. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2023 по делу № А57-5353/2022. URL: <https://sudact.ru>
2. Определение ВС РФ от 20.10.2016 № 305-ЭС16-8051 по делу № А40-30372/2013; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.05.2021 по делу № А32-37929/2017. URL: <https://sudact.ru>
3. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.05.2021 по делу № А84-2159/2019. URL: <https://sudact.ru>
4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.10.2022 по делу № А29-4893/2020. URL: <https://sudact.ru>
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.01.2024 по делу № А10-7339/2021. URL: <https://sudact.ru>
6. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.
7. Яцкевич Ю. С., Кротов М. С. Актуальные проблемы, возникающие при рассмотрении судом вопроса о возможности сохранения объекта самовольного строительства // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2024. № 2(33). С. 60–65.

Variants of Legal Consequences of Violation of the Border when Erecting an Unauthorized Construction

© Yu. V. Vinichenko, 2024

Abstract. Based on the analysis of judicial practice, the legal consequences of the construction of a building partially located on a land plot that does not belong to the developer are covered. In the context of the issue of the possibility of preserving such a building and recognizing the right of ownership to it, a solution option is submitted for discussion that can stimulate the good faith of unauthorized developers and ensuring a balance of interests of the parties to the disputed legal relationship.

Keywords: unauthorized construction, demolition of an unauthorized construction, preservation of an unauthorized construction, recognition of ownership, adjacent land plot, good faith, balance of interests, shared ownership right.

Виниченко Юлия Вараздатовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: jvinichenko@mail.ru

Vinichenko Yulia Varazdatovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Civil Law and Procedure Department, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: jvinichenko@mail.ru

К вопросу об определении понятия сделки, подлежащей оспариванию в рамках дела о несостоятельности (банкротстве)

© Е. О. Ганева, 2024

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с определением понятия сделки, подлежащей оспариванию в рамках дела о банкротстве. Выявлены особенности оспаривания таких действий, как отказ от иска и заключение мирового соглашения, определена специфика оспаривания в банкротстве отдельных действий по исполнению договора.

Ключевые слова: банкротство, сделка, оспаривание сделок, должник, кредитор, несостоятельность сделок, конкурсная масса.

Направленное на достижение справедливого удовлетворения требований кредиторов оспаривание сделок должника имеет целью «возвращение в состав конкурсной массы той ценности, которая вышла из имущества должника при наличии указанных в законе условий» [1, с. 271]. Несмотря на значимость данного механизма, правовое регулирование оспаривания сделок должника требует дальнейшей работы по доктринальному осмыслению правил об оспаривании сделок с учетом современного состояния законодательства, постоянно меняющихся подходов в практике его применения, и возникающих теоретических и практических вопросов в рассматриваемой сфере, одним из которых является вопрос об определении понятия сделки, подлежащей оспариванию в рамках дела о банкротстве.

Возможность оспаривания сделок должника в рамках дел о банкротстве предусмотрена ст. 61.1 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [2].

Согласно п. 17 Постановления Пленума ВАС № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» (далее – ПП ВАС № 63), могут быть признаны недействительными сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника:

- по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве (ст. 61.2, ст. 61.3 и иные содержащиеся в Законе о банкротстве основания);

- по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством (Гражданским кодексом РФ или законодательством о юридических лицах) [3].

«По смыслу ст. 61.1 Закона о банкротстве перечень юридических действий, которые могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве, не ограничен исключительно понятием “сделки”, предусмотренным ст. 153 ГК РФ» [4]. Закон о банкротстве расширительно толкует поня-

тие «сделка» по сравнению с Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ), закрепляя возможность оспаривать любые действия лиц, которые повлекли либо могли повлечь уменьшение имущественной массы должника, либо увеличение каких-либо обязательств на стороне должника. При этом при оспаривании сделок по специальным основаниям не имеет значения отраслевая принадлежность таких сделок, так как Закон о банкротстве «распространяет применение своих постулатов для оспаривания действий, направленных на исполнение обязанностей, возникающих почти во всех отраслях права, включая гражданскую, трудовую, семейную, а также налоговую, таможенную и прочие» [5].

Так, по правилам гл. III.1 Закона о банкротстве могут оспариваться:

- действия, направленные на исполнение договора (наличный или безналичный платеж должником денежного долга кредитору, передача должником иного имущества в собственность кредитора), а также действия по прекращению обязательства (зачет, соглашение о новации, предоставление отступного и др.);

- банковские операции (списание банком денежных средств со счета клиента банка в счет погашения задолженности клиента перед банком или другими лицами (как безакцептное, так и на основании распоряжения клиента));

- действия в ином отраслевом законодательстве (выплата заработной платы, брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов, уплата налогов, сборов и таможенных платежей, перечисление взыскателю в исполнительном производстве денежных средств);

- действия, совершенные другими лицами (сделанное кредитором заявление о зачете);

- действия по исполнению судебного акта (определение об утверждении мирового соглашения).

По мнению Е. Д. Суворова, «оспариванию могут подвергаться все виды актов и действий, которые: 1) если речь идет об оспаривании фраздаторных или неравноценных сделок – влекут уменьшение конкурсной массы; 2) если речь идет об оспаривании преимущественного удовлетворения – влекут индивидуальное удовлетворение» [6, с. 43].

Таким образом, в целях защиты кредиторов от недобросовестного поведения должника и части его контрагентов, а также в целях соблюдения принципов очередности и пропорциональности удовлетворения требований всех кредиторов потенциально могут оспариваться любые юридические факты, которые негативно влияют на имущественную массу должника [7].

Необходимо отметить, что возможность оспаривания действий, предусмотренная Законом о банкротстве, не должна распространяться

на правоотношения, которые не связаны с банкротством. Так, не согласившись с позицией суда округа о допустимости разрешения корпоративного спора путем оспаривания платежей, мотивированной ссылкой на положения Закона о банкротстве, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда отметила, что «оспаривание платежей, совершенных в безналичной форме, в качестве самостоятельных сделок допускается законодательством о банкротстве (п. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве) в связи со специальными основаниями оспаривания таких сделок» [8].

В рамках специальных банкротных оснований возможно оспаривание таких действий, как отказ от иска и заключение мирового соглашения, поскольку такие действия, вероятно, могут негативно повлиять на конкурсную массу и, как следствие, на имущественные права кредиторов. Очевидно, что отказ от иска объективно влияет на состояние конкурсной массы должника в ущерб интересам его кредиторов, поэтому такое действие может быть оспорено по банкротным правилам с соблюдением процессуальной формы. Оспаривание отказа от иска должно осуществляться через обжалование судебного акта, которым был принят отказ от иска. При этом суды при оценке этого судебного акта обязаны проверить отказ от иска на предмет его соответствия специальным нормам Закона о банкротстве, а не ограничиваться лишь формальной проверкой отказа от иска на предмет соблюдения требований процессуального законодательства [9]. В части оспаривания мирового соглашения позиция схожая. Мировое соглашение можно оспорить только путем оспаривания судебного акта, которым утверждено мировое соглашение, а операции по исполнению мирового соглашения возможно оспаривать самостоятельно.

Недействительными могут быть признаны конкретные действия по исполнению договора, если будет установлено наличие оснований для этого. В случае если судом будет установлено, что оснований для признания договора в целом недействительным не имеется, необходимо перейти к проверке конкретных действий по исполнению этого договора. Так, конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительным договора в целом. Суды отказали в удовлетворении заявленных требований, отметив, что в целом договор не обладает признаками недействительности. Однако Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда, исправляя ошибки, допущенные судами нижестоящих инстанций, указала, что отдельные действия по исполнению договора обладали признаками недействительности. При рассмотрении дела необходимо было выявить эти действия и признать недействительными не в целом договор, а действия по его исполнению согласно ст. 61.2 или ст. 61.3 Закона о банкротстве [10].

Таким образом, возможность оспаривать любые юридические факты, которые негативно влияют на имущественную массу должника, видится оправданным, однако расширительное толкование понятия сделки при разрешении вопроса о допустимости ее оспаривания не должно применяться в случаях, не связанных с банкротством. Примечательно, что в рамках дела о банкротстве недействительными могут быть признаны и отдельные действия по исполнению договора. При этом важное значение имеет то, что при оспаривании того или иного действия по исполнению договора нельзя ограничиваться только оценкой этого конкретного исполнения без охвата всего правоотношения между сторонами.

Литература

1. Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М. : Статут, 2021. 477 с.
2. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Российская газета. 2002. 2 нояб.
3. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 // Вестник ВАС РФ. № 3. 2011.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 10.11.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Травина О. В. Оспаривание сделок. Недействительность сделок при банкротстве // Вестник арбитражной практики. № 2. 2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Суворов Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 52 с.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 дек. 2017 г. № 305-ЭС17-12763(1,2) по делу № А40-698/2014 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 сент. 2023 г. № 309-ЭС23-8899 по делу № А60-23945/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда № 305-ЭС21-1766(1,2) по делу № А40-193248/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.12.2021 № 305-ЭС21-18487 по делу № А40-259314/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

To the Question of Definition of the Transaction which is Subjected to Challenging in the Framework of Bankruptcy

© E. O. Ganeva, 2024

Abstract. The article considers the issues related to definition of the transaction which is subjected to challenging in the framework of bankruptcy. The particularities of challenging of such acts as abandonment of a claim and conclusion of an amicable agreement are identified, the specificity of challenging of particular acts on the implementation of the contract in bankruptcy is determined.

Keywords: bankruptcy, transaction, challenging of transactions, debtor, creditor, invalidity of transactions, bankruptcy estate.

Ганева Екатерина Олеговна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: kareval0@mail.ru

Ganeva Ekaterina Olegovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law, Law Institute; Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: kareval0@mail.ru

Необходимость применения проектного подхода к деятельности в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

© О. В. Горбач, 2024

Аннотация. Исследуется возможность применения проектного и системного подходов к управлению закупочной деятельностью организации, выступающей заказчиком в отношениях по обеспечению товарами, работами и услугами для государственных и муниципальных нужд. Делается вывод о возможности применения соответствующих методов и инструментов как в деятельности по обеспечению государственного регулирования в данной сфере, а также в деятельности отдельных участников закупочных процедур.

Ключевые слова: закупки товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, проектный подход, системный подход, планирование закупок, контрактная служба.

Законодательство о регулировании закупок для государственных и муниципальных нужд, постоянно развивается и совершенствуется. Этому способствуют различные причины и возможности. Во-первых, необходимость уточнения и детализации регулирования показана временем, это требуется для достижения высоких показателей эффективности проводимых закупок, снижения доли закупок, которые выполнены с нарушениями требований действующего законодательства, либо не выполнены вообще и т. д. Во-вторых, возможности, предоставляемые развитием информационных технологий, затрагивают все сферы правового регулирования, включая и закупочную деятельность. Это наглядно видно на примере Единой информационной системы в сфере закупок, а также деятельности электронных торговых площадок. В-третьих, изменения политических и внешнеэкономических условий диктуют необходимость выбора соответствующего подхода в регулировании данного типа отношений.

Основными федеральными законами, которые направлены на регулирование отношений в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, являются Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ. Для иллюстрации отдельных положений настоящей научной публикации будем ориентироваться на положения Федерального закона № 44-ФЗ, поскольку он более детально регулирует закупочную деятельность в целом и ее отдельные процедуры и этапы.

Исследуемый нормативный правовой акт содержит комплекс требований, адресованных участникам закупочной деятельности для достижения открытости, прозрачности, обеспечения конкуренции, профессионализма участников, возможности использования инноваций. Также подробно регламентированы этапы закупочной деятельности, такие как планирование, выбор поставщиков, заключение государственного или муниципального контракта, исполнение контракта, возможность применения мер ответственности и другие вопросы.

Вместе с этим для обеспечения целей, задач и принципов, определенных Федеральным законом № 44, установлены требования к участникам закупочной деятельности. Так, ст. 38 и 39 настоящего акта установлены основные функции и требования к должностным лицам заказчика, специалистам контрактной службы, контрактному управляющему, комиссии по осуществлению закупок. Следует отметить, что каждый этап конкретной закупки, будь то планирование или выбор способа определения поставщика, представляет собой определенную последовательность действий, сопряженную с необходимостью принятия специалистами по закупкам самостоятельных решений. Если решение на том или ином этапе выбрано неверно, это влечет применение соответствующих санкций. Таким образом, помимо иных мер, выполняется требование о профессионализме заказчика, определенное в ст. 9 Федерального закона № 44-ФЗ.

Заказчик в лице одного специалиста или коллегиального органа сталкивается с необходимостью поддержания должного уровня квалификации и ее постоянного повышения. Помимо досконального знания положения федерального законодательства и подзаконного регулирования, от специалиста, полагаем, требуется оперирование возможностями системного подхода к управлению закупочной деятельностью, а также применение проектного моделирования в управленческой практике при осуществлении каждой конкретной закупки. Это поможет сформировать видение закупки в целом и в перспективе, видеть ее системные связи, возможности для поиска резервов времени.

Применение системного подхода в закупочной деятельности предполагает понимание закупки от начала и до конца как открытой системы с определенными влияющими факторами на каждом ее этапе. Каждый отдельный процесс закупочной деятельности (например, исполнение государственного или муниципального контракта) может быть представлен как отдельный элемент общей системы. При этом все элементы связаны между собой, они друг с другом взаимодействуют, результат на одной стадии имеет значение для последующего процесса и т. д. К данной модели могут быть применимы положения риск-

ориентированного подхода, который позволяет выявлять соответствующие негативные факторы и искать возможности минимизации их влияния. Графически это можно представить следующим образом (рис. 1, 2). Аналогичным образом возможно учитывать положительно влияющие факторы для увеличения эффективности закупочных процедур.

Рис. 1. Исходные параметры поэтапного планирования закупочной деятельности

Рис. 2. Видоизменение параметров с учетом рисков разного характера

Несмотря на относительную простоту данной модели, ее польза состоит в профилактике и минимизации негативных последствий, связанных с непредвидением влияния того или иного фактора. Для этапов, где необходимо обосновать принимаемое представителем заказчика решение, например, при обосновании начальной максимальной цены контракта или выборе способа определения поставщика (исполнителя),

модель дополняется еще и логическими алгоритмами «если – то», т. е. предполагает наличие выполнения ряда условий для возможности применения того или иного вывода, либо управленческого решения.

В модели, представленной выше, присутствуют элементы проектной деятельности. По сути, каждая закупка, осуществляемая заказчиком, это своего рода проект, который имеет свои характеристики, такие как планирование во времени, наличие начала и окончания, наличие цели и получаемого результата и др. Это отличает проект от текущей (основной) деятельности организации-заказчика. В процессе планирования проектов, в том числе связанных с закупочной деятельностью, возможно использование таких инструментов как сетевые графики, диаграмма Ганта, распределение ресурсного потенциала и др. Это должно способствовать снижению рисков привлечения к ответственности и иных. Аналогичным образом можно использовать элементы системного и проектного подходов в деятельности поставщиков закупок и иных участников.

Широкое применение проектного и системного подходов можно наглядно увидеть в функционировании ЕИС Закупки, где демонстрируется слаженная работа субъектов и участников закупочных процедур.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что деятельность по управлению закупками для обеспечения государственных и муниципальных нужд, – творческий процесс, который требует от специалиста не только знания законодательства, но и грамотного его применения в условиях самостоятельного принятия сложных решений. Будем надеяться, что предложенные инструменты и принципы позволят более грамотно и разносторонне подходить к исследуемым вопросам.

The Need to Apply a Project Approach to Activities in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs

© O. V. Gorbach, 2024

Abstract. The possibility of using project and system approaches to managing an organization that acts as a customer in relations to provide goods, works and services for state and municipal needs is explored. A conclusion is drawn about the possibility of using appropriate methods and tools both in activities to ensure state regulation in this area, as well as in the activities of individual participants in procurement procedures.

Keywords: procurement of goods, works, services for state and municipal needs, project approach, systematic approach, procurement planning, contract service.

Горбач Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: olga.gorbach.2015@list.ru

Gorbach Olga Vladimirovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: olga.gorbach.2015@list.ru

Право следования как субъективное интеллектуальное право

© А. В. Климович, 2024

Аннотация. Право следования определяется в законе как возможность автора при определенных условиях получать вознаграждение при перепродажах отчужденного им ранее оригинала его произведения изобразительного искусства. Оно отличается неоднозначной правовой природой: не входит в состав исключительного права, не относится к личным неимущественным правам автора, при этом является имущественным и связано с личностью автора.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, оригинал произведения, право следования.

Среди интеллектуальных авторских прав особо выделяется право следования – относительно молодой институт, появившийся в российском законодательстве только в 1993 г., но с тех пор переживший в своем развитии уже четыре этапа [1, с. 36].

Действующая редакция ст. 1293 ГК РФ[2] определяет его как право автора произведения изобразительного искусства, который каким-либо образом произвел отчуждение его оригинала, при каждой его последующей перепродаже, в которой в качестве посредника, покупателя или продавца участвует юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, получать от продавца вознаграждение в виде процентных отчислений от цены перепродажи. Помимо указанных произведений, право следования действует также в отношении авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений. Статья 1226 ГК РФ включает право следования в число интеллектуальных прав, относя к категории «иных», противопоставляемой исключительному и личным неимущественным правам.

Обращает на себя внимание неоднозначная природа права следования. Во-первых, это право, безусловно, имущественное, так как представляет собой «право на получение денег» [1, с. 31]. Хотя оно и существует в пределах срока действия исключительного права, оно к нему не относится, поскольку не зависит от обладания исключительным правом, неотчуждаемо и возникает лишь в отношении весьма ограниченного круга объектов авторского права. К тому же оно сводится только к требованию платежа, не давая автору характерной для исключительного права возможности ограничить неплательщику использование спорного объекта.

Во-вторых, несмотря на очевидную привязку к личности автора, право следования не может в полной мере считаться личным, поскольку продолжает существовать и после смерти автора, переходя к его наследникам. К тому же его неотчуждаемость в данном случае направ-

лена не на отражение авторской индивидуальности, а на сохранение за авторами хоть какого-то имущественного права в отношении тех видов произведений, возможность заработать на которых в основном сводится к продаже оригинала, поскольку их тиражирование (воспроизведение) без потери художественного качества, в силу их природы, ограничено или невозможно. В результате, как справедливо отмечает А. М. Семиволкова, «обеспечивая непрерывность вознаграждения авторов произведений искусства (до истечения общего срока авторских прав)», это имущественное право обеспечивает «более справедливое вознаграждение художников, уже получивших признание, за их ранние творения, которые прежде объективно продать за высокую цену не представлялось возможным» [3, с. 10, 11].

Такая характеристика позволяет рассматривать право следования как самостоятельное право автора [4, п. 85], которое представляет собой исключение из сформулированного в ст. 1272 ГК РФ принципа исчерпания исключительных прав [1, с. 34].

Неотчуждаемость права следования означает для автора невозможность не только каким-либо образом (возмездно или безвозмездно) уступить его другому лицу, но и заранее отказаться от получения причитающихся по нему сумм. Однако недопустимость отказа от права следования не препятствует автору не предъявлять требование о выплате причитающейся суммы после возникновения права на ее получение.

Право следования возникает у автора одновременно и наряду с другими интеллектуальными правами – с момента окончания создания произведения [6, с. 14]. Вместе с тем реализация этого права становится возможной только после первого отчуждения его оригинала. Такое отчуждение возможно как в отношении произведения, изначально созданного автором для себя, так и может быть результатом создания произведения по служебному заданию или по договору авторского заказа. Возмездность или безвозмездность этого отчуждения также не имеет значения, но оно должно быть актом свободного выражения воли отчуждателя, которым при жизни автора может быть только он сам, а после его смерти – его наследник, ставший собственником не отчужденного автором оригинала произведения. Поэтому перепродажи украденного у автора либо утерянного им оригинала не порождают у него или его наследника права следования, а утраченное вопреки воле владение оригиналом, как индивидуально-определенной неделимой вещью, может быть восстановлено с помощью виндикации (ст. 301 ГК РФ).

После первого отчуждения оригинала произведения право следования реализуется всякий раз при его перепродаже (при обязательном условии участия в ней юридического лица или индивидуального пред-

принимателя в качестве посредника, покупателя или продавца), совершаемой в пределах срока действия исключительного права на произведение. Каждая такая перепродажа обязывает продавца выплатить автору (после его смерти – наследникам) вознаграждение в виде процентных отчислений от цены перепродажи. Перечень необходимых для обеспечения выплаты сведений, предоставляемых таким юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем автору или представляющей его интересы организации по управлению правами на коллективной основе, порядок представления таких сведений, размер процентных отчислений, условия и порядок их выплаты, согласно п. 1 ст. 1293 ГК РФ, определяются Правительством РФ[7].

Закрепленная в п. 3 ст. 1293 ГК РФ возможность перехода права следования к наследникам порождает ряд вопросов: об основании такого перехода; о сообладании этим правом наследниками и его делимости; о составе наследников, которым оно может переходить.

Сомнения по поводу основания связаны с тем, что указанная норма говорит о «переходе», а не о «наследовании», при том что не для всякого перехода имущества умершего гражданина к иным лицам основанием является наследование (см., например, п. 1 ст. 1185 ГК РФ). Поэтому возможность применения к такому переходу отдельных положений наследственного права может породить неопределенность, которая лишь отчасти устранена разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому право следования, будучи имущественным правом наследодателя, входит в состав наследства [8, п. 91].

Трудности, связанные с сообладанием правом следования и его делимостью могут возникнуть в случаях, когда первое отчуждение оригинала произведения было осуществлено автором, и после его смерти право следования перешло к нескольким наследникам, либо когда оригинал не был отчужден автором и, перейдя после его смерти в собственность нескольких наследников, был впервые отчужден уже ими. Представляется, что возникающее в этих случаях сообладание несколькими наследниками правом следования должно осуществляться с учетом неделимости этого права на доли, обусловленной неразрывной его связью с личностью автора. Вместе с тем поддержим высказанное в литературе мнение о справедливости делить на доли не само право следования, а причитающееся по нему вознаграждение от перепродажи [5, с. 63].

Что касается состава наследников, то законодательная формулировка «наследники автора», основанная, видимо, на принципе необходимости обеспечения личной связи с первичным правообладателем, вполне определенно исключает из этого состава «наследников от

наследников», которых в период действия исключительного права может оказаться еще несколько поколений. Вместе с тем вытекающая из закона возможность перехода этого права к наследникам по завещанию, в числе которых могут быть далеко не только физические лица, несколько нивелирует эффективность реализации данного принципа.

Отмеченные, а также многие другие проблемы (связанные с защитой права следования, с осуществлением его управления на коллективной основе, с информированием автора и его наследников о совершенных перепродажах оригинала произведения, с распределением ответственности между участниками сделки перепродажи за неинформирование автора (его наследников), а также невыплату вознаграждения и др.) очевидно не способствуют стабильности гражданского оборота, что требует дальнейшего совершенствования института права следования.

Литература

1. Гаврилов Э. П. Критический анализ норм, касающихся права следования // Патенты и лицензии. 2018. № 6. С. 30–38.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 22.07.2024) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
3. Семиволкова А. М. Право следования в законодательстве России и западноевропейских стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
4. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 7.
5. Братусь А. В., Братусь Д. В. Право следования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. Декабрь. С. 62–68.
6. Подносков Д. В. Право следования и право доступа в российском авторском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 18 с.
7. Правила выплаты автору вознаграждения при перепродаже оригиналов произведений изобразительного искусства, авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений : утв. Постановлением Правительства РФ от 19.04.2008 № 285 (в ред. от 28.08.2018) // Собр. законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1880.
8. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 7.

Resale Right as a Subjective Intellectual Right

© A. V. Klimovich, 2024

Abstract. The resale right is defined in the law as the possibility of the author, under certain conditions, to receive remuneration when reselling the original of his work of fine art that he had alienated earlier. It is characterised by an ambiguous legal nature: it is not part of the exclusive right, it does not belong to the personal non-property rights of the author, but it is a property right and is connected with the personality of the author.

Keywords: intellectual property, copyright, original work, resale right.

Климович Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Юридический институт; Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: civilkaf@law.isu.ru

Klimovich Aleksandr Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: civilkaf@law.isu.ru

Правовые последствия необоснованного отказа при заключении трудового договора

© С. А. Комков, 2024

Аннотация. Утверждается, что реализация конституционного права на труд обеспечивается, в том числе установлением правовых гарантий при приеме физического лица на работу. Отмечается, что обоснованным отказом в заключении трудового договора является только тот отказ, который обусловлен обстоятельствами, связанными с деловыми качествами наемного работника. Замечается, что даже при признании судом отказа в заключении трудового договора необоснованным, заключение трудового договора является правом, а не обязанностью работодателя.

Ключевые слова: гарантии при приеме на работу, деловые качества наемного работника, необоснованный отказ при приеме на работу, запрет дискриминации.

Реализация конституционного права на труд обеспечивается, в том числе установлением правовых гарантий при приеме физического лица на работу. В частности, согласно ч. 1 ст. 64 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), устанавливается запрет необоснованного отказа в заключении трудового договора [1]. В соответствии с ч. 3 ст. 64 ТК РФ, обоснованным отказом в заключении трудового договора является только тот, который обусловлен обстоятельствами, связанными с деловыми качествами наемного работника. Данное правило основывается на положениях Конвенции Международной организации труда № 111 от 1958 г. «О дискриминации в области труда и занятий» [2]. Указанная конвенция дает определение дискриминации, содержащее два признака, характеризующих это понятие. Во-первых, дискриминацией считается **не основанное на деловых качествах и содержании труда** различие, исключение или предпочтение. Во-вторых, это различие, исключение или предпочтение должно приводить к ликвидации или нарушению равенства возможностей либо обращения в области труда и занятий.

К сожалению, нет легального определения деловых качеств физического лица, желающего устроиться на работу. Данный вопрос решается высшей судебной инстанцией. На основании п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума ВС РФ), под деловыми качествами работника следует, в частности, понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по дан-

ной специальности, в данной отрасли) [3]. Несмотря на то что акты Верховного Суда Российской Федерации традиционно не признаются источниками российского трудового права, они являются обязательными для нижестоящих судов, а, следовательно, для всех иных правоприменителей, в том числе работодателей.

Так, незаключение трудового договора с физическим лицом при его отказе от прохождения предварительного медицинского осмотра является законным, если, в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами о труде, прохождение такого осмотра является обязательным. В этом случае прохождение медицинского осмотра должен обеспечить будущий работодатель. Если же работодатель требует от кандидата на должность только справку о состоянии здоровья, то отказ в заключении трудового договора при ее непредоставлении не может считаться обоснованным. В связи с этим трудно согласиться с решениями судов, считающих иначе [4].

Предположим, что мы столкнулись с объявлением о приеме на работу следующего содержания: «Требуется секретарь женского пола, приятной наружности в возрасте не старше 25 лет, не имеющая вредных привычек, владеющая навыками работы на компьютере и двумя иностранными языками (желательно английским и немецким). Обязательно наличие российского гражданства, высшего образования и регистрации (прописки) в данной местности. Необходимо представить рекомендацию от работодателя с последнего места работы и справку о доходах». На первый взгляд может показаться, что женский пол, приятная наружность, молодой возраст являются деловыми качествами для занятия должности секретаря. Однако это является вульгарным, поверхностным пониманием о содержании трудовых обязанностей по данной должности. Для этого достаточно обратиться к Квалификационному справочнику должностей руководителей, специалистов и других служащих [5]. Так, по квалификации у секретаря должно быть высшее профессиональное образование без предъявления требований к стажу работы или среднее профессиональное образование и стаж работы по специальности не менее 2 лет. Кроме этого, секретарь должен знать: постановления, распоряжения, приказы и другие руководящие материалы и нормативные документы, касающиеся деятельности предприятия и ведения делопроизводства; структуру и руководящий состав предприятия и его подразделений; организацию делопроизводства; методы оформления и обработки документов; архивное дело; машинопись; правила пользования приемно-переговорными устройствами; стандарты унифицированной системы организационно-распорядительной документации; правила печатания деловых писем с использованием типовых

форм; основы этики и эстетики; правила делового общения; основы организации труда и управления; правила эксплуатации вычислительной техники; основы административного права и законодательства о труде; правила внутреннего трудового распорядка; правила и нормы охраны труда. Думается, что из требований в указанном объявлении обоснованными являются только наличие высшего образования, а также владение навыками работы на компьютере и двумя иностранными языками (желательно английским и немецким).

Трудовое законодательство устанавливает примерный перечень обстоятельств, по которым работодатель не вправе отказать в приеме на работу лицу, ищущему работу. Имела ли место дискриминация при отказе в заключении трудового договора, решается судом при рассмотрении конкретного дела. Работодатель вправе предъявить к лицу, претендующему на вакантную должность или работу, и иные требования, обязательные для заключения трудового договора в силу прямого предписания федерального закона, либо которые необходимы в дополнение к типовым или типичным профессионально-квалификационным требованиям в силу специфики той или иной работы (например, владение одним или несколькими иностранными языками, способность работать на компьютере).

В целях эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом работодатель **самостоятельно**, под свою ответственность принимает необходимые кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала). В связи с этим заключение трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, является правом, а не обязанностью работодателя. В ТК РФ нет норм, обязывающих работодателя заполнять вакантные должности или работы немедленно по мере их возникновения. В случае возникновения трудового спора суду необходимо проверить, что, во-первых, делалось ли работодателем предложение об имеющихся у него вакансиях. Например, сообщение о вакансиях передано в органы службы занятости, помещено в газете, объявлено по радио, оглашено во время выступлений перед выпускниками учебных заведений, размещено на доске объявлений. Во-вторых, велись ли переговоры о приеме на работу с истцом, и по каким основаниям ему было отказано в заключении трудового договора.

Так, гражданин Б. обратился с заявлением к муниципальному бюджетному учреждению «Центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов» Кагальницкого района о приеме его на работу на должность, с которой ранее он был уволен по истечении срока. УСЗН Кагальницкого района на данное заявление ответило, что решение о заполнении вакантной должности не принято, и о намере-

нии УСЗН заполнить вакантную должность можно узнать на портале «Работа в России». Считая, что его права нарушены, гражданин Б. обратился в суд. В судебном заседании суд установил, что подача заявления о приеме на работу предшествовала решению работодателя по подбору персонала. При этом совершенно очевидно, что желание одной стороны, в данном случае потенциального работника, недостаточно для заключения трудового договора. Суд отказал в удовлетворении искового заявления [6]. Решение суда является обоснованным. Заключение трудового договора является исключительным правом, а не обязанностью работодателя. Правил, устанавливающих обязанности работодателей по мере возникновения вакантных должностей их заполнять, в трудовом законодательстве не предусмотрено. Кроме того, свобода экономической деятельности гарантирована Конституцией Российской Федерации. Право на подбор персонала можно рассматривать как часть этой свободы. В связи с этим суд, даже признав в конкретном случае необоснованным отказ в приеме на работу, как правило, не может обязать ответчика заключить трудовой договор с истцом и ограничивается только взысканием соответствующих компенсаций. В то же время прямого запрета понуждать потенциального работодателя заключать трудовой договор с будущим работником трудовое законодательство не содержит.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.
2. Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» от 25.06.1958 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120760/
3. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/
4. Решение Заводского районного суда Орловской области от 05.09.2019 по делу № -2-2356/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0931PAgSSlQt/?regular-txt=дискриминация+при+приеме+на+работу®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=2496#snippet
5. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих : постановление Минтруда РФ от 21.08.1998 г. № 37 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58804/.
6. Решение Зерноградского районного суда Ростовской области от 18.07.2023 по делу № 2-906/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Gt2LsXpm0Ll6/?regular-txt=дискриминация+при+приеме+на+работу®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=6902#snippet

Legal Consequences of Unjustified Refusal to Conclude an Employment Contract

© S. A. Komkov, 2024

Abstract. It is argued that the implementation of the constitutional right to work is ensured, including the establishment of legal guarantees when hiring an individual. It is noted that a justified refusal to conclude an employment contract is only the refusal that is due to circumstances related to the business qualities of an employee. It is noted that even if the court recognizes the refusal to conclude an employment contract as unjustified, the conclusion of an employment contract is a right, not an obligation of the employer.

Keywords: guarantees for employment, the business qualities of an employee, unjustified refusal to apply for a job, prohibition of discrimination.

Комков Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: misterkomkov@mail.ru

Komkov Sergey Aleksandrovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: misterkomkov@mail.ru

Предпосылки формирования искусственного интеллекта как субъекта права

© В. А. Максимов, 2024

Аннотация. Обосновываются предпосылки научного исследования возможности признания систем искусственного интеллекта субъектами права, разделяя их на технологические и юридические, а также необходимость оценки имеющимся и потенциальным видам поведения, совершаемого искусственным интеллектом. Делается вывод о формировании альтернативного правопорядка в сети Интернет и в IT-сфере вообще.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъект права, гражданский оборот, IT-право, правопорядок, ответственность.

Постановка проблемы. Достижения человечества в области программирования искусственного интеллекта и создания искусственных нейронных сетей ставят под сомнение монополию человека на непосредственное или опосредованное приобщение к правовым отношениям. Уже сегодня возникает соблазн построения системы искусственного интеллекта, приближенной по способности к человеческому интеллекту, в то время как деятельность искусственного интеллекта все больше приближается к поведению, которое традиционно идентифицируется как проявление сознания, понимания и обучения [1, р. 13]. Имеющиеся сегодня технологические возможности не дают системам искусственного интеллекта достаточной автономии в принятии решений, однако перспективы разработок в данной сфере позволяют говорить об уменьшении разрыва между потенциалом человеческого и компьютерного интеллекта [2, р. 74]. Расширение возможностей искусственного интеллекта приводят к значительному разрыву в совокупности следственных связей между действиями и стремлениями разработчика системы искусственного интеллекта и результатами деятельности такой системы.

Состояние исследования темы. Первые научные исследования в сфере субъективации искусственного интеллекта проводились американскими учеными еще в середине 80-х гг. XX в., однако и сегодня достижения науки по исследованию вопросов правосубъектности неорганических (электронных) субъектов недостаточны для выработки единого подхода законодательного регулирования. Динамичность развития технологий обуславливает повышение актуальности проблематики данной темы и требует периодического переосмысления заявленных подходов. Именно поэтому целью данного исследования является определение конъюнктуры, обуславливающей субъективацию систем искусственного интеллекта в современных условиях развития технологий.

Изложение основного материала. Задача по созданию искусственного интеллекта (ИИ) предусматривает воспроизведение работы человеческого мозга с помощью технических средств. Помочь в решении данной задачи призвана технология искусственных нейронных сетей, над созданием которых сейчас активно работают специалисты в области ИИ. Аналогично человеческой нервной системе искусственные нейронные сети способны обучаться на основе собственного опыта, экстраполировать имеющиеся прецеденты на новые случаи и извлекать существенные свойства из поступающей информации [3, с. 78]. Речь идет не о механическом повторении запрограммированных действий, а о возможности выбора модели поведения в зависимости от обстоятельств.

Постепенное наделение «электронного разума» возможностями для анализа данных внешнего мира и определения количественных и качественных показателей отдельных явлений технологическими инструментами для выстраивания модели поведения в соответствии с такими показателями и способностью к самообучению на основе опыта открывает широкие возможности для применения искусственного интеллекта в коммерческой деятельности, государственном управлении и других сферах общественных отношений.

А. А. Жданов выделяет два типа искусственного интеллекта – автономный и подчиненный. Автономный искусственный интеллект отличается адаптивностью, эмоциональным аппаратом, свободой принятия решений и подчинением самому себе. В отличие от автономного, подчиненный искусственный интеллект решает интеллектуальные задачи, которые раньше решал только человек. Эти системы автоматизируют некоторые интеллектуальные функции и решают ситуационные задачи. Такие системы подчинены человеку и выступают его целевыми функциями [4].

Почти ежедневно мы можем контактировать с электронными голосовыми помощниками, чат-ботами, нейросетями и автопилотами в автомобилях. Однако можно констатировать тот факт, что, несмотря на широкое использование возможностей ИИ в повседневной жизни, их юридическая природа остается неизменной – законодательство не наделяет системы искусственного интеллекта никакими признаками субъекта права, что, в свою очередь, сегодня препятствует реализации действительного потенциала искусственного интеллекта.

Анализ имеющихся технологий искусственного интеллекта, привлеченных к использованию в общественных отношениях, позволяет говорить о наличии обстоятельств и факторов, заставляющих пере-

смотреть имеющуюся позицию относительно отнесения искусственного интеллекта к объектам права.

Искусственный интеллект является новым самостоятельным объектом исследования юридической науки. В литературе уже высказывалось мнение, что нет смысла определять правосубъектность объектов ИИ на основании имеющихся правовых конструкций. М. Д. Шапсугова считает, что электронное лицо – это особый квазисубъект права, наделенный отдельными элементами правосубъектности. Объем правосубъектности такого лица зависит от степени автономности искусственного интеллекта [5, р. 5].

Считаем, что уже сегодня возникли предпосылки научного исследования потенциальной юридической субъективации систем искусственного интеллекта. Такие предпосылки раскладываются на отдельные группы в зависимости от сферы.

Технологические предпосылки. Исследуя технологические предпосылки, прежде всего, необходимо обратить внимание не на технические детали функционирования искусственного интеллекта (программный код, построение нейронной сети и т. д.), а на те обстоятельства, которые генерируются благодаря технологичному прогрессу. К таким предпосылкам следует относить:

- расширение и глобализацию процессов производства программного обеспечения;
- несовпадение «циклов существования» разработчиков и разработанных ими продуктов.

Глобализация процессов производства средств искусственного интеллекта проявляются сразу по двум направлениям – внешним и внутренним. Согласно внешнему направлению глобализация производственных процессов заключается в выходе за пределы национального и государственного пространства, а следовательно, наличии различных правовых режимов создания, тестирования и деятельности программного обеспечения в отдельных странах и невозможности формирования общей коллективной правосубъектности всего производственно-технологического аппарата. Фактически уже сейчас программные продукты создаются межнациональными группами, нередко не связанными между собой постоянными посредническими юридическими отношениями.

Внутреннее направление глобализации реализовано с учетом разделения труда и материальных ресурсов. Сегодня нечасто встречаются разработчики программного обеспечения, которые действуют единолично и самостоятельно. Данный факт обусловлен особенностями современного рынка разработки ИТ-продуктов, когда даже небольшие

стартапы представлены коллективом разработчиков, которые нередко еще и параллельно используют наработки сторонних поставщиков инструментов разработки и программирования ИИ. Практическая невозможность выделения доли ответственности каждого из разработчиков или поставщика технологического решения, программной платформы и т. п. обуславливает необходимость решения задачи определения действительного субъекта ответственности за действия, совершенные ИИ.

Что касается второй предпосылки, то она вполне отражает разницу между человеком и искусственным интеллектом, ведь разработчик как физическое лицо может потерять дееспособность, умереть или быть недосыгаемым для юстиции, в то время как ИИ будет продолжать существовать и выполнять свои функции, а следовательно, временные несовпадения существования дееспособности и совершения действий является препятствием для эффективного урегулирования данных отношений.

Среди юридических предпосылок выделим следующие:

- увеличение значимости (в том числе юридической) действий, совершаемых объектами ИИ;

- формирование нового источника регулирования данных отношений с помощью лицензионных соглашений, договоров сотрудничества и обычаев электронного делового оборота.

Уже сегодня можем констатировать значительное влияние программных продуктов, которые используют искусственный интеллект в повседневной жизни. Компьютерные алгоритмы принимают и отправляют за нас сообщения, выбирают ресторан или маршрут путешествия, принимают значительные решения (автопилот спасает жизнь и здоровье, предвидя лобовое столкновение, осуществляет управление активами инвесторов). Количество жизненных ситуаций, которые будут испытывать влияние действий искусственного интеллекта в будущем только будет увеличиваться, в то время как их значение будет расти. Следовательно, уже сейчас необходимо дать оценку имеющимся и потенциальным видам поведения, которое совершает искусственный интеллект.

Отдельно необходимо отметить формирование особого регулятора отношений в сфере разработки, тестирования и функционирования искусственного интеллекта. За годы развития сферы разработки программного обеспечения она фактически получила альтернативное правовое регулирование, несмотря на наличие законодательных пробелов в этой сфере. Сообщество разработчиков и пользователей объектов ИТ-технологий выработало собственные правила игры, регулируя свои отношения лицензионными соглашениями, корпоративными нормами, нормами договоров о сотрудничестве и т. п. Кроме того, в диджитал-сфере сформировались собственные обычаи, среди которых называют

свободу соединения без разрешения; право копировать определенные материалы онлайн без разрешения; право изучать поведение пользователя; обязательства онлайн-бизнеса, направленные на поддержку не-тривиального имени пользователя и установление аутентичности пароля; обязательства избегать «спама» и т. п. [6]

Формирование относительно замкнутой экосистемы источников регулирования, которая активно развивается, привело к формированию альтернативного правопорядка в сети Интернет и в IT-сфере вообще. Такой правопорядок основан на относительной анонимности, технологической зависимости и децентрализованном характере коллективных участников и регуляторных механизмов.

Выводы. Резюмируя приведенные выше аргументы, приходим к выводу, что сегодня сложилась определенная совокупность предпосылок субъективации искусственного интеллекта, наличие которых обуславливает необходимость предметного исследования природы права и дееспособности «электронных» лиц и формирования предложений для дальнейшего законодательного регулирования данных отношений.

Литература

1. Willick Marshal S. Artificial Intelligence: Some Legal Approaches and Implications // AI Magazine. 1983. Vol. 4, N 2. P. 5–16.
2. Sild J. Legal Capacity of Artificial Intelligence // L'Europe Unie. 2018. Vol. 13. P. 74–78.
3. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 2. С. 75–85.
4. Жданов А. А. Автономный искусственный интеллект // ПостНаука. URL: <https://postnauka.org/books/38231>
5. Shapsugova M. D. Legal Capacity of Artificial Intelligence // Juvenis scientia. 2019. Vol. 8. P. 4–7.
6. Лисицын-Светланов И. А. Правовой обычай в Интернете // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-obyчай-v-internete>.

Prerequisites for the Formation of Artificial Intelligence as a Subject of Law

© V. A. Maksimov, 2024

Abstract. In the article the author substantiates the prerequisites of scientific research of the possibility of recognising artificial intelligence systems as subjects of law, dividing them into technological and legal. The necessity of assessment of available and potential types of behaviour committed by artificial intelligence is substantiated. The author comes to the conclusion about the formation of an alternative legal order in the Internet and in the IT-sphere in general.

Keywords: artificial intelligence, subject of law, civil turnover, IT-law, law and order, responsibility.

Максимов Виталий Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, e-mail: maximovva@mail.ru

Maksimov Vitaly Alekseevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint Petersburg, e-mail: maximovva@mail.ru

О юридических фактах, необходимых для возникновения и осуществления перевозки в прямом смешанном сообщении, в новом Законе о прямых смешанных перевозках

© В. В. Ровный, 2024

Аннотация. Рассматривается специфика перевозки в прямом смешанном сообщении. Осмысливаются юридические факты, необходимые для возникновения и осуществления такой перевозки. Проанализированы отдельные правила нового Федерального закона о прямых смешанных перевозках, опубликованного в августе 2024 г. и еще не вступившего в силу.

Ключевые слова: перевозка в прямом смешанном сообщении, соглашение об организации перевозок в прямом смешанном сообщении, договор перевозки в прямом смешанном сообщении.

Согласно ст. 788 ГК РФ (далее – ГК) [1] любая перевозка (и грузовая, и пассажирская) осуществляется в *прямом смешанном сообщении* (далее – ПСС), если перевозочную услугу оказывают *несколько* перевозчиков, представляющих *разные* виды транспорта по *единому* транспортному документу; при такой перевозке взаимоотношения транспортных организаций и порядок организации перевозок определяются соглашениями между организациями соответствующих видов транспорта, заключаемыми в соответствии с законом о прямых смешанных (комбинированных) перевозках. Вот собственно и все, чем богата ст. 788 ГК. Важно: упомянутый в ст. 788 ГК Закон о прямых смешанных перевозках (далее – Закон) появился лишь в августе 2024 г. (т. е. через 28 лет после упоминания) [2], к тому же начнет действовать только с 01.09.2025 (см. ст. 10 Закона). В законе не используется термин «комбинированные перевозки», а его статьи имеют иное структурирование, чем статьи ГК (цифра здесь называется *частью* статьи, а цифра со скобкой – *пунктом*). Закон связывает возникновение и осуществление перевозки в ПСС с рядом последовательных юридических фактов – *договоров* и *согласований*. Исходным звеном здесь является соглашение об организации перевозок в ПСС, далее в установленные им порядке и сроки перевозчик, заключающий договор перевозки в ПСС, должен согласовать возможность осуществления перевозки в ПСС и условия такой перевозки с теми сторонами соглашения, участие которых планируется для ее осуществления. Затем заключается договор перевозки в ПСС, после – стороны соглашения об организации перевозок в ПСС, участвующие в осуществлении перевозки, предусмотренной заключенным договором перевозки в ПСС, согласовывают свои действия по исполнению данного договора. Подробнее об этом – в следующих четырех пунктах.

1. Соглашение об организации перевозок в ПСС (далее – Соглашение) – консенсуальный, организационный договор, призванный наладить единый процесс оказания услуг по перевозке с участием нескольких перевозчиков, представляющих разные виды транспорта, с учетом специфики деятельности каждого из них. Согласно ч. 1 ст. 2 Закона Соглашение связывает *участников перевозочного процесса* (а не только организации соответствующих видов транспорта – см. ст. 788 ГК), поэтому кроме перевозчиков сторонами Соглашения могут быть также владельцы объектов транспортной инфраструктуры, операторы (линий, терминалов, портов), экспедиторы, иные лица (например, владельцы пунктов перевалки грузов, товарных складов, гостиниц). Участники Соглашения – потенциальные участники перевозочного процесса прямых смешанных перевозок: не все они могут и должны привлекаться к осуществлению конкретной перевозки в ПСС, но чем шире будет их круг, тем легче будет осуществить такую перевозку. Итак, Соглашение, будучи организационным договором, отличается по субъектному составу и от договора об организации перевозок (заключаемого перевозчиком и грузовладельцем), и от организационного договора, заключаемого между транспортными организациями (см. ст. 798 и 799 ГК). Соглашение не является предварительным договором: оно вопреки п. 1 ст. 429 ГК [3] не обязывает всех его участников заключить в будущем основной договор на условиях, предусмотренных Соглашением. Соглашение – договор *рамочного типа*, оно определяет общие условия обязательственных взаимоотношений сторон – потенциальных участников перевозочного процесса прямых смешанных перевозок (см. п. 1 ст. 429.1 ГК). В соответствии с данным Соглашением в будущем одна его сторона – перевозчик – может стать стороной договора перевозки в ПСС, при этом другие перевозчики и иные субъекты будут привлекаться к исполнению этого договора как третьи лица (см. п. 1 ст. 313 ГК), важно также подчеркнуть, что обязанность стороны Соглашения участвовать в прямых смешанных перевозках не является безусловной (см. ч. 4, 5 ст. 3 Закона, о чем подробнее – далее). Заключение Соглашения должно быть свободным, присоединение к нему возможно в порядке, предусмотренном Соглашением, понуждение к заключению Соглашения (присоединению к нему) не допускаются (см. ч. 2 ст. 2 Закона). Из правил п. 4, 15, 16 ч. 3 ст. 2 Закона следует, что Соглашение может заключаться для перевозки в ПСС только грузов, только пассажиров, а также грузов и пассажиров. В Соглашении стороны должны согласовать широкий круг условий, существенных в силу закона, в противном случае Соглашение нельзя считать заключенным (см. ч. 3 ст. 2 Закона), впрочем, некоторые из этих условий ед-

ва ли можно уверенно отнести к объективно-существенным (имеются в виду условия, предусмотренные в п. 4 и в п. 8). Участвующие в Соглашении перевозчики должны предоставлять информацию (в том числе в сети Интернет) о заключенном ими Соглашении, об услугах, предоставляемых в соответствии с договором перевозки в ПСС, условиях перевозки в ПСС, о порядке заключения договора перевозки в ПСС, об информации и документах, необходимых для осуществления перевозки в ПСС, размере платы за перевозку в ПСС, порядке и сроках внесения платы за перевозку в ПСС (см. ч. 7 ст. 2 Закона).

2. После заключения Соглашения и до заключения договора перевозки в ПСС перевозчик, заключающий такой договор, обязан в порядке и сроки, установленные Соглашением, согласовать возможность осуществления перевозки в ПСС и ее условия с теми сторонами Соглашения, участие которых планируется для осуществления такой перевозки (см. ч. 4 ст. 3 Закона). Далее многое зависит от того, какой – грузовой или пассажирской – планируемая перевозка является (см. ч. 5 ст. 3 Закона). Дело в том, что отказать в согласовании перевозки груза сторона Соглашения может *во всяком случае*, так как к отношениям по заключению и исполнению договора перевозки груза в ПСС не применяются требования ст. 426 ГК РФ (см. ч. 1 ст. 3 Закона). Напротив, отказать в согласовании перевозки пассажира сторона Соглашения может, только если: а) есть *основание* для отказа в заключении договора перевозки (такие основания должно предусматривать законодательство РФ, регулирующее перевозки пассажиров тем видом транспорта, к которому относится отказывающаяся от согласования сторона Соглашения, а также само Соглашение); б) отказывающаяся от согласования сторона Соглашения осуществляет такие перевозки, к которым *не применяются* положения о публичном договоре (в частности, если она не является общественным перевозчиком – см. п. 2 ст. 789 ГК). Нетрудно предположить, что при правомерном отказе стороны Соглашения от осуществления перевозки в ПСС такая перевозка может состояться, только если ее согласует другая сторона Соглашения (в частности, другая транспортная компания).

3. Договор перевозки в ПСС направлен на оказание услуги по перемещению из пункта отправления в пункт назначения грузов, пассажиров, ручной клади, багажа, грузобагажа (см. ч. 1 ст. 1 Закона). Договор перевозки груза в ПСС является реальным: для его заключения помимо согласования всех существенных условий необходима также передача имущества – вверение груза отправителем первому перевозчику (см. п. 1, 2 ст. 432, п. 2 ст. 433, п. 1 ст. 785 ГК). Договор перевозки пассажира в ПСС является консенсуальным (см. п. 1, 2 ст. 432, п. 1 ст. 433,

п. 1 ст. 786 ГК), однако реальной здесь является акцессорная сделка по перевозке багажа и другого имущества пассажира [4, с. 628–629]. Перевозчик, являющийся стороной Соглашения, заключает договор перевозки груза, пассажира в ПСС соответственно с грузоотправителем и пассажиром (см. ч. 1 ст. 3 Закона). Перевозчик, заключающий договор перевозки в ПСС, должен быть стороной Соглашения, при этом в Законе нет препятствий тому, чтобы договор перевозки в ПСС мог заключить любой перевозчик, участвующий в такой перевозке (первый, промежуточный или конечный). Перевозчику, заключающему договор перевозки в ПСС, придется выполнить ряд требований закона до заключения такого договора (см. ч. 4 ст. 3 Закона), при его заключении (см. ч. 3 ст. 3 Закона), а также впоследствии (см. ч. 1 ст. 4 Закона). Перевозчик, заключивший договор перевозки в ПСС, осуществляет указанные в законе функции в отношении контрагента по договору перевозки в ПСС и третьих лиц (см. п. 1 ч. 11 ст. 3 Закона), а также участников Соглашения (см. п. 2–4 ч. 11 ст. 3 Закона). Заключение договора перевозки в ПСС подтверждает единый транспортный документ, которым, надо полагать, в грузовых перевозках также может стать известный в мировой практике *сквозной коносамент* [5, с. 303–304]. Бумажная или электронная форма единого транспортного документа, а также порядок его оформления на бумажном носителе (формирование в виде электронного документа) утверждаются компетентным федеральным органом исполнительной власти; утверждению также подлежит формат электронного единого транспортного документа (см. ч. 6, 7 ст. 3 Закона).

4. Наконец, стороны Соглашения, участвующие в осуществлении перевозки в ПСС, после заключения договора перевозки и до начала его исполнения должны: а) определить маршрут перевозки в ПСС; б) осуществить иные действия, необходимые для исполнения договора перевозки, в том числе согласовать время передачи груза, багажа, грузобагажа, а также время пересадки пассажира с одного вида транспорта на другой вид транспорта (см. ч. 9 ст. 3 Закона). Выходит, что грузоотправители и пассажиры, заключившие договор перевозки в ПСС, отстранены от решения этих значимых для них вопросов. Видимо, законодатель исходит из того, что достаточная гарантия их интересов – закрепленные в ч. 9 ст. 3 Закона принципы *оптимизации* и *экономичности* при исполнении обязательства по перевозке в ПСС (согласно которым такая перевозка должна осуществляться по кратчайшему состоянию и с минимальной разницей между временем отправления и временем прибытия транспортных средств).

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 288-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4984.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. 880 с.
5. Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. М., 1993. 512 с.

About the Juridical Facts for Rise and Realization of Straight Mixed Transportation Service in the Fresh Law of Straight Mixed Transportation Service

© V. V. Rovniy, 2024

Abstract. Peculiarities of straight mixed transportation service are under consideration. Juridical facts for rise and realization straight mixed transportation service are being comprehending. Some rules of the fresh Federal Law about straight mixed transportation service, published in august 2024 and not yet entering into force, were analyzed.

Keywords: straight mixed transportation service, agreement about organization of straight mixed transportation service, contract of straight mixed transportation service.

Ровный Валерий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: rovníy@mail.ru

Rovniy Valeriy Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil Law Department, Law Institute; Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: rovníy@mail.ru

Нетекстовые сообщения в договорном праве: социальная обусловленность и перспективы развития

© А. Ю. Рябова, 2024

Аннотация. Статья посвящена анализу нетекстовых сообщений в договорном праве. Обмен нетекстовыми сообщениями, который является достижением процесса цифровизации, активно применяются участниками договорных правоотношений. Однако их применение при отсутствии правовой регламентации создает ряд вопросов, в том числе могут ли нетекстовые сообщения выступать в качестве юридического факта, способного влечь правовые последствия. Приводятся подходы судебной практики по правовой оценке нетекстовых сообщений в договорном праве. Сформулированы определенные выводы по совершенствованию гражданского права в отношении нетекстовых сообщений.

Ключевые слова: гражданское право, договорное право, совершенствование гражданского права, нетекстовые сообщения, цифровизация, правовая определенность.

Процесс цифровизации охватил все сферы общественных отношений. В научной литературе справедливо констатируется, что цифровизация как всеобщий процесс цифровых преобразований, один из трендов мирового развития, затронувший жизнь человечества на всех уровнях, строится на внедрении новых экономических моделей, тотальном изменении процесса производства и всего образа жизни человека [1, с. 81].

Отношения, регламентирующиеся нормами гражданского права, не стали исключением. Так, можно проследить внедрение достижений цифровизации в гражданское законодательство на примере ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), когда Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» расширил перечень объектов гражданских прав цифровыми правами. Спустя несколько лет Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» вновь расширил объекты гражданских прав цифровыми рублями.

Таким образом, гражданское право модернизируется и совершенствуется, в том числе посредством признания явлений, являющихся достижениями процесса цифровизации, объектами гражданского права.

Однако есть ряд направлений гражданского права, требующих научного дискурса для выработки жизнеспособных правовых конструкций и их последующей адаптации к современным реалиям. Одним из таких направлений гражданского права, требующих анализа и

совершенствования, есть нетекстовые сообщения в договорном праве, имеющие место быть, например, при согласовании условий договоров.

Бесспорно, что процесс заключения договора представляет собой фактический состав, элементы которого (стадии) «накапливаются» последовательно или произвольно [2, с. 51].

При этом процесс цифровизации трансформировал саму форму взаимодействия между хозяйствующими субъектами. Условия договоров, по которым ранее могла быть достигнута договоренность путем официального обмена корреспонденцией, затем стали решаться в неофициальное переписке, например, по электронной почте.

Дальнейшее развитие цифровизации привело к тому, что субъекты гражданских правоотношений еще больше упразднили процесс взаимодействия между собой, начав использовать различные программы, мессенджеры. Процесс стал характеризоваться тем, что достижение соглашений по тем или иным вопросам стало осуществляться путем использования нетекстовых сообщений (эмодзи, смайлы, эмотиконы и т. п.). Субъекты, обмениваясь такими сообщениями, зачастую не видят риски и не прогнозируют дальнейшее развитие событий в части возможности появления разногласий, способных иметь место ввиду обмена такими сообщениями. Анализ судебной практики показал, что разногласия, вытекающие из обмена нетекстовыми сообщениями в договорном праве между субъектами правоотношений, имеют место быть. Более того, суды неоднозначно воспринимают такой формат взаимодействия.

Так, есть риск того, что суд действие по отправке нетекстовых сообщений не признает юридическим фактом, влекущим правовые последствия.

Уместно привести в качестве примера Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 30.10.2023 № 02АП-5712/2023 по делу № А28–2634/2023. Истец Х. обратился в Арбитражный суд с иском к ответчику У. по вопросу взыскания процентов в связи с ненадлежащим выполнением условий договора. К делу привлечено третье лицо К. (покупатель).

Судом установлено, что между К. и У. заключен договор на поставку материалов. Далее К. (цедент) заключило с Х. (цессионарий) договор уступки права требования (цессии), по которому К. уступило Х. право требования к У. о возврате неосновательного обогащения, а также проценты за пользование чужими денежными средствами.

Полагая, что У. необоснованно уклоняется от возврата денежных средств, Х. обратилось в арбитражный суд с иском к У.

Аргумент ответчика о том, что третье лицо К. подтвердило получение и прочтение данного изображения путем использования смайлика (язык эмодзи), выражающего одобрение, судом не приняты, поскольку не свидетельствует о том, что покупатель воспринял фотоснимок в качестве уведомления о готовности товара к отгрузке. Как посчитал суд, получение в ответ эмодзи «Большой палец вверх» нельзя признать сложившейся между сторонами договора практикой уведомления о готовности товара к отгрузке.

Необходимо обратить внимание на то, что суд не принял во внимание переписку, хотя условиями договора, заключенного между К. и У., предусмотрен обмен сообщений и документов в том числе посредством мессенджера.

Данная проблема не была актуальной, если бы не было противоположной практики. В постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 15АП-8889/2023 по делу № А32-36944/2022 суд признал действие по отправке нетекстового сообщения юридическим фактом, влекущим правовые последствия.

Истец считает, что условия договора были согласованы посредством переписки в мессенджере с ответчиком: «Хорошо желтая полоска (1003) на белом фоне». После этой фразы следует сообщение в виде эмодзи.

Как полагает суд, данный знак в обычно принятом и распространенном понимании при общении посредством электронной переписки означает «хорошо». Ответчик, указывая на возможность различных интерпретаций данного изображения, иного разумного понимаемого значения данного изображения не предложил. В последующей переписке значение данного ответа не уточнил, из чего следует, что ответчик воспринял данный ответ как согласие, не требующее дополнительного объяснения.

В связи с этим возникают вопросы, как ориентироваться участникам правоотношений в связи с процессом цифровизации в договорном праве для выбора правильного поведения в целях исполнения договорных обязательств, будет ли отправка нетекстового сообщения при закреплении в договоре возможности обмениваться таким способом судом признаваться акцептом на полученную оферту и т. п.

Таким образом, констатируется проблема, что участники договорных правоотношений внедряют в практику достижения цифровизации, однако суды не определились с квалификацией действий участников таких правоотношений по отправке нетекстовых сообщений ввиду отсутствия правовой регламентации в гражданском праве, равно как и суды используют разные понятия для описания нетекстовых сообщений.

В связи с этим для участников правоотношений становится проблематичным при отсутствии соответствующих положений в граждан-

ском праве ориентироваться в подходах судебной практики для принятия юридически значимых решений при осуществлении ими предпринимательской деятельности, заключении и исполнении договоров. Тем самым создается риск невозможности хозяйствующими субъектами предвидеть последствия своего поведения. Более того, право не должно создавать искусственные ограничения, в том числе для развития цифровизации. Право, регулируя отношения, в том числе, вытекающие из договоров, должно адаптироваться к современным условиям и не быть архаичным.

В. Д. Зорькин справедливо пишет, что наступило время конкретизации прав и свобод человека и гражданина применительно к цифровой реальности [3]. Поэтому будет неправильным не учитывать тот факт, что технологии сейчас играют огромную роль в развитии и функционировании всех сфер, в том числе права. Более того, дальнейшие процессы цифровизации, учитывая необратимость данного процесса, приведут к трансформации правоотношений и появлением нового содержания их толкований.

Таким образом, в целях создания правовой определенности в отношении нетекстовых сообщений в договорном праве требуется решить для нивелирования рисков неверного или вводящего в заблуждение использования понятий следующие задачи.

Во-первых, разработать понятийный аппарат, характеризующий нетекстовые сообщения («эмодзи», «смайл» и т. п.) в целях исключения семантической размытости.

Во-вторых, использовать разработанный понятийный аппарат в целях исключения двусмысленности и неправильного толкования.

В-третьих, оптимизировать с учетом разработанного понятийного аппарата гражданское право, создав для участников гражданских правоотношений правовую основу для обмена нетекстовыми сообщениями с использованием программных средств, являющихся результатом процесса цифровизации.

Литература

1. Борисова А. А., Бабаева А. В., Хуторная М. Л. Цифровизация в России: этические проблемы // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8. С. 81–85.
2. Ровный В. В. Модели заключения договора (памяти Б. Л. Хаскельберга) // Сибирский юридический вестник. 2023. № 1(100). С. 44–51.
3. Зорькин В. Д. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstvaprznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 19.10.2024).

Non-text Messages in Contract Law: Social Conditionality and Development Prospects

© A. Yu. Ryabova, 2024

Abstract. This article is devoted to the analysis of non-text messages in contract law. Non-text messages, which are not mentioned in civil law, are an achievement of the digitalization process and are actively used by participants in contractual legal relations. However, their application in the absence of legal regulation creates a number of issues, including the possibility of being a legal fact capable of entailing legal consequences. The approaches of judicial practice on the legal assessment of non-textual messages in contract law are presented. Certain conclusions have been formulated on the improvement of civil law in relation to non-text messages.

Keywords: civil law, contract law, improvement of civil law, non-text messages, digitalization, legal certainty.

Рябова Анна Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения и основ профсоюзного движения, Якутский экономико-правовой институт (филиал) Академии труда и социальных отношений, г. Якутск, e-mail: a.ria_1@mail.ru

Ryabova Anna Yurevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence and Fundamentals of the Trade Union Movement, Yakutsk Institute of Economics and Law (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Yakutsk, e-mail: a.ria_1@mail.ru

Научное издание

ПРАВОВОЙ КЛАССИЦИЗМ И ПОСТМОДЕРН В ПРАВЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

ISBN 978-5-9624-2351-7

*Материалы публикуются в авторской редакции
Дизайн обложки: П. О. Еришов*

Темплан 2024 г. Поз. 155
Уч.-изд. л. 14,7

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124